

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2018. Т. 14(1–4), № 2

ISSN 2072-2427

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-22078 от 14.10.2005.

Главный редактор А. П. Скиба

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

Дата выхода в свет 28.06.2018. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 71616;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aipk.org) – 71616.

Все права защищены.
Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования.

© Академия ФСИН России, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Скиба Андрей Петрович,**
главный редактор, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)
- Грушин Федор Владимирович,**
заместитель главного редактора, кандидат юридических наук (Россия, Рязань)
- Букалерова Людмила Александровна,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Гаврилов Борис Яковлевич,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Горазд Мешко,**
доктор (PhD), профессор криминологии (Словения, Любляна)
- Детков Алексей Петрович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
- Кашуба Юрий Анатольевич,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)
- Кийко Николай Владимирович,**
кандидат юридических наук, доцент (Беларусь, Минск)
- Козаченко Иван Яковлевич,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
- Крымов Александр Александрович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)
- Маликов Борис Зуфарович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Уфа)
- Наваан Гантулга,**
доктор (PhD), профессор (Монголия, Улан-Батор)
- Овсянников Игорь Владимирович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)
- Орлов Владислав Николаевич,**
доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
- Родионов Алексей Владимирович,**
доктор экономических наук (Россия, Рязань)
- Селиверстов Вячеслав Иванович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
- Скаков Айдаркан Байдекович,**
доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)
- Скрипченко Нина Юрьевна,**
доктор юридических наук, доцент (Россия, Архангельск)
- Смирнова Ирина Николаевна**
доктор юридических наук (Россия, Псков)
- Терещенко Татьяна Георгиевна,**
кандидат юридических наук (Беларусь, Минск)
- Уткин Владимир Александрович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Томск)
- Шабанов Вячеслав Борисович,**
доктор юридических наук, профессор (Беларусь, Минск)
- Южанин Вячеслав Ефимович,**
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL TEAM

Skiba Andrej Petrovich,

Editor-in-chief, Grand Doctor (Law), Associate Professor (Russia, Ryazan)

Grushin Fedor Vladimirovich,

Deputy Chief Editor, PhD (Law) (Russia, Ryazan)

Bukalerova Ljudmila Aleksandrovna,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Moscow)

Gavrilov Boris Jakovlevich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Moscow)

Gorazd Meško,

PhD, Professor of criminology (Slovenia, Ljubljana)

Detkov Aleksej Petrovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Barnaul)

Kashuba Jurij Anatol'evich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Ryazan)

Kijko Nikolaj Vladimirovich,

PhD (Law), Associate Professor (Belarus, Minsk)

Kozachenko Ivan Jakovlevich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Ekaterinburg)

Krymov Aleksandr Aleksandrovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Ryazan)

Malikov Boris Zufarovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Ufa)

Navaan Gantulga,

PhD, Professor (Mongolia, Ulan-Bator)

Ovsjannikov Igor' Vladimirovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Ryazan)

Orlov Vladislav Nikolaevich,

Grand Doctor (Law), Associate Professor (Russia, Moscow)

Rodionov Aleksej Vladimirovich,

Grand Doctor (Economics) (Russia, Ryazan)

Seliverstov Vjacheslav Ivanovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Moscow)

Skakov Ajdarkan Bajdekovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Kazakhstan, Astana)

Skripchenko Nina Jur'evna,

Grand Doctor (Law), Associate Professor (Russia, Arhangelsk)

Smirnova Irina Nikolaevna,

Grand Doctor (Law) (Russia, Pskov)

Tereshhenko Tat'jana Georgievna,

PhD (Law) (Belarus, Minsk)

Utkin Vladimir Aleksandrovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Tomsk)

Shabanov Vjacheslav Borisovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Belarus, Minsk)

Juzhanin Vjacheslav Efimovich,

Grand Doctor (Law), Professor (Russia, Ryazan)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУЧКОВУ И МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

- 112** *Скиба А. П., Коробова И. Н.* Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева (20 апреля 2018 г.)

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

- 116** *Скаков А. Б.* Об оценке поведения осужденных, лишенных свободы
124 *Южанин В. Е.* Нормы-фикции в институте исполнения наказания в виде лишения свободы
130 *Головастова Ю. А.* К вопросу об исполнении иных мер уголовно-правового характера

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 140** *Грушин Ф. В.* Реализация уголовно-исполнительной политики Российской Федерации

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИХ ДОСТИЖЕНИЕ

- 146** *Маликов Б. З.* Общественное воздействие – средство исправления осужденных, и роль в нем религиозного аспекта
152 *Смирнов Л. Б.* Наказание в виде лишения свободы в контексте уголовно-исполнительного права и пенитенциарной практики
160 *Смирнов И. А.* Положительно характеризующиеся осужденные в прогрессивной системе ресоциализации

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

- 168** *Коробова И. Н., Хван Т. С., Васильева Е. Б.* Проблемы обеспечения прав и свобод осужденных в исправительных учреждениях России: по материалам докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
174 *Арнюдаев Ш. А.* К вопросу о запрете активного избирательного права осужденных к лишению свободы: должно ли оно ограничиваться?

УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ, И ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- 179** *Фомин В. В.* Особенности правового сознания сотрудников уголовно-исполнительной системы

ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

- 184** *Емельянова Е. В., Емельянов Н. С.* К вопросу о профилактике пенитенциарных конфликтов оперативными сотрудниками уголовно-исполнительной системы

ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

- 189** *Шанина А. А.* Некоторые вопросы условно-досрочного освобождения лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера в связи с расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

- 195** *Акимжанов Т. К.* О некоторых проблемах обеспечения пенитенциарной безопасности в Республике Казахстан
- 204** *Павленко А. А.* Одиночное заключение: международно-правовой подход и российская практика
- 210** *Тепляшин П. В.* Славянский или советский пенитенциарный тип (в контексте теории типологизации европейских пенитенциарных систем)?
- 217** *Гумбатов М. Г.* Новеллы в законодательстве Азербайджанской Республики, связанные с уголовным наказанием в виде общественных работ

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

- 222** *Скрипченко Н. Ю.* Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость?

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

- 227** *Милюков С. Ф.* Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Красниковой Е. В. «Криминологическая характеристика и предупреждение коррупции в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы»

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

NIKOLAY ALEKSEEVICH STRUCHKOV AND MIKHAIL PETROVICH MELENTIEV DEDICATED

- 234** *Skiba A. P., Korobova I. N.* All-Russian scientific-practical conference “Actual problems of Penal law and execution of punishments” dedicated to the memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentiev (20 April 2018)

THE THEORY OF PENAL LAW

- 235** *Skakov A. B.* On the imprisoned convicts behavior
236 *Yuzhanin V. Ye.* Fiction norms in the institute of execution of punishment in the form of deprivation of liberty
237 *Golovastova Yu. A.* On the question of execution of other measures of criminal legal nature

PENAL POLICY

- 239** *Grushin F. V.* Implementation of penal policy of the Russian Federation

THE PURPOSES OF THE PENAL LEGISLATION AND THEIR ACHIEVEMENT

- 240** *Malikov B. Z.* Social influence as a means of correction of convicts and the role of religious aspect in it
241 *Smirnov L. B.* Penalty in the form of deprivation of liberty within the context of penal law and penitentiary practice
242 *Smirnov I. A.* Positively characterized convicts in the progressive resocialization program

THE LEGAL STATUS OF CONVICTED PERSONS

- 243** *Korobova, I. N., Khvan T. S., Vasilieva Ye. B.* Problems of ensuring the rights and freedoms of convicted persons in correctional institutions of Russia: proceedings of the Human Rights Commissioner of Russia
244 *Arnyudayev S. A.* The prohibition of convicts' suffrage: should it be restricted?

PENAL INSTITUTIONS AND BODIES AND THEIR LEGAL ACTIVITY

- 245** *Fomin V. V.* Features of legal consciousness of penal system staff

THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES ASSOCIATED CUSTODIAL

- 246** *Yemelyanova Y. V., Emelyanov N. S.* On the question of prevention and control of the prison conflicts by operational staff of the penal system

EARLY RELEASE FROM PUNISHMENT

- 247** *Shanina A. A.* Some questions of parole of persons subject to compulsory measures of medical nature in connection with disorders of sexual preference (pedophilia) including sanity

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF CRIMINAL PUNISHMENT EXECUTION

- 248** *Akimzhanov T. K.* On some problems of penitentiary security ensurance in Republic of Kazakhstan
- 249** *Pavlenko A. A.* Solitary confinement: international legal approach and Russian practice
- 251** *Teplyashin P. V.* Slavic or Soviet prison type (in the context of the theory of typology of European prison system)?
- 252** *Gumbatov M. G.* Novels in the legislation of the Republic of Azerbaidzhan connected with criminal punishment in the form of community service

INTERSECTORAL ASPECTS OF ENFORCEMENT OF CRIMINAL SANCTIONS

- 253** *Skripchenko N. Yu.* Misdemeanor offense: objective demand or proclaimed necessity?

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

- 254** *Milyukov S. A.* A review of the official opponent on PhD (Law) thesis Krasnikov Ye. V. "Criminological characteristics and corruption prevention in the sphere of execution of criminal punishment in the sphere of execution of criminal punishment in the form of imprisonment"

УДК 343.8

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: apskiba@mail.ru;

ИРИНА НИКОЛАЕВНА КОРОБОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: i-korobova@yandex.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА
И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРОВ
Н. А. СТРУЧКОВА И М. П. МЕЛЕНТЬЕВА (20 АПРЕЛЯ 2018 Г.)**

Для цитирования

Скиба, А. П. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева (20 апреля 2018 г.) / А. П. Скиба, И. Н. Коробова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 112–115.

Аннотация. 20 апреля 2018 г. кафедрой уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России совместно с научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в рамках проекта «Визитная карточка кафедры» была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева. Особенности научного мероприятия стали демонстрация фильма о кафедре уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, видеообращение к участникам конференции со стороны представителей Алтайского государственного университета и Академии МВД Республики Беларусь, а также презентация некоторых учебных изданий, в том числе Комментария к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, в авторский коллектив которых вошли сотрудники Академии ФСИН России.

Ключевые слова: Всероссийская научно-практическая конференция, визитная карточка кафедры, профессор М. П. Мелентьев, профессор Н. А. Стручков, развитие теории исполнения наказаний, современное состояние и проблемы исполнения лишения свободы, альтернативные лишению свободы виды наказаний.

В соответствии с п. 11 разд. IV плана НИД Академии ФСИН России на 2018 год в рамках проекта «Визитная карточка кафедры» 20 апреля 2018 г. кафедрой уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России совместно с научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева. Проведение данной конференции является традиционным [1], и большой интерес к ней проявляют не только ведущие ученые России и других стран, но и практические работники, особенно в сфере уголовно-исполнительной деятельности, считая ее площадкой для поиска совместно с научным сообществом путей совершенствования своей деятельности в рамках уголовно-исполнительного и иного законодательства и выработки предложений по его совершенствованию.

Второй год подряд памяти профессора Н. А. Стручкова, имя которого носит кафедра уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, были также посвящены II Стручковские чтения «Уголовно-исполнительный процесс: проблемы и совершенствование», проведенные 15 февраля 2018 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА), учредителями и членами организационного комитета которых выступили С. А. Борсученко [Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)], В. Н. Орлов [Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)] и А. П. Скиба (Академия ФСИН России).

Во Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний» приняли участие ведущие ученые-пенитенциаристы России и иностранных государств, адъюнкты, курсанты, а также представители:

– центрального аппарата ФСИН России, территориальных органов ФСИН России, научно-исследовательских и образовательных организаций ФСИН России (Академия ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России, Владимирский юридический институт ФСИН России, Самарский юридический институт ФСИН России, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Кузбасский институт ФСИН России и др.);

– пенитенциарных и других служб и образовательных учреждений зарубежных стран (Азербайджанская Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, республики Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан);

– научно-исследовательских и образовательных организаций Минобрнауки России (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Национальный исследовательский Томский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Российский государственный университет правосудия, Московский государственный лингвистический университет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Амурский государственный университет, Бурятский государственный университет, Алтайский государственный университет, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Южный федеральный университет, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и др.), Следственного комитета России (Санкт-Петербургская академия Следственного комитета), Минюста России [Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)], МВД России

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Академия управления МВД России, Нижегородская академия МВД России, Уфимский юридический институт МВД России и др.);

– общественных организаций.

С приветственным словом выступили заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе Г. В. Щербаков, супруга М. П. Мелентьева – Маргарита Мелентьева, а также В. И. Селиверстов и А. П. Скиба (сопредседатели программного комитета). Отдельная благодарность была адресована сотрудникам Академии ФСИН России – членам программного комитета конференции И. Н. Коробовой, Э. В. Лядову, И. А. Давыдовой, Ф. В. Грушину.

С видеообращениями к участникам конференции выступили А. П. Детков (Алтайский государственный университет) и Н. В. Кийко (Академия МВД Республики Беларусь).

На конференции был продемонстрирован новый фильм о кафедре уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, созданный специально к открытию конференции, а также проведена презентация некоторых учебных изданий, в авторский коллектив которых вошли сотрудники Академии ФСИН России:

Комментария к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (Издательство «ЮНИТИ-ДАНА», 2018) под общей редакцией А. А. Крымова и под научной редакцией А. П. Скибы (авторский коллектив: Горяинов К. К., Грушин Ф. В., Давыдова И. А., Казак И. Б., Казакова В. А., Кашуба Ю. А., Кийко Н. В., Козаченко Б. П., Коробова И. Н., Крымов А. А., Лядов Э. В., Маликов Б. З., Орлов В. Н., Панарин Д. А., Пономарев С. Н., Родионов А. В., Селиверстов В. И., Сиряков А. Н., Скиба А. П., Уткин В. А., Шуранова О. А., Эриашвили Н. Д., Южанин В. Е. и др.);

учебного пособия для вузов (Издательство «Юрайт», 2018) «Основы уголовно-исполнительного права России» под редакцией В. Е. Эминова и В. Н. Орлова (авторский коллектив: Кашуба Ю. А., Крымов А. А., Орлов В. Н., Скиба А. П., Упоров И. В., Уткин В. А., Эминов В. Е.);

учебного пособия для вузов (Издательство «Юрайт», 2018) «Уголовно-исполнительное право России: введение в Общую часть» под редакцией В. Е. Эминова и В. Н. Орлова (авторский коллектив: Давыдова И. А., Кашуба Ю. А., Коробова И. Н., Орлов В. Н., Скорик Е. Н., Упоров И. В., Уткин В. А., Эминов В. Е.);

учебного пособия для бакалавриата, специалитета и магистратуры (Издательство «Юрайт», 2018) «Уголовно-исполнительное право России: общие начала» под редакцией В. Е. Эминова и В. Н. Орлова (авторский коллектив: Артеменко Н. В., Борсученко С. А., Кашуба Ю. А., Орлов В. Н., Упоров И. В., Уткин В. А., Эминов В. Е.).

На конференции выступили:

С. Л. Бабаян (ФКУ НИИ ФСИН России, Российский государственный университет правосудия) с докладом на тему «Освобождение от отбывания наказания: проблемы и пути совершенствования»;

Ю. А. Головастова (Московский университет имени С. Ю. Витте в г. Рязани) с докладом на тему «К вопросу об исполнении иных мер уголовно-правового характера»;

В. А. Казакова (Московский государственный лингвистический университет) с докладом на тему «Уголовно-правовая регламентация судебного усмотрения наказуемости преступного деяния»;

Ю. А. Кашуба (Академия ФСИН России) с докладом на тему «Возможность распространения режима особых условий в исправительных учреждениях на другие учреждения уголовно-исполнительной системы»;

В. Н. Орлов [Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)] с докладом на тему «Содержание уголовного наказания в виде исправительных работ: уголовно-правовые (материальные) и уголовно-исполнительные (процессуальные) нормы»;

Н. И. Полищук (Академия ФСИН России) с докладом на тему «Функциональные ценности уголовно-исполнительного производства»;

С. Н. Пономарев (Академия ФСИН России) с докладом на тему «Профессор Н. А. Стручков – о понятии исправительно-трудовой политики»;

В. И. Селиверстов (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) с докладом на тему «Девятая специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей: основные проблемы и перспективы проведения»;

А. П. Скиба (Академия ФСИН России) с докладом на тему «К вопросу о результатах работы авторского коллектива по выявлению и анализу коллизий законодательства: их схожесть и различия в России и ряде стран (Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Таджикистане, Узбекистане)»;

Р. З. Усеев (Самарский юридический институт ФСИН России) с докладом на тему «От условий свободы к условиям изоляции личности в системе наказаний и мер пресечения»;

В. Е. Южанин (Академия ФСИН России) с докладом на тему «Нормы-фикции в институте исполнения наказания в виде лишения свободы» и др.

В обсуждении научных проблем также принимали участие: Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова, И. Н. Коробова, Э. В. Лядов, И. С. Нистратова, О. В. Полосухина, А. В. Родионов, Е. Г. Русская, А. Н. Сиряков, И. А. Смирнов, Е. Д. Харитонович, Т. С. Хван (Академия ФСИН России), С. М. Савушкин (Кузбасский институт ФСИН России), А. В. Звонов (Владимирский юридический институт ФСИН России), О. А. Рыкунова, Т. С. Тунчик (Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников ФСИН России) и др.

В рамках оживленной дискуссии были затронуты вопросы развития теории и практики исполнения наказаний в научных трудах профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева, совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства, проблем и особенностей межотраслевых аспектов применения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, проблем освобождения от отбывания наказания и осуществления постпенитенциарного контроля и др.

Научные дискуссии продолжились и после официальной части конференции.

Представляется, что проведение 20 апреля 2018 г. Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященной памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева, на которой обсуждались перспективные направления совершенствования уголовно-исполнительного права и законодательства, реализуемые кафедрой уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, и в дальнейшем будет способствовать активизации совместной работы пенитенциаристов России и зарубежных стран.

Библиографический список

1. Скиба А. П., Коробова И. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 2. С. 99–102.

УДК 343.8 (574)

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: editor62@yandex.ru

ОБ ОЦЕНКЕ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

Для цитирования

Скаков, А. Б. Об оценке поведения осужденных, лишенных свободы / А. Б. Скаков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 116–123.

Аннотация. Обеспечение прав и законных интересов человека в Казахстане и России является приоритетным направлением деятельности государства. Один из самых действенных способов стимулирования правопослушного поведения осужденных заключается в реализации прогрессивной системы отбывания наказания. В действующем казахстанском и российском законодательствах термин «прогрессивная система», к сожалению, не используется. Гораздо чаще он встречается в специальной литературе, чем в нормативных правовых актах.

В статье излагается авторское понимание прогрессивной системы и предлагается ее определение с учетом позиций различных ученых. Рассматривается значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Ключевым моментом в применении институтов прогрессивной системы является определение степени исправления осужденного. Приводится общепризнанная классификация осужденных: положительно характеризующиеся (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления и доказавшие свое исправление) и отрицательно характеризующиеся (не вставшие на путь исправления и злостные нарушители режима). В связи с этим предлагается авторское представление о критериях исправления осужденного, классификации степеней исправления. Анализируются три классификационные группы (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление). На основе данного анализа делается вывод о недостаточности данных критериев в современных условиях, то есть о необходимости разграничения по степени исправления большого числа категорий осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, осужденные, прогрессивная система, исправление осужденных.

Конституциями Республики Казахстан и Российской Федерации приоритетным направлением деятельности государства определены обеспечение прав и законных интересов человека. Это требование распространяется и на осужденных, составляющих часть общества, поэтому наряду с принудительными мерами законодательством предусматриваются и иные способы воздействия на осужденных. Одним из них является стимулирование их правопослушного поведения путем реализации в процессе отбывания наказания прогрессивной системы.

В настоящее время значительная часть элементов прогрессивной системы уже реализована как в казахстанском, так и в российском законодательстве и правоприменительной практике. Из традиционно выделяемых форм прогрессивной системы в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено постепенное изменение условий содержания осужденных как внутри одного исправительного учреждения, так и путем перевода в исправительное учреждение другого вида. В уголовном законодательстве закреплена возможность замены наказания более мягким или более строгим видом наказания, а также условно-досрочного освобождения осужденных.

В наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения.

Следует отметить, что в действующих в казахстанском и российском уголовно-исполнительных кодексах термин «прогрессивная система» не используется. Гораздо чаще он встречается в специальной литературе, чем в правовых актах. Естественно, разные авторы вкладывают в него различный смысл. Отсутствует и общепринятая ее дефиниция. В связи с этим в данной статье рассматривается авторское понимание прогрессивной системы. Как нам представляется, прогрессивную систему можно охарактеризовать как единый институт, состоящий из нескольких самостоятельных элементов, включающих в себя нормы различных отраслей права.

Действительно, такие элементы прогрессивной системы, как изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения и перевод в исправительное учреждение другого вида, обладают специфическими особенностями, не говоря уже о замене наказания в процессе отбывания и условно-досрочном освобождении, что позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные институты. Согласно теории к признакам правового института относят: наличие совокупности норм, имеющей собственную структуру; своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм, ее внешнее обособление и обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия на определенный участок общественных отношений; отраслевую чистоту норм [1]. Самостоятельный характер институтов, являющихся структурными элементами прогрессивной системы, казалось бы, должен служить препятствием для объединения их в единую систему, тем более что первые два имеют уголовно-исполнительную природу, а два последних – уголовно-правовую.

Между тем правовые институты могут образовываться не только в рамках одной отрасли. Тесная взаимосвязь уголовного и уголовно-исполнительного права, с помощью которого обеспечивается реализация значительной части предписаний уголовного законодательства и достижение стоящих перед ним задач, позволяет говорить о формировании межотраслевых институтов. В данном случае единые цель, правовые последствия, основания применения входящих в прогрессивную систему элементов позволяют говорить о ней как о едином институте, имеющем межотраслевой характер.

Другим важным вопросом, который следует рассмотреть, является значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Большинство ученых-пенитенциаристов, изучавших значение институтов прогрессивной системы в профилактике правонарушений среди осужденных, отмечают их высокий потенциал в предупреждении преступности. Действительно, широкомасштабное применение структурных элементов прогрессивной системы путем изменения условий содержания в зависимости от поведения осужденных существенно улучшает дисциплинарную практику исполнения лишения свободы. Сделанный нами вывод подтвердился проведенным в конце 80-х годов прошлого века всесоюзным экспериментом, проведенным на базе исправительных колоний Чимкентской области Казахской ССР.

Учитывая изложенное, нами предлагается следующее определение прогрессивной системы: прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим в себя несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав.

Другим ключевым моментом уже в применении институтов прогрессивной системы является определение степени исправления осужденного. Эта проблема весьма сложна, многоаспектна и сама по себе вполне может стать предметом самостоятельного изучения [2, с. 36–46].

Прежде всего, речь пойдет об изменившемся подходе законодателя к формулировкам, определяющим степень исправления осужденных. Дело в том, и это вполне естественно, что авторы, ориентировавшиеся на ранее действовавшее законодательство, исходили именно из старых формулировок и пытались наполнить их содержанием, например, показать, что означает формулировка «доказал свое исправление», как собственно оно доказывается (тем более что в законодательстве было на это прямое указание – примерным поведением и честным отношением к труду).

Можно констатировать, что практически общепризнанной стала следующая классификация осужденных: положительно характеризовавшиеся подразделялись на вставших на путь исправления, твердо вставших на путь исправления и доказавших свое исправление. Отрицательно характеризовавшиеся – на не вставших на путь исправления и злостных нарушителей режима [10, с. 59].

Как известно, в уголовно-исполнительном законе определены основные средства исправления осужденных. К ним, помимо режима и общественно полезного труда, относятся воспитательная работа, получение среднего образования, профессиональная подготовка, общественное воздействие (ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан). Исходя из этого и поведение понимается традиционно достаточно широко, то есть в него включается отношение осужденного ко всем элементам воспитательной деятельности [9, с. 14–15]. Кроме того, не следует забывать об основных обязанностях осужденных, предусмотренных в уголовно-исполнительном законодательстве. А они, разумеется, тоже должны исполняться.

Таким образом, описанный «расширительный» подход к определению понятия поведения вполне, на наш взгляд, оправдан. Так, Д. С. Чукмаитов, анализируя уже новое законодательство, вполне справедливо пишет: «Под примерным поведением следует понимать исполнение всех правовых норм, правил общежития, норм морали, соблюдение всех требований режима отбывания наказания в местах лишения свободы, каче-

ственное выполнение поручаемой работы, соблюдение правил техники безопасности, бережное отношение к оборудованию, материалам, инструментам и т. д.» [12, с. 83–84]. Приведенная цитата относится именно к примерному поведению, представляющему наиболее высокую степень исправления осужденного. Однако принципиальный подход к тому, что следует учитывать в качестве факторов, характеризующих поведение осужденного, от этого вряд ли может измениться. Заметим, что некоторые авторы значительно расширяют вышеприведенный перечень, добавляя к нему такие факторы, как взаимоотношения с семьей, отношение к принудительному лечению от алкоголизма или наркомании [6, с. 32]. В литературе высказывалось мнение, что число таких критериев может быть различным [4, с. 53; 7, с. 21–26] и даже бесконечным [2, с. 23–24].

Второй важный вывод, который можно сделать из вышеприведенных законодательных формулировок, состоит в следующем.

В новом законодательстве не нашла никакого отражения общепринятая доктринальная классификация степеней исправления осужденных, упоминавшаяся выше. Более того, за основу формулировок берутся разные, не соотносящиеся друг с другом показатели. На наш взгляд, это вряд ли можно признать обоснованным. Было бы более целесообразным адаптировать эту классификацию применительно к разным по степени «льготности» институтам прогрессивной системы. Например, вставшие на путь исправления могут переводиться на облегченные условия содержания, твердо вставшие – в исправительное учреждение другого вида, доказавшие свое исправление – освобождаться условно-досрочно.

Правда, здесь возникает одно обстоятельство. Как уже говорилось, вышеприведенная наиболее полная классификация осужденных по степени исправления создавалась с учетом норм ранее действовавшего законодательства. Трех классификационных групп (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление) вполне хватало для того, чтобы «соответствовать» определенным институтам прогрессивной системы. Большого, собственно говоря, и не требовалось. Сейчас, похоже, необходима более «дробная» классификация. Иными словами, требуется разграничивать по степени исправления большее число категорий осужденных.

Попробуем обосновать это утверждение. Раньше речь шла именно о трех возможных правовых последствиях достижения той или иной степени исправления: перевод на улучшенные условия содержания в рамках одного исправительного учреждения – для вставших на путь исправления; перевод в исправительное учреждение другого вида – для твердо вставших на путь исправления; условно-досрочное освобождение либо замена наказания более мягким (степень исправления для применения этих институтов устанавливалась одинаковая, что, заметим, подвергалось справедливой критике специалистами [11, с. 23]) – для доказавших свое исправление.

Очевидно, следует исходить из того, что определенной степени улучшения правового положения осужденного должна соответствовать конкретная степень исправления. В противном случае возникает неразрешимая коллизия между стимулирующими положительное поведение нормами. В новом уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана предусмотрено уже шесть степеней улучшения правового положения осужденных: 1) перевод на обычные, 2) облегченные и 3) льготные условия отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения, 4) перевод в учреждение иного вида, 5) замена наказания более мягким и 6) условно-досрочное освобождение.

Не исключено, что именно со сложностью выделения такого большого количества степеней исправления и связано отсутствие сколько-нибудь системного подхода зако-

нодателя к формулированию оснований применения различных институтов прогрессивной системы. На наш взгляд, в новом законодательстве этот подход даже менее систематичен, чем в ранее действовавшем.

Приведем, на наш взгляд, довольно яркий пример. Перевод на льготные условия содержания возможен для доказавших свое исправление осужденных; условно-досрочно могут быть освобождены, как уже отмечалось, лица, не нуждающиеся в полном отбывании наказания. Внешне формулировки вроде бы разные, а по сути, на наш взгляд, абсолютно идентичные. В самом деле, если осужденный исправился, то зачем дальше заставлять его отбывать наказание?

Из приведенного примера видно, что законодатель пытается разграничить степени исправления, применяя внешне различные, но по существу одинаковые формулировки. Вот здесь-то и возникает упоминавшаяся выше коллизия. Осужденные, достигшие одинаковой степени исправления, могут в равной мере претендовать как на льготные условия отбывания наказания в том исправительном учреждении, в котором они ранее находились, так и на условно-досрочное освобождение. Это вряд ли справедливо, поскольку условно-досрочное освобождение явно более «льготная» мера.

Было бы более целесообразным отразить в законе уже существующую классификацию осужденных по степени исправления. Правда, для этого потребуются, как видно из вышеизложенного, более дробная градация. При этом следует учитывать, что классификация осужденных по степени исправления не самоцель. Она направлена, прежде всего, на решение сугубо практических задач, а именно – на определение возможности применения институтов прогрессивной системы. Нецелесообразно определять степень исправления исходя из чисто умозрительных соображений, а затем ждать, пока законодатель прислушается к этим соображениям. Недопустимо также ставить «классификационные группы в зависимость от объема изменения условий отбывания наказания. Было бы более правильным вначале определить эти группы исходя из основного критерия их формирования – степени исправления, а затем уже устанавливать необходимые для каждой группы условия отбывания наказания» [5, с. 37].

Именно указанные обстоятельства, на наш взгляд, побудили законодателя прибегнуть к цифровому обозначению степеней положительно характеризующихся осужденных. Однако законодателем были определены только 3 положительные степени поведения осужденных, соответствующих условиям содержания в пределах одного учреждения (обычные, облегченные и льготные условия). Другие институты прогрессивной системы, применение которых возможно при достижении определенной положительной степени поведения осужденных, не нашли своего воплощения в новом законодательстве Казахстана.

Такое деление может принести практическую пользу в том случае, если данная классификация будет закреплена в инструкции по воспитательной работе, а степень исправления будет отражаться в характеристиках осужденных. Разумеется, характеристики осужденным даются периодически либо по мере необходимости (например, в случае представления к условно-досрочному освобождению, помилованию и т. п.), поэтому в них можно будет вносить коррективы, но, несомненно, что они окажут помощь во многих случаях оценки степени исправления осужденных.

Следует отметить, что для реализации данного предложения необходимо попытаться связать классификационные группы с уже действующим законодательством. Более того, такой шаг просто необходимо пытаться сделать, поскольку без него сильно затрудняется применение уже действующих институтов прогрессивной системы. Так, в насто-

ящее время у органов правосудия имеются сложности в оценке поведения осужденных при условно-досрочном освобождении. У судей возникает обоснованный вопрос: как оценивать поведение осужденного, не имеющего в течение длительного времени как взысканий, так и поощрений? Этот вопрос связан с установлением законодателем правила о возможности применения институтов прогрессивной системы только при наличии определенного количества поощрений. На наш взгляд, отсутствие в течение длительного времени взысканий у осужденного следует рассматривать его поведение как положительное. Именно данного результата государство стремится достигнуть при реализации уголовно-исполнительной политики.

Авторы, не связывающие определение степени исправления положительно характеризующихся осужденных с реализацией входящих в прогрессивную систему элементов, ограничиваются меньшим числом классификационных групп, следуя закрепленным в законе предпосылкам. В частности, предлагается в основу деления осужденных положить такой традиционный критерий, как степень отражения позитивных сдвигов в направленности их личности, и различать следующие группы: осужденные, становящиеся на путь исправления, положительно характеризующиеся осужденные и не нуждающиеся для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания [9, с. 16–17]. Полагаем, воспроизведение содержащихся в уголовно-исполнительном законодательстве формулировок не способно внести ясность в систему градации осужденных, связать ее с существующими стимулирующими мерами и обеспечить индивидуализированный подход к каждому осужденному, поэтому сформулированный нами вариант деления осужденных на группы представляется более предпочтительным.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что при предложенной нами более дробной классификации возникают дополнительные сложности в плане определения критериев отнесения осужденных к той или иной группе. Попросту говоря, задача состоит в том, как определить, если так можно выразиться, степень «интенсивности» положительного поведения. Нетрудно заметить, что как в ранее действовавшем, так и в новом законодательстве какие-либо объективные критерии при формулировании оснований применения институтов прогрессивной системы не используются. Исключение, пожалуй, составляет лишь одно из условий перевода на облегченные условия содержания. Как уже упоминалось, в этом случае говорится об отсутствии взыскания за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Такую формулировку можно, на наш взгляд, признать достаточно удачной. Здесь, по крайней мере, есть какая-то ясность. Было нарушение и соответственно взыскание за него – перевод невозможен, и наоборот. Наличие же взыскания – показатель объективно зафиксированный. Это препятствует в определенной мере произвольной оценке поведения осужденного, но повторим, это единственное исключение из общего правила. В целом же при определении степени исправления приходится по-прежнему руководствоваться оценочными понятиями.

Вспомним мнение авторов монографии по материалам специальной переписи осужденных. По сути, на наш взгляд, замена названий классификационных групп в рассматриваемом аспекте ничего не меняет принципиально. Главное состоит в том, возможно ли в самом тексте закона попытаться выделить какие-то объективные показатели поведения осужденного. С одной стороны, это крайне желательно, поскольку будет способствовать единообразному применению закона, с другой – довольно сложно уложить в тесные рамки законодательных формулировок все многообразие жизненных ситуаций.

Любопытное, на наш взгляд, высказывание приводит по этому поводу А. В. Бриллиантов: «...осужденный может проявлять активность и инициативу в работе самодея-

тельных организаций, и это будет одним из обстоятельств, говорящих о положительных процессах в его исправлении. Но отсутствие инициативы вовсе не будет означать, что осужденный не исправляется. Ее не проявление может быть вызвано характером осужденного, нежеланием выделяться и т. д.» [5, с. 40]. В таком утверждении присутствует, на наш взгляд, изрядная доля истины.

В то же время вряд ли можно полностью согласиться с выводом А. В. Бриллиантова, который он делает исходя из вышеприведенного утверждения, а именно: все критерии исправления нужно разделить на обязательные (соблюдение режимных требований, взаимоотношения с администрацией и осужденными и отношение к труду) и факультативные (все иные) [5, с. 40]. Сам по себе такой подход может быть, по нашему мнению, достаточно продуктивным. Что же касается отнесения критериев исправления к обязательным и факультативным, то здесь все не так просто.

Как уже отмечалось, законодатель перечисляет в специальной статье Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан основные средства исправления осужденных. К ним, например, в равной мере относятся общественно полезный труд и воспитательная работа. Почему же отношение к труду следует относить к обязательным критериям исправления, а отношение к воспитательным мероприятиям – к факультативным? Другое дело, что воспитательные мероприятия могут быть разными и по содержанию, и по значению. На наш взгляд, отношение к общеобязательным мероприятиям (отказ от которых может повлечь правовые последствия в виде взыскания) должно учитываться в качестве обязательного критерия степени исправления наряду, скажем, с отношением к труду.

Однако действительность вносит свои коррективы, и приходится исключать некоторые показатели из числа критериев, учитываемых при определении степени исправления осужденных. В частности, отношение к труду осужденных нельзя рассматривать как общеобязательный критерий по такой объективной причине, как незанятость трудом значительной части осужденных [8, с. 31]. Заметим, что, по данным наших исследований, обеспечены работой около 20 %, причем эта цифра имеет существенные колебания в разных областях и особенно в разных колониях. Если к этому добавить, что определенное число осужденных выводится на работу, но заняты неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, то станет ясно, что критерий «отношение к труду» применим далеко не ко всем осужденным. Тем не менее сбрасывать со счетов, на наш взгляд, его не стоит. Во-первых, определенная часть осужденных работает. Даже если они заняты трудом не полностью, их отношение к работе начальнику отряда всегда известно. Во-вторых, такое положение с трудовой занятостью в конце концов начнет постепенно меняться, и тогда этот критерий заработает в полную силу. Вспомним, что в то время, когда трудом были заняты все осужденные, он был одним из основных.

Определение критериев степени исправления осужденных – задача весьма непростая. В литературе даже высказывалось предположение, что в перспективе оно будет решаться с помощью более точных, возможно, математических методов [3, с. 87–88]. Однако математические методы слишком формальны. Кроме того, на наш взгляд, пока далеко не полностью используются даже привычные юридические критерии.

В качестве примера можно привести закрепление в законодательстве понятий «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания», «лицо, систематически нарушающий установленный порядок отбывания наказания» и «нарушитель установленного порядка отбывания наказания». В данном случае законодатель предпринял попытку выделить объективные критерии степени исправления.

Возникает вопрос: почему бы не попытаться применить подобный подход и к определению степени исправления положительно характеризующихся осужденных? На наш взгляд, было бы вполне разумно соотносить ту или иную степень исправления с соответствующим «набором» поощрений. Вероятно, правда, что здесь не должно, а возможно, и не может быть столь жесткой формализации, как при признании злостным нарушителем режима. Однако сама по себе постановка вопроса представляется вполне правомерной.

На основании изложенного можно сформулировать следующие основные выводы:

а) новое законодательство в целом сохранило преемственность в определении степени исправления осужденных;

б) в новом законодательстве с установлением общего правила о различных условиях отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения прогрессивная система приобрела вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных;

в) в настоящее время существует настоятельная потребность в более подробной классификации положительно характеризующихся осужденных;

г) широкомасштабное применение прогрессивной системы исполнения лишения свободы значительно повысит эффективность профилактики преступности как при отбывании осужденными наказания, так и после их освобождения.

Библиографический список

1. Аванесов Г. А. Прогрессивная система отбывания лишения свободы / под ред. Н. А. Стручкова. М., 1970. 87 с.
2. Астемиров З. А. О сущности и критериях исправления осужденных // Вопросы исправления и перевоспитания заключенных. Ростов н/Д, 1966. С. 20–26.
3. Бажанов О. И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981. 167 с.
4. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963. 186 с.
5. Бриллиантов А. В. Дифференциация наказания и степень исправления осужденных к лишению свободы : монография. М., 1997. 130 с.
6. Васильев А. И. Правовые основы применения мер поощрения и взыскания к осужденным к лишению свободы. Рязань, 1982. 96 с.
7. Михлин А. С. Дискуссионные вопросы замены неотбытой части наказания более мягким // Проблемы освобождения осужденных от отбывания наказания : сб. науч. тр. / ВНИИ МВД СССР ; под ред. Н. А. Стручкова. М., 1983. № 67. С. 30–35.
8. Самалдыков М. Цели уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан требуют кардинального изменения // Фемида. 2002. № 12. С. 30–34.
9. Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 28 с.
10. Сундууров Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. 215 с.
11. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказаний по действующему советскому уголовному праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 36 с.
12. Чукмаитов Д. С. Теоретические основы системы исполнения наказаний по законодательству Республики Казахстан : монография. Алматы, 1999. 342 с.

УДК 343.8

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

НОРМЫ-ФИКЦИИ В ИНСТИТУТЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Южанин, В. Е. Нормы-фикции в институте исполнения наказания в виде лишения свободы / В. Е. Южанин // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 124–129.

Аннотация. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации имеет ряд норм-фикций, которые направлены на достижение желаемых для законодателя результатов, но ввиду отсутствия организационных и психологических условий, исходящих от правоприменителя, они не применяются или применяются, но очень редко. В частности, они содержатся:

в части 1 статьи 1 – определена цель – исправление осужденных, которая означает формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам и правилам человеческого общежития (ч. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Достичь такую цель в закрытых от общества исправительных учреждениях невозможно. Это подтвердили проведенные исследования: большинство (60 %) сотрудников исправительных учреждений в качестве основной задачи определили не исправление осужденных, а обеспечение соблюдения осужденными правил режима; также большинство осужденных (81 %) ответили, что удержанию от рецидива преступлений способствует не воспитательная система, а страх перед новым осуждением;

части 2 статьи 2 – оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Реально такую помощь можно оказать только в условиях свободы, а нормы законодательства «не достают» эту сферу общественных отношений, так как рассчитаны только на исполнение наказания и подготовку осужденных к освобождению. В условиях свободы нет службы, которая занималась бы освобожденными, поэтому предлагается заменить цель уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных на их ресоциализацию, которая связывается с социальной адаптацией освобожденных;

статье 97, предусматривающей выезда осужденных за пределы исправительного учреждения. Они предоставляются очень редко, а в некоторых субъектах РФ вообще не предоставляются. Предлагается включить такие выезды в нормы УИК РФ, устанавливающие условия отбывания наказания по каждому виду режима исправительных колоний наряду с предоставлением свиданий, получением посылок и т. п.;

части 1 статьи 89, предусматривающей возможность осужденным проводить длительные свидания за пределами исправительного учреждения. В большинстве субъектов Российской Федерации они вообще не предоставляются ввиду опасения администрации исправительного учреждения, что они нарушат правила их проведения или совершат новые преступления. Предлагается включить их в качестве элемента условий отбывания наказания по каждому виду исправительных колоний;

статье 182, закрепляющей право осужденных на трудовое и бытовое устройство. Это право продекларировано, так как закон не предусматривает для государства корреспондирующей праву обязанности, а только предполагает уведомление службы занятости населения и органов местного самоуправления об оказании помощи освобожденному в трудовом и бытовом устройстве.

Ключевые слова: невозможность исправления осужденных, ресоциализация осужденных, обеспечение режима в исправительном учреждении, оказание помощи освобождаемым в социальной адаптации, выезды осужденных за пределы исправительного учреждения, длительные свидания с проживанием вне пределов ИУ, условия отбывания наказания, трудовое и бытовое устройство освобожденных.

В уголовно-исполнительном законодательстве содержатся нормы, которые применяются очень редко или вообще не применяются. Теория права относит такие нормы к нормам-фикциям – несуществующим, видимым положениям. Они создаются при явном противоречии с реальной ситуацией и используются для достижения желаемых юридических последствий. Правовые фикции выполняют положительную функцию, так как их существование оправдывается в связи со стремлением законодателя к правопорядку и эффективности достижения поставленных целей.

Так, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) определяет цель – исправление осужденных (ч. 1 ст. 1). Для законодателя эта цель благая, желательная, так как при ее достижении решается проблема предупреждения рецидива преступлений со стороны лиц, осужденных к уголовным наказаниям. Для этого создается целая исправительная система: основные средства исправления (ст. 9 УИК РФ), учреждения и органы, исполняющие наказания (ст. 16 УИК РФ), стимулирование правопослушного поведения осужденного путем применения мер поощрения (ст. 112 УИК РФ), изменение условий отбывания наказания (ст. 78, 121, 123, 125, 127, 129, 131, 133 УИК РФ), условно-досрочное освобождение (ст. 175 УИК РФ) и т. п. Однако соотносится ли эта правовая исправительная система с реальностью? Давно известно, что тюрьма не исправляет, а портит людей. Не зря законодатель предпринимает решения, связанные с ограничением применения наказания в виде лишения свободы. В последнее время появились новые виды наказаний в виде обязательных работ, принудительных работ, ограничения свободы, составляющие альтернативу лишению свободы. Число осужденных к лишению свободы и к наказаниям, не связанным с лишением свободы, примерно уравнилось.

Если в советский период уголовно-исполнительная система (УИС) опиралась на исправительное принуждение, поддерживаемое политорганами, то в настоящее время воспитательные отделы исправительных учреждений (ИУ) и отрядное звено выполняют лишь технические функции по поддержанию дисциплины среди осужденных, выполнению распорядка дня, но не функцию исправления. В психологии сотрудника ИУ прочно

засела идея невозможности исправления осужденных. Появился тренд на исполнение наказания, а не на воспитание осужденных. Этому способствуют многочисленные пессимистические публикации и высказывания ученых-пенитенциаристов и государственных деятелей в научных трудах и средствах массовой информации (СМИ). Подтверждают такое отношение к процессу исправления статистические данные – более 40 % составляет рецидив среди освобожденных из ИУ.

Об этом говорят опросы сотрудников ИУ, большинство которых (60 %) в качестве основной задачи, решаемой администрацией ИУ, назвали обеспечение соблюдения осужденными правил режима (недопущение новых преступлений во время отбывания наказания – 13 %, исправление осужденных – 13, предупреждение рецидивных преступлений после отбытия наказания – 14 %). Как видно, в ответах персонала ИУ наблюдается серьезная диспропорция между выдвиганием перед собой задачи обеспечения режима, дисциплины среди осужденных (60 %) и их исправления (13 %). За период реформ произошла существенная деформация сознания персонала в сторону оптимизации исправительного процесса в ИУ, ухода от иллюзии, что можно исправить каждого осужденного, как это было в советское время.

Удержанию осужденных от новых преступлений способствует не воспитательная система, а страх перед новым осуждением и отбытием наказания. Об этом высказалось большинство (81 %) опрошенных нами осужденных, как впервые отбывающих наказание, так и рецидивистов. На наш вопрос, можно ли исправить взрослого человека, большинство также ответили отрицательно: это очень сложно (35 %) или практически невозможно (42 %). Лишь 23 % опрошенных согласились, что применением воспитания можно исправить человека, нарушившего закон. Большинство осужденных для себя ставят вполне утилитарную задачу: иметь больше льгот и комфорта во время отбывания наказания и условно-досрочное освобождение (76 %).

Сама формулировка закона, что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам и правилам человеческого общежития, неправдоподобна, достижение такого результата в условиях мест лишения свободы невозможно. Это и есть фикция, которой должен следовать правоприменитель. Можно как-то заставить человека не нарушать уголовный закон, но перевоспитать в духе уважительного отношения к нормам, правилам и традициям человеческого общежития – это задача всего общества, но не правоохранительных органов и тем более не закрытых учреждений, какими являются ИУ. Эта аксиома не оспаривается ни одним человеком, который более или менее знаком с УИС. Осужденный приспособится скорее к правилам и традициям тюремной общины, чем к нормам правопослушного общества.

Таким образом, достижение цели исправления осужденных законодатель связывает с высоким уровнем обеспечения реализации наказания, означающей достижение результата – их правопослушного поведения после освобождения из мест лишения свободы.

Что делать, если цель исправления достигнута, осужденный готов соблюдать нормы права, правила и традиции человеческого общежития, но встретился с трудностями в социальной адаптации после освобождения: ему негде жить, его не берут на работу, да к тому же он еще страдает социально значимым заболеванием? Ситуация тупиковая. И как ее преодолеть?

Существует одна задача-фикция уголовно-исполнительного законодательства. Дело в том, что сфера действия УИК РФ ограничена, так как он, обеспечивая процесс реализации наказания, связывается с целями наказания, предусмотренными уголовным законом.

Следуя в фарватере уголовного закона, уголовно-исполнительное законодательство «не достает» последнюю стадию обеспечения целей лишения свободы – управление социальной адаптацией освобожденных из ИУ. Оно регулирует только отношения, связанные с исполнением (отбыванием) наказания.

Однако уголовно-исполнительное законодательство ставит задачу в ч. 2 ст. 2 – оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Решение этой задачи выходит за круг отношений, предусмотренных целями наказания. УИК РФ ограничивается отношениями, связанными с исполнением (отбыванием) наказания и оказанием помощи освобождаемым (а не освобожденным) от отбывания наказания. Реально оказать помощь в социальной адаптации можно только в условиях, приближенных к свободной жизни за пределами изоляции. Выходит, что задача – оказание осужденным помощи в социальной адаптации – это не что иное, как задача-фикция.

Данная проблема практически не решается через установление законодателем нормы, предусматривающей для осужденных, отбывающих наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации возможность за 6 месяцев до окончания срока наказания освободиться из-под стражи (ч. 3 ст. 121 УИК РФ). Эта норма отвечает требованиям ст. 107 Европейских пенитенциарных правил, рекомендующих заблаговременно до освобождения осужденных оказывать им содействие, обеспечивающее переход от жизни в пенитенциарном учреждении к законопослушной жизни в обществе. Дело в том, что осужденным такая возможность предоставляется нечасто. Практика применения правовых норм о проживании осужденных за пределами ИУ показывает, что они реализуются в основном в колониях-поселениях и в воспитательных колониях, в колониях общего режима – редко, а в некоторых колониях – никогда [1]. Эта норма также является нормой-фикцией.

Выправить подобную ситуацию можно только путем изменения цели исполнения наказания: вместо исправления осужденных предусмотреть их ресоциализацию. Применение последней достаточно разработано в научной литературе. Хотя и встречаются ее разночтения, но обязательно все авторы ее связывают с социальной адаптацией освобожденных от отбывания наказания, то есть социализацией в условиях свободы. Социальная адаптация освобожденных – это составная, завершающая часть процесса их ресоциализации.

Уголовно-исполнительное право как самостоятельная отрасль права должна иметь свои основные цели: ресоциализация осужденных и предупреждение новых преступлений. Данная отрасль права отстает в своем развитии от действительности и требований времени, замыкаясь на институтах и целях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами.

Нормой-фикцией является также ст. 97 УИК РФ, предусматривающая выезды осужденных к лишению свободы за пределы ИУ. Диссертационные исследования, проведенные рядом авторов в разное время (Ю. А. Леконцев, 1980, И. Н. Пяткевич, 1997, А. А. Соколов, 2010, С. Н. Дендебер, 2012), показывают, что эта норма применяется редко, а в ряде субъектов (например, в Алтайском крае, Кировской, Ростовской областях) на протяжении определенного времени она вообще не использовалась [2]. Особенно редко применяются выезды для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства осужденных после освобождения. Касаясь выездов осужденных в связи с проведением трудовых отпусков, начальники колоний обычно рассуждают так: «Пусть он отдыхает в колонии, лежит на кровати и плюет в потолок, но он куда не сбежит и его не придется искать». Вот как объясняет данное положение С. Н. Дендебер:

«На практике администрация ИУ вынуждена выбирать между возможностью разрешить выезд осужденному, при этом опасаясь его неправомерного поведения за пределами ИУ (что негативно отражается на деятельности всего территориального органа УИС), и отказом в предоставлении выезда. По объективным причинам нередко выбор падает на второй вариант, и в некоторых субъектах РФ длительное время данный институт на практике не применяется» [1].

Предоставление отпусков осужденным – важный фактор, стимулирующий их положительное поведение. Им надо пользоваться, в особенности в отношении тех осужденных, которые переведены на облегченные условия в колониях общего и строгого режимов, осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях, воспитательных колониях. Отпуска с предоставлением выездов за пределы ИУ данным категориям осужденных необходимо включить в перечень условий отбывания наказания наряду с разрешением расходования денег, получением посылок (передач), предоставлением свиданий. Одновременно следует оговорить обстоятельства, при наличии которых проведение отпусков за пределами ИУ запрещается, причем по каждому виду ИУ надлежит определить соответствующее количество выездов за пределы ИУ при условии соблюдения правил поведения в предыдущие выезды. Введение подобной правовой нормы, на наш взгляд, стало бы мощным фактором, стимулирующим правоупослушное поведение осужденных.

Еще одной нормой-фикцией является ч. 1 ст. 89 УИК РФ, предусматривающая возможность осужденным проводить длительные свидания продолжительностью 5 суток с проживанием вне ИУ. Наши исследования показали, что такие свидания предоставляются крайне редко, а в большинстве ИУ вообще не практикуются. Мы провели опрос практических работников ИУ разных субъектов РФ о том, часто ли у них предоставляются подобные свидания. Ответы распределились следующим образом: совсем не предоставляются – 74 %, предоставляются нечасто, эпизодически – 17, часто предоставляются – 9 %. Причины непредоставления подобных свиданий: сами осужденные и их родственники не желают – 29 %, сложно подобрать место проведения свиданий – 9, сложно осуществлять контроль за проведением свиданий – 13, по предупредительным соображениям – 49 %.

Как видно, в большинстве случаев администрация ИУ не стремится предоставлять длительные свидания с проживанием вне ИУ, опасаясь, что осужденные нарушат правила их проведения или совершат новые преступления, к тому же Правила внутреннего распорядка подробно не регламентируют порядок проведения подобных свиданий. Выход из данного положения есть: включить эти свидания в нормы, касающиеся облегченных условий отбывания наказания по видам ИУ и видам режима исправительных колоний. Например, в ч. 2 ст. 121 УИК РФ предусмотреть п. «б-1» следующего содержания: «иметь 4 длительных свидания с проживанием вне ИУ». На облегченных условиях находятся положительно характеризующиеся осужденные, и поэтому нет основания опасаться за их поведение вне ИУ.

Еще одной нормой-фикцией является ст. 182 УИК РФ, устанавливающая право освобожденных на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной помощи. Для этого в ИУ создаются группы социальной защиты осужденных и предусматривается должностное лицо (старший инспектор по трудовому и бытовому устройству), непосредственно отвечающий за оказание такой помощи. Это право осужденных продекларировано, но оно не всегда реализуется. Решение вопросов трудового и бытового устройства чаще сводится к переписке ИУ с Федеральной службой занятости населения и органами местного самоуправления. Согласно ч. 1 ст. 180 УИК РФ эти органы лишь

уведомляются ИУ о предстоящем освобождении осужденного, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях. Однако нигде не сказано, что они обязаны их трудоустроить, предоставлять жилье и оказывать иную помощь. Согласно п. 2 ст. 28 Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в ИУ, освобожденный обязан явиться в органы местного самоуправления и службу занятости для своевременного устройства на работу или учебу. Данной Инструкцией установлена обязанность явиться в эти органы, но не обязанность предоставить им работу. Право осужденных на трудовое устройство должно быть подкреплено корреспондирующей обязанностью соответствующих органов, а этого нет. Тем более, когда речь заходит о бытовом устройстве. Где это возможно, выход находят: освобожденных направляют в социально-адаптационные центры, а там, где их нет, они остаются сами по себе. В советский период их определяли на предприятия, при которых имелись общежития. В настоящее время такой симбиоз трудового и бытового устройства весьма проблематичен. Работодатель же при трудоустройстве требует наличие жилья и регистрации по месту жительства.

Получается следующее: а) у освобожденных имеется фактическое ограничение права на труд; б) специалисты не способны реально повлиять на трудовое и бытовое устройство освобожденных из ИУ; в) из всех факторов, способствующих социальной реабилитации освобожденных, нет ни одного, который мог бы реализовываться в полной мере.

Так, государственно-правовой механизм социальной адаптации лиц, отбывших лишение свободы, сложившаяся практика трудового и бытового устройства освобожденных не обеспечивает в полной мере реализацию их прав и законных интересов согласно уголовно-исполнительному законодательству.

Таким образом, законодатель, определяя нормы-фикции, старается удовлетворить общественные запросы, требования международных норм права о демократизации и гуманизации исправительных процессов в местах изоляции, а на деле они не могут быть обеспечены из-за отсутствия соответствующих организационных и психологических условий, создаваемых правоприменителем.

Библиографический список

1. Горбань Д. В., Южанин В. Е. Проживание осужденных за пределами исправительных учреждений как стадия прогрессивной системы отбывания лишения свободы: проблемы теории и практики : монография. Томск, 2016. 191 с.
2. Дендебер С. Н. Институт выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 23 с.

УДК 343.8

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛОВАСТОВА,

кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой правовых и гуманитарных дисциплин,
Московский университет имени С. Ю. Витте,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: UGolovastova@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Для цитирования

Головастова, Ю. А. К вопросу об исполнении иных мер уголовно-правового характера / Ю. А. Головастова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 130–139.

Аннотация. В статье анализируются вопросы исполнения иных мер уголовно-правового характера в контексте пересмотра структуры уголовно-исполнительного права.

Предмет исследования – совокупность норм уголовно-исполнительного права, регулирующих общественные отношения, связанные с исполнением иных мер уголовно-правового характера, а также материалы судебной и правоприменительной деятельности.

Цель исследования – комплексный анализ современного состояния уголовно-исполнительного права как отрасли права, пересмотр ее внутренней структуры; выделение дополнительной уголовно-исполнительной сферы – постпенитенциарных отношений. Предлагается в предмет уголовно-исполнительного права включать постпенитенциарные отношения, возникающие в результате замены уголовного наказания в виде лишения свободы на иные меры уголовно-правового характера.

Рассматриваются дискуссионные вопросы о нормативно-правовом регулировании процесса исполнения мер уголовно-правового характера, не являющихся формами реализации уголовной ответственности. Подчеркивается, что постпенитенциарные отношения, являясь разновидностью уголовно-исполнительных отношений, имеют несколько отличную от типичных уголовно-исполнительных отношений модифицированную природу, так как акцент ставится не на карательном, а на контролирующем моменте со стороны учреждений и органов, исполняющих рассматриваемые меры в отношении осужденных; наблюдается специфика в сочетании отраслевых способов правового регулирования.

Делается вывод о том, что постпенитенциарное право не является подотраслью уголовно-исполнительного права, но существуют предпосылки для его формирования в будущем: общие положения об исполнении иных мер уголовно-правового характера, дифференцированные институты исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности, применения к осужденным мер исправительно-предупредительного воздействия.

Аргументируются научные предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право как отрасль российского права, предмет уголовно-исполнительного права, постпенитенциарное право, норма уголовно-исполнительного права, институт уголовно-исполнительного права, структура уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительное законодательство, уголовно-исполнительные правоотношения, уголовная ответственность.

Развитие уголовно-исполнительных отношений в рамках общего предмета уголовно-исполнительного права позволяет выделить, помимо пенитенциарной сферы, еще два направления: 1) общественные отношения, регулирующие исполнение (отбывание) уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества; 2) общественные отношения, регулирующие применение к осужденным иных мер уголовно-правового характера. Несомненно, расширение и уточнение предмета уголовно-исполнительного права обуславливает необходимость постановки вопроса о правовой природе альтернативно-наказательного права и постпенитенциарного права.

Важным моментом, свидетельствующим о структурной сложности уголовно-исполнительного права, выступает отсутствие общих положений, касающихся исполнения иных мер уголовно-правового характера. Во-первых, в УИК РФ не закреплены в полном объеме нормы уголовно-исполнительного права, регулирующие вопросы исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формой реализации уголовной ответственности. Во-вторых, следствием этой проблемы становится несформированность институтов исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формой реализации уголовной ответственности. Кроме того, не раскрыта специфика применения средств исправления к осужденным, в отношении которых исполняются иные меры уголовно-правового характера.

Понятие «иные меры уголовно-правового характера» рассматриваются в юридической литературе с позиций узкой и широкой трактовки. Сторонники узкого толкования в системе иных мер уголовно-правового характера называют: 1) принудительные меры медицинского характера; 2) конфискацию имущества; 3) принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним [14, с. 25]. Эта точка зрения достаточно распространена, вместе с тем, на наш взгляд, перечень мер более широк. В данном контексте существует опасность, трактуя иные меры уголовно-правового характера, включить в их число те, которые ими не признаются иными мерами уголовно-правового характера. Так, некоторые авторы вносят в этот перечень дополнительные наказания, судимость [6, с. 283–288]. Третья группа авторов в числе иных мер уголовно-правового характера называют условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетнему; меры уголовно-правового воздействия, связанные с судимостью; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от наказания; досрочное снятие судимости; принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, признанным невменяемыми на момент совершения общественно опасного деяния, а также невменяемыми после совершения преступления [11, с. 81–87].

Необходимо отметить, что некоторые ученые (И. Э. Звечаровский, В. С. Карпов, С. И. Курганов, В. В. Лавров) полагают возможным использовать единый унифицирован-

ный термин «мера уголовно-правового характера» [4, с. 19–21; 7, с. 30–34; 8, с. 59–63; 9, с. 18–21]. Представляется, что российский законодатель не случайно употребил выражение «исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера» в ст. 7 УИК РФ, имея в виду, что наказание и другая, отличная от него иная мера уголовно-правового характера являются формами реализации уголовной ответственности, подлежат исполнению соответствующими учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, юридическая природа мер уголовно-правового характера, не выступающих формами реализации уголовной ответственности, позволяет нам признать, что их исполнение не входит в предмет уголовно-исполнительного права.

Иные меры уголовно-правового характера хотя и не выделены в самостоятельный раздел УК РФ, но наравне с уголовным наказанием представляют собой отдельный правовой институт.

Нормы, определяющие правовой институт иных мер уголовно-правового характера, объединены общими целями, содержанием, однородностью регулируемых общественных отношений. Вместе с тем однородность регулируемых общественных отношений не исключает их разнообразия [15, с. 41–45]. Так, существуют иные меры уголовно-правового характера, исполняемые в отношении осужденного после вступления обвинительного приговора суда, постановления в законную силу. Другие из них выступают в качестве замены наказания – условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания, качественно меняющие правовое положение осужденного.

В 2016 году была представлена научно-теоретическая модель Общей части УИК РФ. Несомненно, ее подготовку можно признать значимым шагом в упорядочивании правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. В частности, им предусматривается расширение границ сферы уголовно-исполнительных отношений за счет предложения регулировать исполнение и отбывание иных мер уголовно-правового характера на уголовно-исполнительном уровне. В положениях научно-теоретической модели Общей части УИК РФ учитывается данная позиция, что находит непосредственное отражение в ч. 1 ст. 52. К иным мерам уголовно-правового характера, исполнение которых должно регулироваться в рамках предмета уголовно-исполнительного права, мы относим: условное осуждение в соответствии со ст. 73 УК РФ, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в соответствии со ст. 79, 93 УК РФ, отсрочка отбывания наказания в соответствии с ч. 1, 2 ст. 81 УК РФ (отсрочка отбывания наказания по болезни), ст. 82 УК РФ (отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией в соответствии со ст. 82.1 УК РФ, принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетнему осужденному, рассматриваемые в качестве отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы [13, с. 175].

Включение в предмет уголовно-исполнительного правового регулирования общественных отношений, возникающих при отбывании осужденными иных мер уголовно-правового характера, позволяет определить специфику постпенитенциарных отношений, возникающих при замене уголовных наказаний на иные меры уголовно-правового характера. Подобный подход еще раз свидетельствует о необходимости законодательного расширения границ уголовно-исполнительного правового регулирования. Постпенитенциарное отношение признается самостоятельной корреспондирующей правовой связью в рамках предмета уголовно-исполнительного права, возникающей между осужденным, отбывающим иные меры уголовно-правового характера, и государством в

лице учреждений и органов, исполняющих иные меры уголовно-правового характера. Постпенитенциарное отношение возникает в связи с отбыванием осужденным особой формы реализации уголовной ответственности – иной меры уголовно-правового характера. На сегодняшний день такие меры нормативно закреплены в следующих статьях: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в соответствии (ст. 79, 93 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 81, 82 УК РФ), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетнему осужденному (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

На основании изложенного нами выделяются две модели постпенитенциарного отношения в узком и широком понимании. При узком понимании постпенитенциарных отношений уголовно-исполнительная правовая связь не ликвидируется, а продолжается, переходит на новый уровень. Данные отношения развиваются одновременно и независимо от других видов уголовно-исполнительных отношений имеют специфику по основаниям возникновения, субъектному составу. Постпенитенциарные отношения, возникающие в результате замены уголовного наказания в виде лишения свободы на иные меры уголовно-правового характера, включаются в предмет уголовно-исполнительного права.

Постпенитенциарные отношения в широком смысле – социальная межотраслевая правовая связь между лицом, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы, и государством в лице компетентных органов, в рамках которой осуществляется помощь освобожденным лицам. Постпенитенциарные отношения в широком понимании не входят в предмет уголовно-исполнительного права [3, с. 80–90].

Мы признаем, что категория «постпенитенциарное право» требует самостоятельного исследования, четкого определения его предмета. Используя данный термин в узком смысле слова и не выходя за рамки предмета уголовно-исполнительного права, полагаем, что основу для его формирования как подотрасли в будущем могут составить общие положения об исполнении иных мер уголовно-правового характера, дифференцированные институты исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности, применение к осужденным мер исправительно-предупредительного воздействия. На наш взгляд, постпенитенциарное право обладает в перспективе гипотетическими признаками подотрасли уголовно-исполнительного права:

- исполнение в отношении осужденных иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности, вызывает существование уголовно-исполнительных правоотношений, где отчетливо наблюдается правовая связь между осужденными и учреждениями, осуществляющими контроль за его поведением;
- отмеченные уголовно-исполнительные правоотношения имеют несколько отличную от типичных уголовно-исполнительных правоотношений модифицированную природу, так как акцент ставится не на карательном, а на контролирующем моменте со стороны учреждений и органов, исполняющих рассматриваемые меры в отношении осужденных;
- наблюдается специфика в сочетании отраслевых способов правового регулирования.

Несомненно, специфика таких отношений требует закрепления в УИК РФ отдельного раздела, регламентирующего вопросы исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности. На сегодняшний день мы вынуждены признать, что в УИК РФ регламентируется на уровне отдельного отраслевого института только исполнение условного осуждения как иной меры уголовно-

правового характера. Изложенное подтверждается совокупностью однородных норм уголовно-исполнительного права, закрепленных в гл. 24 УИК РФ. Что же касается правового регулирования исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности, не выходящих за рамки предмета уголовно-исполнительного права, то оно представлено совокупностью разрозненных и несистемных норм, сосредоточенных как в гл. 21 УИК РФ, так и в иных ведомственных нормативно-правовых актах – источниках уголовно-исполнительного права. Такое положение вещей свидетельствует о слабой разработанности данного вопроса на законодательном уровне, что не способствует эффективности правового регулирования. В УИК РФ находят отражение обособленные нормы уголовно-исполнительного права, посвященные вопросам исполнения условно-досрочного освобождения в отношении осужденных с учетом общей и видовой уголовно-исполнительной правосубъектности (ст. 79, 93 УК РФ); отсрочки отбывания наказания по болезни (ч. 1, 2 ст. 81 УК РФ); отсрочки отбывания наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими ребенка в возрасте до 14 лет, мужчинами, имеющими ребенка в возрасте до 14 лет и являющимися единственными родителями; отсрочки отбывания наказания больными наркоманией (ст. 82.1 УК РФ); принудительных мер воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетним осужденным, рассматриваемых в качестве отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Конечно, у специалистов уголовного и уголовно-исполнительного права возникает закономерный вопрос: на уровне какого нормативно-правового акта должен регламентироваться процесс исполнения оставшихся иных мер уголовно-правового характера, не являющихся формами реализации уголовной ответственности? К таким мерам уголовно-правового характера законодатель относит принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, принудительные меры воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 90 УК РФ), судебный штраф.

В случае применения к физическому лицу, совершившему преступление или общественно опасное деяние, принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 90 УК РФ), принудительных мер медицинского характера в отношении невменяемого, судебного штрафа уголовно-исполнительные правоотношения не возникают. Естественно, это не исключает существования уголовно-правовых отношений между государством в лице компетентных органов и субъектами, в отношении которых применяются эти меры. Рассматриваемые меры уголовно-правового воздействия применяются преимущественно в целях обеспечения безопасности общества, предупреждения совершения повторных преступлений и общественно опасных деяний [1, с. 7]. Целями иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности, мы признаем исправление осужденного и предупреждение совершения новых повторных преступлений.

Правовая природа принудительных мер медицинского характера чрезвычайно сложна. В настоящее время в ч. 3 ст. 97 УК РФ законодатель указывает на то, что порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным законодательством и иными федеральными законами. Полагаем, что данная мера уголовно-правового характера, назначаемая лицу, признанному невменяемым, на основании судебного решения, преследует прежде всего с точки зрения реализации уголовно-правовых отношений обеспечение безопасности общества и граждан от таких лиц, нуждающихся в принудительном лечении. В этом смысле разумно расположить нормы об исполнении принудительных мер медицинского характера в

отношении невменяемых в специальном федеральном законе «Об исполнении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, признанных невменяемыми, совершивших общественно опасные деяния». К сожалению, действующие нормативно-правовые акты, в частности Основы законодательства об охране здоровья, Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», не содержат нормативных положений, определяющих специфику их исполнения в отношении невменяемых лиц. Естественно, в случае признания лица невменяемым на основании судебного решения оно не рассматривается в качестве осужденного, в связи с чем регламентация исполнения принудительных мер медицинского характера в УИК РФ неуместна. Другое дело, если лицо признается ограниченно вменяемым, что не исключает приобретения им статуса осужденного. Такому субъекту наряду с уголовным наказанием назначается иная мера уголовно-правового характера – принудительная мера медицинского характера. Мы исходим из того, что принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением уголовных наказаний, тесно переплетены с институтом уголовной ответственности. Мы солидарны с позицией С. Н. Шишкова, по мнению которого вопросы отбывания наказания ограниченно вменяемых лиц должны найти отражение в УИК РФ в отдельной главе [18, с. 115–119].

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ введена новая иная мера уголовно-правового характера – судебный штраф. Действительно, не случайно, на наш взгляд, в УИК РФ не включены нормы об исполнении судебного штрафа в отношении лица, освобожденного от уголовной ответственности. Возникающие правоотношения между лицом, освобожденным от уголовной ответственности, и государством в лице службы судебных приставов не относятся к уголовно-исполнительным правоотношениям. В настоящее время в общем виде порядок исполнения судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера регулируется Федеральным законом «Об исполнительном производстве» (ст. 1031).

Полагаем, что необходимо разграничивать штраф как вид уголовного наказания и судебный штраф как меру уголовно-правового характера. Судебный штраф как мера уголовно-правового характера – мера уголовно-правового воздействия, которая не является формой реализации уголовной ответственности. Назначение и применение данной уголовно-правовой меры не приводит к возникновению уголовно-исполнительных правоотношений. Условием назначения судебного штрафа виновному лицу является возмещение этим лицом ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением (ст. 76.2 УК РФ). Позиция законодателя, выраженная в ст. 76.2 УК РФ, демонстрирует дополнительное нереабилитирующее основание – освобождение от уголовной ответственности, которое является правом государства. В случае неуплаты судебного штрафа как меры уголовно-правового характера в установленный законом срок выносится постановление об отмене судебного штрафа. В этом случае лицо привлекается к уголовной ответственности.

Обратим внимание на столь неоднозначную иную меру уголовно-правового характера – конфискацию имущества.

В юридической литературе присутствует точка зрения о том, что конфискация имущества не является видом уголовной ответственности [17, с. 35; 19, с. 131–135]. При правовом анализе конфискации имущества исследователи в области уголовного права указывают на ее уголовно-процессуальный характер. Так, И. Э. Звечаровский отмечает, что «несмотря на формальную «прописку» в уголовном законе, перед нами не что иное, как специальная конфискация, место которой при существующей системе законодательства в УПК» [5, с. 20–24].

Следует признать, что конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера в отличие от конфискации имущества как дополнительного вида наказания крайне редко назначается и исполняется на практике. Причина кроется в непонятной правовой природе данной меры. Первая очевидная сложность состоит, по мнению ряда ученых, в проблеме разграничения уголовно-процессуальной и уголовно-правовой конфискации. В юридической литературе справедливо указывается на то, что вопрос о конфискации орудий, оборудования и иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому и являющихся вещественными доказательствами, должен разрешаться с учетом положений ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а не п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ [12, с. 145–150]. Вторая причина неприменения конфискации имущества объясняется отсутствием правовых норм как в УИК РФ, так и в иных подзаконных актах, регулирующих порядок их исполнения. Очевидно и то, что достаточно спорна, на наш взгляд, ее правовая природа. По сути, конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное обращение в государственную собственность не изъятых из оборота вещей. Полагаем, что конфискация как уголовно-правовая мера принуждения может применяться в отношении имущества, принадлежащего лицу на праве собственности либо находящегося у него на иных законных основаниях. Если имущество ему не принадлежит, могут быть нарушены законные права титульного собственника или владельца, что справедливо отмечают ученые в области уголовного права [10, с. 85; 19, с. 131–135]. Проводя параллель с конфискацией, выступающей административным видом наказания, мы исходим из того, что замена уголовно-правовой природы конфискации имущества выглядит неоправданной и искусственной. Представляется, что по своей правовой природе и целевой направленности конфискация имущества – это вид уголовного наказания, цель которого состоит в исправлении осужденного и предупреждении совершения им новых повторных преступлений. На основании изложенного представляется необходимым согласиться с позицией Т. П. Понятовской, предлагающей из УК РФ исключить гл. 15.1, посвященную конфискации имущества как иной мере уголовно-правового характера.

Наконец, требует обсуждения вопрос об исполнении принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных в отношении несовершеннолетних. Правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия крайне противоречива, носит многосторонний характер. Так, ч. 2 ст. 90 УК РФ предусматривает меры, которые могут быть применены при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Полагаем, что при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности уголовно-правовые отношения прекращаются. Статья 92 УК РФ предусматривает, в свою очередь, два самостоятельных вида освобождения от наказания несовершеннолетнего и применения к нему принудительных мер воспитательного характера. В первом случае несовершеннолетнего освобождают от уголовного наказания без его назначения, применяя к нему воспитательные меры, предусмотренные ст. 90 УК РФ. Во втором случае несовершеннолетнего признают виновным в совершении преступления средней тяжести или тяжкого преступления, назначают ему лишение свободы и освобождают от отбывания наказания, помещая его в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием.

Сложность правовой природы помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа объясняется несовершенством законодательной конструкции ч. 2–4 ст. 92 УК РФ. В ч. 2 ст. 92 УК РФ законодатель предоставляет суду возможность заменить несовершеннолетнему наказание в виде лишения

свободы на особую меру принудительно-воспитательного характера путем помещения его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Исходя из буквального толкования смысла правовой нормы, закрепленной в ч. 2 ст. 92 УК РФ, можно признать, что речь идет об альтернативе наказанию в виде лишения свободы. Особый специфический характер рассматриваемой меры определяется также тем, что она применяется к несовершеннолетнему в целях его исправления, нуждающемуся в особых условиях воспитания, специальном педагогическом подходе. В связи с этим следует понимать, что в таких учреждениях должна действовать система средств исправления в отношении несовершеннолетнего. Помещение несовершеннолетнего в специальное воспитательное учреждение закрытого типа сочетает в себе элементы правоограничений и средства исправления. Таким образом, несовершеннолетний фактически находится в изоляции от общества, пребывая в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа. Вместе с тем в отличие от условного осуждения, отсрочки отбывания наказания помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа не вызывает состояния судимости. Противоречия законодательной конструкции сказанным не ограничиваются. Так, с одной стороны, нормативно допускается продление срока пребывания несовершеннолетнего в закрытом учебно-воспитательном учреждении закрытого типа при условии, что он нуждается в дальнейшем исправлении и особом воспитании. С другой стороны, остается нерешенным вопрос об определении порядка отмены данной меры в случае ее неэффективности в отношении несовершеннолетнего. Получается, что несовершеннолетний фактически должен признаваться субъектом уголовной ответственности исходя из правового анализа его статуса как субъекта кары и субъекта средств исправления, но нормативно по ч. 2 ст. 86 УК РФ к нему не относится. Рассмотренные пробелы являются результатом неопределенности законодательства относительно правовой природы помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Полагаем, что выход из ситуации возможен путем пересмотра ч. 2–4 ст. 92 УК РФ. Предлагается предоставлять несовершеннолетнему, осужденному к лишению свободы, отсрочку отбывания наказания путем помещения его в период испытательного срока в закрытое учебно-воспитательное учреждение. Речь идет об условном неприменении в течение испытательного срока наказания в виде лишения свободы. Такой подход оправдан в правоприменительном аспекте, поскольку позволит решать вопросы об отмене принудительных мер воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетнему, при условии злостного нарушения им порядка и условий исполнения данной меры. В этом случае применение рассматриваемой меры путем отсрочки назначенного наказания в виде лишения свободы расширит предмет уголовно-исполнительного права.

Мы полагаем, что порядок исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, являющихся формой реализации уголовной ответственности, – помещение несовершеннолетнего в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – должен найти отражение в нормах УИК РФ. Уместно предусмотреть главу, регламентирующую вопросы их исполнения, что будет способствовать эффективности достижения целей и задач, стоящих перед уголовно-исполнительным правом. Что же касается порядка исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, закрепленных в ч. 2 ст. 90 УК РФ, на сегодняшний день он фактически не определен законодателем. Возникает вопрос о том, должны ли нормативные положения УИК РФ регламентировать отмеченную разновидность принудительных мер в отношении не-

совершеннолетних. Мы исходим из того, что освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия не превращает его в осужденного, следовательно, возникающие правоотношения между ним и государством в лице компетентных органов не входят в предмет уголовно-исполнительного права. В юридической литературе позиции ученых на этот счет разнятся: одни полагают, что порядок их исполнения должен закрепляться в УИК РФ [16, с. 103–110], другие уверены, что это прерогатива специального федерального закона [2, с. 126].

С точки зрения автора, теоретических препятствий к тому, чтобы регулировать вопросы исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, не существует. Их можно будет расположить в УИК РФ в силу межотраслевых родственных связей с институтом уголовной ответственности. Однако в этом случае необходимо понимать, что в главе УИК РФ будут сосредоточены разноотраслевые нормы права. Уверены, что такое положение вещей потребует от правоприменителей правильного применения норм уголовно-исполнительного законодательства, разграничения сфер правового регулирования. Сравнимые принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних имеют разные цели, задачи, принципы правового регулирования и лишь отчасти соприкасаются. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразнее предусмотреть особенности порядка исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, в отдельном федеральном законе, где разъяснились бы цели, задачи, принципы и статус субъектов исполнения этих мер [2, с. 128].

На основании изложенного следует обратить внимание на то, что постпенитенциарное право состоит из института исполнения условного осуждения и разрозненных норм уголовно-исполнительного права, регулирующих вопросы исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности. В настоящее время постпенитенциарное право не относится к подотрасли уголовно-исполнительного права. Вместе с тем в перспективе с учетом развития отраслевой структуры уголовно-исполнительного права можно будет говорить о существовании постпенитенциарного права как подотрасли уголовно-исполнительного права.

Библиографический список

1. Биктимеров Э. Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.
2. Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних. М., 2009. 176 с.
3. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: современный взгляд : монография / науч. ред. В. И. Селиверстов. М., 2017. 212 с.
4. Звечаровский И. Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
5. Звечаровский И. Э. Некоторые вопросы внутриотраслевой рассогласованности норм уголовного законодательства (в аспекте задач Уголовного кодекса Российской Федерации) // Уголовное право. 2007. № 1. С. 20–24.
6. Келина С. Г. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 янв. 2007 г.). М., 2007. С. 283–288.

7. Карпов В. С. К проблеме определения понятия меры уголовно-правового характера и его регламентации в УК РФ // Пролог: журнал о праве. 2013. № 3(3). С. 30–34.

8. Курганов С. И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59–63.

9. Лавров В. В. Меры уголовно-правового характера в современной системе обеспечения правопорядка (проблемы и перспективы) // Российский следователь. 2007. № 4. С. 18–21.

10. Лопашенко Н. А. Конфискация имущества : монография. М., 2012. 160 с.

11. Миняева Т. Ф. Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5. С. 81–87.

12. Непомнящая Т. В. Проблемы назначения и исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2017. № 2(51). С. 145–150.

13. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.

14. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера : учеб. пособие / М. Ф. Костюк и др. М., 2011. 320 с.

15. Прокументов Л. М., Корнилов А. В. Нормы, предусматривающие изменение наказания и иных мер уголовно-правового характера в процессе исполнения приговора, и их классификация // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Право. 2008. Т. 4. Вып. 2. С. 41–45.

16. Санташов А. Л. Исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. 189 с.

17. Филимонов В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М., 2008. 248 с.

18. Шишков С. Н. Исполнение принудительных мер медицинского характера как составная часть уголовно-исполнительной деятельности // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2002. № 11. С. 115–119.

19. Яни П. С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6. С. 131–135.

УДК 343.8

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН,

кандидат юридических наук,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: fedor062@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Грушин, Ф. В. Реализация уголовно-исполнительной политики Российской Федерации / Ф. В. Грушин // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 140–145.

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с реализацией уголовно-исполнительной политики Российской Федерации соответствующими субъектами под воздействием системы факторов. При этом учитывается нормативно-правовая и директивная форма установления уголовно-исполнительной политики, а также существующая система факторов. В качестве субъектов реализации рассматривается деятельность: Президента Российской Федерации; Федерального Собрания Российской Федерации; Правительства Российской Федерации; Министерства юстиции Российской Федерации; Федеральной службы исполнения наказаний; учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера; Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; средств массовой информации; некоммерческих и коммерческих организаций, в том числе международных; граждан; осужденных и других субъектов. Выявляются некоторые особенности реализации уголовно-исполнительной политики ее субъектами при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера с учетом действующего уголовно-исполнительного и иного законодательства. На основании проведенного анализа с учетом деятельности субъектов, а также существующей системы факторов предлагается авторское определение стадии реализации уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительное законодательство, система факторов, осужденные, исполнение уголовных наказаний.

Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации развивается под воздействием системы факторов. Полагаем возможным выделить три стадии уголовно-исполнительной политики: формирование, установление и реализация [1, с. 5–50]. Реализация уголовно-исполнительной политики соответствующими субъектами является заключительной стадией в механизме влияния системы факторов на уголовно-исполнительную политику и законодательство. В процессе реализации выявляются проблемы и несовер-

шенство принятых политических решений и действующего уголовно-исполнительного законодательства. На данной стадии субъекты реализации уголовно-исполнительной политики в процессе своей деятельности реализовывают директивную и нормативно-правовую форму установления уголовно-исполнительной политики с учетом влияния системы факторов. При этом существуют определенные особенности.

Во-первых, директивная форма во многих случаях связана с необходимостью внесения изменений в уголовно-исполнительное законодательство. Часто принятые директивные решения находят в дальнейшем отражение в уголовно-исполнительном законодательстве.

Во-вторых, при реализации обеих форм установления уголовно-исполнительной политики субъекты реализации также находятся под воздействием системы факторов. Необходимо отметить, что в отличие от первых двух стадий (формирование и установление уголовно-исполнительной политики) на стадии реализации уголовно-исполнительной политики влияние системы факторов на соответствующих субъектов не так ярко выражено. Связано это с тем, что принятые решения (и в директивной форме, и особенно в нормативно-правовой) необходимо выполнять независимо от различных факторов. Вместе с тем не всегда можно реализовать те или иные положения уголовно-исполнительного законодательства при отсутствии необходимого объема финансирования. Так, во многих уголовно-исполнительных инспекциях нет возможности обеспечить всех осужденных к ограничению свободы электронными системами контроля. С высокой долей вероятности можно также утверждать, что на принятие решений при реализации уголовно-исполнительной политики оказывают свое влияние социальные и духовные факторы. Кроме того, в тех случаях, когда законодательство допускает несколько вариантов правоприменения, субъекты реализации принимают решения с учетом всех существующих факторов. Такие ситуации возникают, например, при применении взысканий или поощрений в отношении осужденных, при рассмотрении вопросов условно-досрочного освобождения в суде и др.

В-третьих, субъектов реализации уголовно-исполнительной политики можно разделить в зависимости от того, какое решение они обязаны реализовать – директивное или нормативно-правовое. С учетом сложившейся в теории права позиции, согласно которой существует четыре формы реализации права – три основных (соблюдение, исполнение, использование) и одна особая (применение), нормативно-правовая форма установления уголовно-исполнительной политики обязательна для всех субъектов реализации, в том числе осужденных, их родственников и вообще для всех граждан. Что касается директивной формы установления уголовно-исполнительной политики, то в подавляющем большинстве случаев она распространяется непосредственно на Минюст России, ФСИН России (учреждения и органы, исполняющие наказания), а также на федеральные государственные органы. Директивная форма, как правило, не может распространяться на государственные органы субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, так как у них практически отсутствуют полномочия по исполнению уголовных наказаний.

На основании изложенного представляется возможным разделить всех субъектов реализации уголовно-исполнительной политики на две большие группы: основные и дополнительные субъекты реализации уголовно-исполнительной политики.

К числу основных субъектов реализации уголовно-исполнительной политики, на наш взгляд, относятся государственные органы и учреждения. Они, в свою очередь, делятся:

1) на непосредственно реализовывающие уголовно-исполнительную политику: Минюст России; ФСИН России; учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера;

2) участвующие в реализации уголовно-исполнительной политики: Президент РФ; Федеральное Собрание РФ; Правительство РФ; судебная система; прокуратура; МВД России (полиция); Министерство обороны Российской Федерации; иные министерства и ведомства; Счетная палата РФ; Уполномоченный по правам человека в РФ, Уполномоченный по правам ребенка в РФ, Уполномоченный по правам предпринимателей в РФ, уполномоченные по правам человека, по правам ребенка и по правам предпринимателей в субъектах РФ; государственные средства массовой информации (СМИ).

К числу дополнительных субъектов реализации уголовно-исполнительной политики можно отнести:

- государственные органы субъектов РФ;
- органы местного самоуправления;
- некоммерческие организации (общественные наблюдательные комиссии, религиозные организации и др.);
- коммерческие организации;
- негосударственные СМИ;
- международные организации;
- граждане.

Основной вклад в реализацию уголовно-исполнительной политики вносят Минюст России, ФСИН России, а также учреждения и органы, непосредственно исполняющие уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера.

Министерство юстиции Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в различных сферах деятельности, в том числе в области исполнения уголовных наказаний. Подавляющее большинство подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, принимаются Минюстом России, что является непосредственной реализацией уголовно-исполнительной политики. Кроме того, одним из полномочий Минюста России является проведение анализа реализации государственной политики в данной сфере.

Федеральная служба исполнения наказаний является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. В рамках реализации данных функций директор ФСИН России, например, подготавливает предложения о создании изолированных участков с различными видами режима в учреждениях, исполняющих наказания, об изменении вида режима, установлении и изменении лимита наполнения исправительных учреждений, о создании, реорганизации, ликвидации учреждений, исполняющих наказания, о формировании проекта федерального бюджета в части, касающейся финансирования уголовно-исполнительной системы, и т. п.

Кроме того, на Минюст России и ФСИН России в большинстве случаев возлагается реализация директивной формы установления уголовно-исполнительной политики. Например, Минюст России по реализации положений каждого Послания Президента РФ Федеральному Собранию подготавливает специальные планы мероприятий, которые затрагивают как вопросы совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, так и проблемы его применения.

Что касается учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, то их основная функция заключена как раз в реализации уголовно-исполнительной политики. Исключение составляют учреждения и органы, которые помимо исполнения уголовных

наказаний выполняют и иные функции (например, командование воинских частей, судебные приставы-исполнители).

Необходимо отметить, что в реализации уголовно-исполнительной политики в нормативно-правовой форме участвуют практически те же самые субъекты, которые ее формируют. Например, Президент РФ осуществляет функции по помилованию осужденных, Государственная Дума РФ периодически издает постановления об амнистии осужденных, Правительство РФ принимает различные постановления по вопросам исполнения наказаний. При этом Федеральное Собрание и Правительство РФ реализуют и директивную форму установления уголовно-исполнительной политики при реализации ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию.

Судебная власть решает такие вопросы, как: условно-досрочное освобождение осужденных, изменение вида исправительного учреждения, контроль за исполнением наказаний и ряд других. На Генеральную прокуратуру РФ возложена функция по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний. Участвует в реализации уголовно-исполнительной политики и Министерство внутренних дел Российской Федерации в лице полиции. Так, в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» она обязана оказывать содействие учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы по различным вопросам, связанным с исполнением уголовных наказаний.

Говоря о министерствах и ведомствах, необходимо также упомянуть Министерство обороны Российской Федерации, которое обеспечивает в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством Российской Федерации исполнение наказаний в отношении военнослужащих. В развитие данного полномочия был издан приказ Министерства обороны Российской Федерации от 20 октября 2016 г. № 680 «Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими». Кроме того, в определенной части реализовывают уголовно-исполнительную политику и Министерство здравоохранения Российской Федерации (вопросы медицинского обеспечения осужденных), Министерство просвещения Российской Федерации (вопросы получения образования осужденными) и др.

Весьма важную роль в реализации уголовно-исполнительной политики играет Уполномоченный по правам человека в РФ. Как показывает практика, большинство обращений осужденных связано:

- с качеством оказания медицинской помощи (медицинского обслуживания);
- реализацией права лиц на условное досрочное освобождение от отбывания уголовного наказания;
- правомерностью действий персонала учреждения по привлечению лиц к дисциплинарной ответственности;
- условиями содержания (соответствие нормам законодательства, требованиям руководящих документов).

Через опубликование различных официальных документов принимают участие в реализации уголовно-исполнительной политики и государственные средства массовой информации: «Парламентская газета», «Российская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации», «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Кроме того, средства массовой информации (в том числе негосударственные) могут реализовывать уголовно-исполнительную политику и в иных формах:

- освещение тех или иных событий, происходящих при исполнении уголовных наказаний или иных мер уголовно-правового характера;

– интервьюирование осужденных, их родственников, сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания;

– доведение до зрителей (читателей) последних изменений в уголовно-исполнительном законодательстве или правоприменительной практике и др.

В силу ограниченности полномочий в рассматриваемой сфере в меньшей степени в реализации уголовно-исполнительной политики участвуют государственные органы субъектов РФ и органы местного самоуправления. В субъектах РФ под руководством глав регионов проходят регулярные совещания межведомственных комиссий по профилактике правонарушений, в ходе которых рассматриваются самые разные вопросы, в том числе связанные с проблемами исполнения наказаний. Что касается органов местного самоуправления, то их обязанностью является, например, утверждение перечня видов обязательных работ и объектов, на которых осужденные отбывают наказание (ст. 49 УК РФ, ст. 25 УИК РФ), и мест для отбывания исправительных работ (ст. 50 УК РФ, ст. 39 УИК РФ). Утверждение перечня и мест осуществляется, как правило, с помощью издания соответствующего постановления администрации муниципального образования. Допускается участие представителей органов местного самоуправления в работе Комиссии исправительного учреждения (ст. 87 УИК РФ).

Принимают участие в реализации уголовно-исполнительной политики и некоммерческие организации. В первую очередь, в силу законодательно возложенных полномочий это общественные наблюдательные комиссии, которые регулярно осуществляют общественный контроль за соблюдением прав осужденных в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, лечебных профилактических учреждениях. Иные общественные объединения вправе оказывать содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, принимать участие в исправлении осужденных. Например, Фонд О. Дерипаска «Вольное дело» регулярно участвует в проведении мероприятий по оказанию помощи осужденным в их социальной реабилитации, финансирует тренинги по повышению образовательного уровня сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Особое место в реализации уголовно-исполнительной политики занимают религиозные организации. На основании ст. 14 УИК РФ осужденным гарантируется свобода вероисповедания и они имеют право на приглашение священнослужителей, принадлежащих к зарегистрированным в установленном порядке религиозным объединениям. В целях обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в учреждениях, исполняющих наказания, федеральный орган уголовно-исполнительной системы заключает с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашения о взаимодействии. Аналогичные соглашения есть во всех территориальных подразделениях ФСИН России.

В рамках действующего законодательства реализовывают уголовно-исполнительную политику и коммерческие организации. В основном это происходит в рамках наказаний, связанных с трудом осужденных, например при обязательных, исправительных и принудительных работах. Действующий УИК РФ предусматривает обязанности организаций, в которых работают данные осужденные (ст. 28, 43, 60.9).

В опосредованной реализации уголовно-исполнительной политики участвуют и негосударственные СМИ, например, через интервьюирование тех или иных должностных лиц, освещении событий, происходящих в уголовно-исполнительной системе, и др.

В реализации уголовно-исполнительной политики участвуют и международные организации, в первую очередь в рамках соблюдения действующего российского законодательства. Например, при посещении исправительных учреждений членами Европейского

комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания они обязаны соблюдать уголовно-исполнительное законодательство РФ и связанные с этим ограничения.

В конечном итоге реализовывают нормативно-правовую форму уголовно-исполнительной политики все граждане РФ. Прежде всего это касается осужденных, так как именно они отбывают уголовные наказания и обязаны реализовывать нормы уголовно-исполнительного права. Помимо самих осужденных в данном процессе могут участвовать их родственники, знакомые (например, при посещении учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания).

Необходимо подчеркнуть, что все рассмотренные субъекты (как основные, так и дополнительные) находятся в постоянном взаимодействии и оказывают взаимное влияние друг на друга в процессе реализации уголовно-исполнительной политики.

Еще одна особенность рассматриваемой стадии в механизме влияния системы факторов на уголовно-исполнительную политику заключается в том, что деятельность всех субъектов по реализации уголовно-исполнительной политики также выступает в качестве одного из социальных факторов, влияющих на уголовно-исполнительную политику и законодательство. Именно в процессе реализации уголовно-исполнительной политики выявляются проблемы, возникающие при исполнении уголовных наказаний, а также проявляется несовершенство действующего уголовно-исполнительного законодательства. В конечном счете деятельность субъектов по реализации уголовно-исполнительной политики является социальным фактором, оказывающим влияние на формирование и установление уголовно-исполнительной политики.

На основании изложенного полагаем, что под реализацией уголовно-исполнительной политики следует понимать процесс, в результате которого под воздействием системы факторов государственные органы и органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие организации, средства массовой информации, международные организации, а также граждане исполняют (используют, соблюдают, применяют) директивные решения и (или) нормативные правовые акты по вопросам исполнения (отбывания) уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Библиографический список

1. Грушин Ф. В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 208 с.

УДК 343.825

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: malikov_bz@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ – СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, И РОЛЬ В НЕМ РЕЛИГИОЗНОГО АСПЕКТА

Для цитирования

Маликов, Б. З. Общественное воздействие – средство исправления осужденных, и роль в нем религиозного аспекта / Б. З. Маликов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 146–151.

Аннотация. Рассматриваются теоретические, правовые и организационные проблемы реализации общественного воздействия как средства исправления осужденных. Автор акцентирует внимание на вопросах взаимодействия учреждений уголовно-исполнительной системы и религиозных объединений, а также на гарантиях реализации права на свободу мысли и вероисповедания верующих осужденных.

Ключевые слова: общественное воздействие на осужденных, религиозные объединения, верующие осужденные, взаимодействие учреждений уголовно-исполнительной системы и религиозных объединений, духовно-нравственное окормление, священнослужитель, исправительно-предупредительное воздействие, личное духовное пространство осужденного.

Для осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества, значимым основным средством исправления, наряду с другими, указанными в ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), является общественное воздействие. Уголовно-исполнительное законодательство не раскрывает сущность общественного воздействия на осужденных, однако прямо или косвенно указывает на некоторые формы этой работы в ст. 14, 23, 24, 109, 110, 142 УИК РФ.

В науке уголовно-исполнительного права только в последние годы были сделаны попытки на теоретическом уровне сформировать понятие «общественное воздействие на осужденных» и определить содержание этой работы. В учебной литературе данный вопрос нередко либо обходят, либо освещают недостаточно полно. При этом чаще авторы материалов по данной проблеме в учебниках и курсах лекций по уголовно-исполнительному праву делали акцент лишь на работе с осужденными представителями общественных наблюдательных комиссий, попечительских советов, родительских комитетов и религиозных организаций, а также на оказании шефской помощи исправительным учреждениям и содействии в социальной адаптации лицам, освободившимся

из мест лишения свободы. Ряд авторов ограничивались указанием на виды и формы общественного воздействия [1, 2]. В курсе лекций «Уголовно-исполнительное право» под авторством В. М. Анисимкова, С. А. Капункина, М. С. Рыбака при анализе основных средств исправления осужденных не уделено внимание сущности общественного воздействия, но интересным представлен материал § 5 гл. 2, в котором утверждается возрастающая роль гражданского общества в реализации уголовно-исполнительных правоотношений [3].

Е. Э. Попова понимает общественное воздействие как «воздействие общества, общественности и т. д. на осужденного, их участие в процессе исправления последнего» [4]. Указанный автор делает вывод о подчиненности общественного воздействия другим основным средствам исправления осужденных. «Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных находится в неразрывной связи с другими средствами исправления, дополняет их и может являться их внутренним обязательным структурным элементом» [5].

Наиболее удачный подход к законодательному выражению понятия «общественное воздействие» сделан коллективом авторов под научной редакцией научного руководителя НОЦ юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора В. И. Селиверстова в научно-теоретической модели Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [6].

Теоретическая модель включает в себя гл. 3 «Исправительно-предупредительное воздействие на осужденных», в которой в ст. 21 систематизированы основные средства исправительного воздействия на осужденных. Их перечень расширен. Каждое основное средство исправительного воздействия на осужденных из указанных в перечне в модели кодекса обрело правовое понятие в отдельной статье, раскрыты цель и характер его применения. Понятие «общественное воздействие на осужденных» закреплено в ч. 1 ст. 31. Под ним следует понимать основанную на законодательстве Российской Федерации социально полезную деятельность институтов гражданского общества и граждан, осуществляемую субъектами общественного воздействия совместно с учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, и направленную на обеспечение достижения цели исправления осужденных. В ч. 2 ст. 31 определены субъекты общественного воздействия на осужденных. Ими могут быть политические партии, правозащитные организации, религиозные объединения и другие общественные организации, средства массовой информации, общественные наблюдательные комиссии (члены общественных наблюдательных комиссий), родительские комитеты, попечительские советы, близкие родственники осужденных, другие граждане и иные общественные образования. Общественное воздействие на осужденных может также обеспечиваться при осуществлении общественного контроля за соблюдением прав и законных интересов осужденных; содействии учреждениям и органам, исполняющим уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, в обеспечении прав и законных интересов осужденных; оказании помощи в трудовом и бытовом устройстве, обучении осужденных; проведении воспитательной работы с осужденными; проведении религиозной, благотворительной, попечительской и иной общественной деятельности (ч. 3. ст. 31 модели УИК РФ). В законодательном порядке определены и условия обеспечения общественного воздействия на осужденных (ч. 4 ст. 31 модели УИК РФ). Тем самым авторы теоретической модели УИК РФ предлагают устранить имеющиеся пробелы и недостатки в действующем УИК РФ и привносят большую ясность в науку уголовно-исполнительного права по проблеме общественного

воздействия на осужденных. Вместе с тем мы не в полной мере поддерживаем идею авторов теоретической модели УИК РФ по поводу придания в законодательном порядке религиозным объединениям наряду с политическими партиями, правозащитными и другими общественными организациями статуса субъекта общественного воздействия на осужденных (ч. 1, 2 ст. 31 модели УИК РФ). На наш взгляд, этого делать пока не стоит. Религиозные объединения как специфические социальные общности, обладающие определенной организацией и структурой, исторически сложившимися церковными традициями и формами обрядности, несут в себе элемент властного влияния на верующих на основе императива воли Всевышнего (на вере основано восприятие воздаяния, милости и всепрощения, многое из жизни человека объясняется Его волей, что должно приниматься как благо, не подлежать обсуждению и возражению). Властный аспект и специфика деятельности религиозных объединений, по нашему мнению, предопределили необходимость в конституционном порядке ограничить влияние учреждений духовенства и их миссионеров в государственных учреждениях и организациях. Конституция Российской Федерации устанавливает, что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ч. 2 ст. 14), поэтому не стоит спешить в вопросе признания их субъектами общественного воздействия на осужденных в государственных учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, иные меры уголовно-правового и уголовно-процессуального характера. Представители различных конфессий должны иметь доступ в места изоляции осужденных и заключенных лишь как миссионеры для совершения духовных обрядов и таинств по просьбе верующих. В связи с этим право осужденных на свободу совести и вероисповедания следует гарантировать, как это предусматривает ст. 14 УИК РФ.

Роль религиозных организаций в социуме своеобразна, и их деятельность с учетом многоконфессиональности можно оценивать в целом как позитивную, сдерживающую от сползания в пропасть безнравственности и социального нигилизма. Тем не менее противоречия на основе межконфессиональных взглядов, убеждений и оценок, а также особой позиции значительной части атеистически ориентированного населения страны и людей, «кому не до Бога и высокой веры» в стремление грубой, безнравственной и черствой капиталистической действительности, не всегда могут приводить к положительным результатам. Интересы церковных служителей заключаются не только в стремлении затронуть струны души совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе против личности, и помочь им «освободиться» от груза греха, но и в том, чтобы через приобщение к Вере сохранять стабильность своего прихода. Осужденные, которых в местах изоляции более 600 тысяч, не считая заключенных, а с учетом их движения в целом в УИС это внушительная, и «внимательная», и избирательная, и инертная, и негативная к церковным делам аудитория. Это люди разные по возрасту, полу, по отношению к религии, национальному вопросу, социальной устроенности до осуждения [7]. Дело в том, что традиционно криминальный мир и определенная часть осужденных правосудие понимают извращенно, а решения судов – как несправедливость в оценке их деяния и личности. Для большинства из них правосудие заканчивается оглашением обвинительного приговора. В их представлении наказание иногда не ассоциируется с их преступным поведением. Процедура же исполнения наказания в виде лишения свободы оценивается ими как «власть тюрьмы», по образному выражению священнослужителя Владимира Киселева. Однако, будучи еще осужденным, он отмечал: «Когда упало с моей души бремя грехов, я понял, что тюремная система потеряла надо мной власть». Осужденные в местах лишения свободы нередко противопоставляют себя администрации ис-

правительственных учреждений, активно или пассивно саботируют участие в воспитательных мероприятиях. Служители религиозных объединений для них более предпочтительны, ибо они несут им «бальзам» всепрощения, обеспечивают «уход» на миг от реальности «тюремной кары». Практически после богослужений и общения со священнослужителями их внутренний мир остается прежним, но «верующие» лица более погружаются в себя, замыкаются на богослужении, не обнажая свои эмоции и побуждения.

Необходимо ли сотрудничество учреждений УИС с религиозными организациями? При ответе следует учесть три важных момента: 1) наличие в учреждениях УИС в порядке реализации государственного принуждения в связи с совершенным преступлением верующих лиц, чье право на свободу мысли и вероисповедания должно быть гарантировано; 2) значимые масштабы нравственного опустошения и деградация несамодостаточной части населения после развала советской системы социальной защиты; 3) отсутствие ожидаемых положительных результатов деидеологизации социального поля для формирования новых отношений на основе идей свободы и плюрализма.

Указанные обстоятельства заставили, с одной стороны, вновь обратить взор определенной части населения страны и официальных лиц в сторону религиозных объединений, так как слом советской общественно-политической системы обнаружил наличие «духовных пустот» и отсутствие реальных и потребных социуму структур, формирующих нравственность как объединяющую для всех ценность, организационных форм, работающих с массами. Таких организаций и формирований кроме религиозных объединений в стране не оказалось. Профессиональные союзы в новых условиях не сумели преодолеть моменты инерции и формализма. С другой стороны, религиозные формирования не только активизировали миссионерскую деятельность, но и проявили интерес к сотрудникам государственных учреждений на волне возрождения веры, встроили их в свою организационную и практическую работу по восстановлению храмов и строительству новых и расширению приходов. Они начали активное окормление казачества, которое всегда тесно было связано с церковью и богослужением, армейских подразделений и учреждений уголовно-исполнительной системы, включая персонал и осужденных. Вместе с тем начался «передел» сфер религиозного влияния в массах между официальными конфессиями. К этому процессу подключились и псевдорелигиозные организации. В определенной мере армия священнослужителей стала пополняться не самыми лучшими представителями социума, порой «удаленными» от Бога.

Учреждения УИС, не отвергая сотрудничества со всеми традиционными конфессиями, стали ориентироваться прежде всего на укрепление взаимосвязи с Русской православной церковью. В декабре 1999 г. патриарх Московский и всея Руси Алексей II и бывший министр юстиции Российской Федерации Ю. Я. Чайка подписали соглашение о сотрудничестве. Договоры о сотрудничестве с епархиальными управлениями Русской православной церкви были подписаны и территориальными органами уголовно-исполнительной системы. Под эгидой духовно-нравственного возрождения начался процесс окормления мест лишения свободы в масштабах всей России. Решением Священного синода Русской православной церкви был создан Отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными органами, в том числе с учреждениями и органами УИС [8]. Это дань моде, новым веяниям или это закономерный процесс восстановления генетической памяти, возвращение к своим воспитательным истокам? С ответом на поставленный вопрос каждый должен разобраться сам. Отметим лишь, что дважды в одну и ту же реку не войдешь, как дважды не откроешь одну и ту же дверь, как не сможешь начать жить с чистого листа... Прошлое всегда следует за человеком.

Всю жизнь человек учится жить, оглядываясь назад, думая каждый раз, как открыть давно знакомую дверь. Ведь за этой дверью уже другое время, другая жизнь.

Отмеченное следует учитывать в деятельности исправительных учреждений во взаимодействии с религиозными объединениями. Организацию исправительно-предупредительного воздействия на осужденных в исправительных учреждениях нужно наполнять новым содержанием. Такие основные средства исправления осужденных, как общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение, должны дополняться общественным воздействием в широком его понимании. Именно с помощью различных форм общественного воздействия осужденные в местах изоляции обретают возможность более полно ощущать себя частью социума, связь с которым у них не только не утрачена, но и может проявляться в формах, ранее не известных им, чтобы помочь им возродить интерес к жизни, ощутить в себе жизненные истоки и перспективы, осмыслить свой горький опыт прошлого, повернуться лицом к людям.

В порядке реализации этой работы повсеместно в исправительных учреждениях используется опыт и социальный потенциал общественных формирований. При их помощи и участии в исправительных учреждениях проводятся дни отрядов, встреч с родителями, показательные мероприятия творчества осужденных. Это помогает формировать должный нравственно-психологический климат в их среде. На основании Указа Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 при Федеральной службе исполнения наказаний создан Общественный совет по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы. В его компетенцию входит координация деятельности по привлечению общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защите прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. В соответствии с данным Указом ФСИН России разработала Положение об Общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы, которым обозначены направления деятельности по привлечению общественности к взаимодействию с учреждениями и органами УИС в целях защиты прав и законных интересов работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах. Совет формирует для руководства ФСИН России предложения по совершенствованию взаимодействия учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, с международными неправительственными и российскими общественными организациями (объединениями), религиозными конфессиями в решении вопросов, касающихся дальнейшей гуманизации условий отбывания наказаний, социальной защиты работников и ветеранов УИС.

Полагаем, что общественное воздействие на осужденных и заключенных должно базироваться на принципах:

искренности в оказании помощи осужденному в посткриминальный и адаптивный период в местах изоляции;

справедливости, доброжелательности и открытости во взаимоотношениях с осужденным;

отсутствия сугубо конфессиональной заинтересованности (озабоченности);

тактичности во взаимоотношениях, отсутствия давления на личность осужденного, сохранения за ним свободы личного выбора в действиях и оценках;

учета социальных ценностей осужденных;

учета особенностей личности осужденного и наличия различных социальных перспектив;

непреследования безусловного обращения в «свою» веру лиц, не определившихся в своих убеждениях;

свободы выбора вариантов социального продвижения и духовного обогащения личности.

Легальные религиозные организации – это часть социума, не просто созерцающая происходящее в нем, указывающая перстом Всевышнего на греховные дела и помыслы, но и та его часть, которая несет духовную ответственность за лиц, приобщенных к вере и Богу. Возникает вопрос: делает ли приобщение к Богу человека более свободным от комплексов и извращений бытия, достаточно защищенным в стремлении к всесторонней реализации личности?

Бесспорно, религиозная обрядность и канонические нормы дисциплинируют, обязывают и настраивают личность лишь на определенные и конкретные стереотипы поведения. Они порождают своеобразное чувство свободы в лоне покорности и ока Всевышнего. Всем ли осужденным нужна такая свобода и устроенность души?

Исправительные учреждения обязаны не только гарантировать право осужденных на свободу мысли и вероисповедания, но и обеспечивать «режим защищенности» осужденных от излишнего, не предусмотренного законом вторжения общественных формирований в их личное духовное пространство.

Библиографический список

1. Зубарев С. М. Уголовно-исполнительное право. М., 2010. URL : <http://be5.biz/pravo/u005/7.html> (дата обращения: 23.03.2018).

2. Российский курс уголовно-исполнительного права : учебник : в 2 т. / Е. А. Антонян [и др.]; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. Т. 1 : Общая часть. М., 2012. 696 с.

3. Рыбак М. С. Уголовно-исполнительное право : курс лекций / под ред. В. М. Анисимова. Саратов, 2001.

4. Попова Е. Э. Общественное воздействие в структуре средств исправления осужденных // Журнал всемирных открытий. 2013. URL : <http://naukarus.com/obschestvennoe-vozdeystvie-v-strukture-sredstv-ispravleniya-osuzhdyonnyh> (дата обращения: 22.03.2018).

5. Попова Е. Э. Общественное воздействие в системе средств исправления осужденных // Юридическая наука и практика : альманах науч. тр. Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2014. С. 212–214.

6. В. И. Селиверстов. Научно-теоретическая модель Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2016. Т. 2. № 9. С. 235-242 (дата обращения: 20.03.2018).

7. Маликов Б. З. Особенности социума мест изоляции осужденных и проблемы реализации их права на свободу совести и вероисповедания // Уголовно-исполнительная система: на современном этапе развития науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. межведомств. конф. / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2016.

8. Общественное воздействие как средство исправления осужденных. URL : <http://rud.exdat.com/docs2/index-52601.html?page=62> (дата обращения: 25.03.2018).

УДК 343.8

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ СМИРНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: lbs1958@yandex.ru

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ

Для цитирования

Смирнов, Л. Б. Наказание в виде лишения свободы в контексте уголовно-исполнительного права и пенитенциарной практики / Л. Б. Смирнов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 152–159.

Аннотация. Наказание в виде лишения свободы является универсальным и наиболее эффективным средством предупреждения преступлений по сравнению с другими видами уголовных наказаний. Социальная направленность лишения свободы отражает те цели, которые ставит перед ним общество и закрепляет закон.

Лишение свободы выступает одним из центральных элементов пенитенциарной системы, выполняющей профилактические и социализаторские функции. Оно как наиболее суровое наказание влечет за собой ограничение и временное приостановление ряда основных прав личности, что вытекает из целей наказания. Ограничение прав и свобод в связи с лишением свободы носит вынужденный характер, так как без этого невозможно применение средств исправительного воздействия, да и самого наказания.

Исполнение лишения свободы представляет собой сложный уголовно-исполнительный (карательно-исполнительный) процесс, включающий в себя комплекс правовых и организационных институтов, форм, средств, способов, обеспечивающих изоляцию осужденных от внешнего мира, сопутствующих этому правоограничений, мер принуждения, безопасности и мер исправительного воздействия.

Законодатель не дает четкого определения степени исправления осужденных, не проводит их градации и не говорит о порядке их применения при определении исправимости осужденных. Сложившееся положение является серьезным пробелом в законодательстве. Следует законодательно закрепить степени исправления осужденных в порядке их возрастания и сформулировать требования, предъявляемые к каждой из них, и закрепить порядок их определения.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации содержит систему прогрессивных элементов отбывания наказания, которая включает в себя изменение условий отбывания наказания, замену наказания более мягким наказанием, условно-досрочное освобождение. Продвижению по лестнице прогрессивной системы от-

бывания наказания должны соответствовать определенным степеням исправления. В соответствии со степенью исправления следует определять основания изменения условий отбывания наказания и досрочного освобождения от него. Современное уголовно-исполнительное законодательство отказалось от этой идеи, хотя зафиксировало некоторые требования в отдельных нормах.

Ключевые слова: наказание, кара, лишение свободы, исправление, предупреждение.

Наказание в виде лишения свободы как специфический элемент карательной системы, выполняющий свойственные ему функции, представляет собой радикальное уголовно-правовое средство борьбы с преступностью. Лишение свободы, являясь одним из элементов пенитенциарной системы государства, закрепляется правовыми нормами и функционирует на основе права.

Сущность наказания в виде лишения свободы составляет кара, которая с точки зрения юридического содержания есть комплекс правоограничений, зависящих от конкретного вида исправительного учреждения. Эти правоограничения принимают форму запретов в области тех или иных прав и свобод, уменьшения объема некоторых прав и свобод, особого порядка их осуществления, установления специфических обязанностей, вытекающих из содержания режима наказания в виде лишения свободы.

Исполнение наказания существенно влияет на состояние прав и свобод человека. Согласно ч. 2 ст. 1 УИК РФ осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Правовой статус осужденных к лишению свободы базируется на общем правовом статусе граждан России. Это обстоятельство важно, так как способствует обеспечению законности при исполнении уголовного наказания, повышает его воспитательный потенциал и подчеркивает тот факт, что осужденные не ограничиваются в реализации ряда прав и несут обязанности, возложенные на граждан Российской Федерации. Осужденные к лишению свободы пользуются без существенных ограничений правами в сфере трудовых, брачно-семейных, наследственных и иных правоотношений.

Внутри правового статуса осужденных к лишению свободы выделяют специальный правовой статус осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительной колонии, специальный правовой статус осужденных, отбывающих лишение свободы в колонии-поселении, специальный правовой статус осужденных-женщин, специальный правовой статус несовершеннолетних осужденных и т. д.

Лишение свободы заключается в создании определенных лишений и ограничений осужденным с целью их исправления и предупреждения совершения новых преступлений как ими, так и иными лицами. В этом проявляется сущность уголовного наказания как реакции государства на совершенное преступление.

Уголовно-исполнительное законодательство наполняет лишение свободы конкретным карательным содержанием, устанавливая особенности режима содержания осужденных. В уголовно-исполнительном законодательстве РФ дано определение режима в исправительных учреждениях как установленного законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядка исполнения и отбывания лишения свободы (ст. 82 УИК РФ). Режим и условия содержания осужденных являются центральными правовыми институтами и категориями уголовно-исполнительного права и уголовно-

исполнительной науки в части исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, обеспечивающими изоляцию от общества.

Реализация уголовно-исполнительного процесса происходит в строго определенном нормами уголовно-исполнительного законодательства порядке. Таким образом, режим – это предусмотренный нормами уголовно-исполнительного права свод правил или требований, определяющих карательно-исполнительный процесс. Режим также выражается в алгоритме, наборе и последовательности действий субъектов уголовно-исполнительных отношений, уполномоченных исполнять лишение свободы.

Содержание режима лишения свободы определяется его основными функциями и включает в себя совокупность требований, норм, обеспечивающих или регулирующих порядок и условия исполнения и отбывания данного вида наказания. Их условно разделяют на три основные группы: относящиеся к персоналу исправительных учреждений, осужденным, иным гражданам, находящимся в исправительных учреждениях или на прилегающих к ним территориях. Однако содержание режима составляют не только правила персонала, осужденных и иных субъектов как обязательные варианты поведения в форме обязанностей и запретов, но и организационно-правовые меры и средства. Так, нормы режима определяют технические средства режима и надзора, организацию, устройство и характеристики различного назначения объектов мест лишения свободы, например отрядов, штрафных изоляторов, запираемых помещений, комнат свиданий.

Нормы режима предусматривают различные процедуры: досмотры, обыски, проверки наличия осужденных, соблюдения распорядка дня и т. д. Внутренний распорядок в исправительных учреждениях детализируется в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, утверждаемых Минюстом России и согласованных с Генеральной прокуратурой РФ. В них подробно описываются все элементы внутреннего распорядка, детализируются обязанности и права администрации исправительных учреждений, обязанности и права осужденных, определяются процедуры их реализации. Необходимо подчеркнуть, что Правила внутреннего распорядка не создают новые материальные нормы (это компетенция кодекса), а формулируют процедурные нормы, основная задача которых – детально регламентировать механизм реализации правовых предписаний, обеспечивающих порядок исполнения и отбывания наказания.

Одной из тенденций современной уголовно-исполнительной политики является гуманизация исполнения наказания. Гуманизация кары при исполнении наказания заключается в гуманизации или смягчении режимных требований, улучшении условий содержания осужденных и расширении их правового статуса. В данном случае возникает вопрос о пределах кары в процессе исполнения наказания. В международных стандартах говорится о необходимости установления условий отбывания в пенитенциарных учреждениях в соответствии с условиями жизни на свободе. Однако условия жизни на свободе различны у разных категорий населения, поэтому необходимо подразумевать минимальные стандарты жизни на свободе. В таком случае стандарты условий в местах лишения свободы должны быть соотносимы с минимальными стандартами жизни на свободе с учетом режимных требований конкретного вида пенитенциарного учреждения.

Условия отбывания наказания, закрепленные в гл. 13 УИК РФ, – это условия человеческого существования в местах лишения свободы, вытекающие из потребностей личности. Находясь в условиях изоляции, человек должен иметь необходимый минимально достаточный набор условий, обеспечивающих его потребности в еде, одежде, контактах с внешним миром, культурной и духовной информации. Условия содержания

в заключении должны обеспечивать поддержание и защиту здоровья осужденных. Международные стандарты предписывают обеспечивать условия содержания осужденных, в максимальной степени сходные с условиями жизни на свободе с учетом соблюдения режима содержания.

Таким образом, в данном аспекте условия отбывания наказания – это определенные уголовно-исполнительным законодательством социальные, материальные, духовные и культурные потребности личности в условиях лишения свободы.

Наказание, являясь карой, заключающейся в правоограничениях, объективно вызывает у осужденного страдания, переживания преимущественно моральные. Вместе с тем не все предписания, обращенные к осужденному, могут вызывать у него страдания и переживания, поскольку некоторые из них для осужденных безразличны. Однако любой осужденный в наказании найдет нежелательные, обременительные для себя ограничения.

В процессе исполнения наказания в виде лишения свободы к осужденным применяются меры исправительного воздействия, которые сами по себе в содержание кары не входят. Кара и меры исправительного воздействия – разные явления.

Основной целью уголовно-исполнительного законодательства определено исправление осужденных. Вместе с тем в теории уголовно-исполнительного права, наряду с термином «исправление», все чаще употребляется термин «ресоциализация».

Исправление – это в первую очередь изменение ценностно-нормативной сферы личности осужденного, а ресоциализация – привитие или восстановление утраченных социально полезных качеств и практических навыков человеческого общежития. Ресоциализация не предполагает радикального изменения сознания, что при отбывании наказания чрезвычайно трудно достичь.

Ресоциализацию можно понимать и как начальную стадию (ступень) исправления, а исправление в таком случае – как цель-задачу и как процесс применения исправительных средств.

Безусловно, нельзя исправить всех осужденных, в особенности взрослых преступников, имеющих стойкую, ярко выраженную негативную антисоциальную направленность личности. Однако, что касается значительной части несовершеннолетних преступников, а также взрослых осужденных, не обладающих глубокой криминальной зараженностью, исправление возможно.

У большинства населения, в том числе практических работников уголовно-исполнительной системы и даже у некоторой части научных работников, сложилось мнение (или убеждение), что цель исправления осужденных нереальна и от нее надо отказаться, однако это является абсолютно ошибочной и вредной позицией.

Кроме того, и исправление, и ресоциализацию следует понимать не только как результат, который можно и не получить, но и как процесс применения средств исправления.

Цель исправления наиболее актуальна в обществе, исповедующем идеологию материализма и традиционных национальных ценностей.

Что касается цели ресоциализации, то она выглядит более реальной в условиях состояния современного плюралистического общества, подвергнувшегося внушительному воздействию либеральной идеологии, основанной на максимальной свободе и потребительской психологии.

Приходится констатировать, что в современных условиях российской действительности, да и не только российской, происходит определенный отход от тех идеалов, которые были сформированы пенитенциарной наукой и практикой в недавнем прошлом.

Тем не менее цель исправления остается составной частью современной уголовно-исполнительной доктрины и используется в пенитенциарной практике. Цель исправления заключается в устранении негативных свойств и качеств личности преступника, обусловивших совершение преступления. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации устанавливает и основные средства достижения цели исправления, которые определяют содержание процесса исправления. Названные в ст. 9 УИК РФ средства исправительного воздействия нуждаются в уточнении их содержания, так как некоторые из них в уголовно-исполнительном законодательстве не имеют определений. Довольно сложным представляется понимание такого средства исправительного воздействия, как общественное воздействие, которое понимается как воздействие на осужденных внешних общественных организаций. Процесс исправления должен осуществляться непрерывно, как непрерывно должны применяться все средства исправительного воздействия, ибо только тогда можно будет говорить о возможном эффекте исправления.

Определяя цель исправления осужденных, законодатель совершенно по-иному подошел к ее реализации в конкретных правовых нормах. Ранее законодатель четко называл степени исправления осужденных: стал на путь исправления; твердо стал на путь исправления; доказал свое исправление. Со степенью исправления увязывались изменения условий отбывания наказания либо освобождения от него. В современном законодательстве такой градации нет. Более того, УИК РФ решение вопроса по исправлению осужденного отдает на судебное усмотрение. Так, суд может освободить осужденного, если установит, что лицо для своего исправления не нуждается в полном отбывании наказания. Практика организации воспитательного процесса подтверждает необходимость определения степеней исправления осужденных. Вместе с тем некоторые показатели исправления осужденных в УИК РФ все же содержатся, но они размыты, неконкретны и разбросаны по всему тексту.

На наш взгляд, можно выделить следующие критерии оценки исправления осужденного к лишению свободы:

- соблюдение режима содержания;
- участие в общественно полезном труде при условии привлечения к таковому;
- участие в воспитательных мероприятиях;
- получение общего и профессионального образования при отсутствии такового;
- критическое отношение к криминальной субкультуре;
- отрицательное отношение к неформальным группам;
- признание вины в совершенном преступлении;
- признание справедливости кары;
- раскаяние в совершенном преступлении;
- возмещение ущерба, причиненного преступлением, при наличии объективных возможностей.

Основываясь на критериях исправления, следует выделить соответствующие категории осужденных к лишению свободы:

- а) осужденные положительной направленности:
  - становящиеся на путь исправления;
  - вставшие на путь исправления;
  - твердо вставшие на путь исправления;
  - исправившиеся или доказавшие свое исправление;
- б) осужденные нейтральной направленности;

в) осужденные отрицательной направленности:
не вставшие на путь исправления;
злостные нарушители режима содержания;
лидеры и члены групп отрицательной направленности.

Поведение осужденного, заключающееся в соблюдении режима содержания, выступает важной характеристикой осужденного положительной направленности. Отсутствие нарушений режима содержания в течение всего срока содержания говорит о минимальной деформации нравственно-психологической сферы личности осужденного и его стойкой убежденности в необходимости правомерного поведения. Такое поведение необходимо регулярно поощрять.

Осужденных, имевших нарушения режима в первоначальный период отбывания наказания и отказавшихся от нарушений в последующем, необходимо относить к претендентам на категорию «вставшие на путь исправления» или «твердо вставшие на путь исправления».

Отношение осужденного к общественно полезному труду как показатель его исправления заключается в понимании полезности и необходимости труда для каждого члена общества, а также в активном и добросовестном участии в нем.

Отношение осужденного к обучению как показатель степени исправления осужденного выражается в регулярном посещении занятий, хорошей успеваемости, устойчивости познавательных процессов, стремлении к самообразованию.

Раскаяние осужденного в совершенном преступлении свидетельствует о позитивной перестройке личности осужденного. Раскаяние означает стремление порвать с преступным прошлым. Соответственно нераскаявшийся осужденный не может быть признан исправившимся.

Средства исправления осужденных в наибольшей степени применяются в местах лишения свободы. Важнейшим из них является воспитательная работа. Воспитательная работа как психолого-педагогическое средство прямо нацелено на нейтрализацию отрицательных последствий деформации личности осужденного, она охватывает широкий круг воспитательных мероприятий и включает в себя специфические формы воспитательного воздействия. Обеспечивая главную цель – исправление осужденных, воспитательная работа призвана решать соответствующие задачи, указанные в ст. 109 УИК РФ, к которым относятся: исправление осужденных, формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития; повышение образовательного и культурного уровня осужденных.

Воспитательная работа должна быть направлена на формирование позитивной юридической ответственности, которая предполагает такое отношение лица к обществу, государству, другим лицам, которое включает в себя эмоционально-психологическое осмысление и рациональное осознание лицом своего гражданского долга перед обществом, государством и другими лицами, а также готовность действовать в соответствии с этой личностной установкой.

При исполнении лишения свободы его содержание и средства, а также цели должны быть между собой взаимосвязаны. Так, если наказание не будет связано с привлечением к общественно полезному труду и проведением воспитательной работы, то оно останется лишь карой за совершенное преступление.

Решающая роль в формировании личности принадлежит труду. Общественно полезный труд, отношение к нему, его результат определяют авторитет и положение человека в обществе. Общественно полезный труд как средство исправления осужденных

в пенитенциарных учреждениях преследует и иные цели, в частности экономическую, социальную и оздоровительную.

Экономическая цель труда осужденных состоит в том, что они работают на себя и на общество, членами которого они являются и которое готово принять их после отбытия наказания. Результаты труда осужденных служат средством возмещения ущерба, причиненного преступлением, выплаты исков и алиментов, возмещения стоимости питания, одежды, белья и обуви, кроме стоимости спецодежды и спецпитания. Социальная цель труда заключается в получении или сохранении производственных навыков, необходимых осужденным после освобождения из мест лишения свободы. Оздоровительная цель труда осужденных в пенитенциарных учреждениях – прежде всего укрепление здоровья. Труд способствует физическому развитию и закаливанию организма и, кроме того, предотвращению антиобщественных проявлений осужденных, так как их силы и энергия направлены на создание материальных благ.

В процессе общественно полезного труда реализуются физические, психические и интеллектуальные возможности и способности человека по производству материальных благ, созданию духовных ценностей и выполнению услуг в материально-бытовой сфере, а также происходит самовыражение и самоутверждение личности. Ф. М. Достоевский писал: «Без труда человек не может жить, развращается, обращается в зверя... без работы арестанты поели бы друг друга, как пауки в склянке» [1, с. 14].

Цель предупреждения совершения преступлений предполагает, с одной стороны, специальное предупреждение, направленное на осужденного, с другой стороны, общее предупреждение, направленное на остальных членов общества.

Частное предупреждение представляет собой воздействие наказанием на самого осужденного с целью удержать его от совершения преступления во время отбывания наказания [2, с. 61]. Частично предупредительный эффект заключен не только во внутренней мотивации поведения осужденного благодаря испытанию наказанием. Есть наказания, которые по своему характеру больше или меньше способствуют этой цели. Лишение свободы как наказание больше располагает ресурсами частного предупреждения, но они действуют во время его отбывания. Наказания без лишения свободы, или виды условного осуждения, в той или иной мере связаны с усилением социального контроля за осужденными, и это обстоятельство служит цели частного предупреждения. Важно не только то, как прочувствует наказание осужденный, многое зависит и от внешних обстоятельств его отбывания, и от того, как воздвигаются «барьеры» на пути возможного совершения новых преступлений осужденным.

Общее предупреждение выражается в психологическом воздействии на лиц, не подвергнутых наказанию, возможностью кары в случае совершения преступления. Общепредупредительное воздействие оказывает уже сам факт существования пенитенциарной системы. По своей природе общее предупреждение есть особое психолого-воспитательное средство уголовно-правового воздействия на сознание и волю людей, выражающееся в удерживании людей от совершения преступлений посредством угрозы наказания.

В настоящее время все больше представителей науки разделяют взгляды о кризисе уголовного наказания в виде лишения свободы и пенитенциарной системы. Теорию кризиса наказания можно рассматривать как инструмент информационного воздействия, направленного на дискредитацию уголовного наказания и лишения свободы в особенности. Такая дискредитация осуществляется в контексте критики и ослабления пенитенциарной системы.

Апологеты теории кризиса наказания появились в период становления и развития капитализма. Э. Дюркгейм говорил: «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно... Преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права» [3, с. 41].

Альтернативные лишению свободы наказания показывают свою полную неэффективность. Их исполнение – это фикция. Примером такой фикции может служить наказание в виде исправительных работ. В судебной практике в 40 % случаев исправительные работы назначаются лицам, не имеющим документов, необходимых для устройства на работу (паспортов, военных билетов, трудовых книжек), подтверждающих трудоспособность осужденного, а также гражданства, регистрации по месту жительства, наказание реально не исполняется, осужденные числятся на учете уголовно-исполнительной инспекции как отбывающие наказание.

Таким образом, наказание в виде лишения свободы является центральным институтом уголовного права и важнейшим инструментом в руках государства для охраны политических, экономических и иных общественных отношений от преступных посягательств. Лишение свободы – это эффективное средство исправления, социализации и социальной опеки. Исправительные учреждения в определенной мере – это учреждения, дающие приют, социальный пансион бедным и несчастным людям.

Библиографический список

1. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. М., 1984. 480 с.
2. Шмаров И. В. Эффективность уголовного наказания // Советское государство и право. 1963. № 6. С. 53–68.
3. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (современные буржуазные теории). М., 1996. С. 33–49.

УДК 343.8

ИВАН АНДРЕЕВИЧ СМИРНОВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: vanosmirnovivan@rambler.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕСЯ ОСУЖДЕННЫЕ В ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Для цитирования

Смирнов, И. А. Положительно характеризующиеся осужденные в прогрессивной системе ресоциализации / И. А. Смирнов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 160–167.

Аннотация. В статье рассматриваются стадии прогрессивной системы ресоциализации в процессе уголовного преследования: уголовное судопроизводство, отбывание наказания и последствия судимости. Действующие нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права предусматривают элементы прогрессивной системы ресоциализации. Действие указанных норм зависит от поведения лиц, привлеченных к уголовной ответственности, что обеспечивает стимул к соблюдению установленных законов.

В период уголовного судопроизводства анализируются нормы уголовно-процессуального и уголовного законодательства. Отмечается, что некоторые нормы выступают в качестве элементов прогрессивной системы предначального этапа ресоциализации. Важно, чтобы по окончании периода уголовного судопроизводства законодатель делал акцент на составлении программы по исправлению и осуществлению комплекса мероприятий, направленных на ресоциализацию лиц, совершивших преступления.

Анализируется зарубежная практика по организации исправления осужденных на начальном этапе отбывания наказания. Рассматривается опыт вступительных отделений в Германии, в которые поступают осужденные к лишению свободы для их комплексного обследования узкими специалистами, цель которого – определение вида исправительного учреждения и составление соответствующей программы по ресоциализации и исправлению с учетом индивидуальных особенностей.

Делается акцент на том, что в России недостаточно проработан институт полусвободного режима как переходная стадия от изоляции к свободе, в связи с чем предлагается за год до применения условно-досрочного освобождения положительно характеризующихся осужденных переводить в колонии-поселения. Кроме того, представляет интерес создание в местах лишения свободы льготных (предназначенных для совершеннолетних) и открытых условий отбывания наказания, которые предполагали бы полусвободный режим.

На заключительной стадии ресоциализации выдвигается предложение о ликвидации дополнительных обязанностей и ограничений в отношении положительно характеризующихся осужденных, что, в свою очередь, минимизирует морально-

психологический барьер и ликвидирует правовые последствия, связанные с судимостью.

Ключевые слова: стадии реализации уголовной ответственности, прогрессивная система ресоциализации, положительно характеризующиеся осужденные, воспитательные отделения, полусвободный режим.

На современном этапе развития исполнения уголовных наказаний следует уделять внимание лицам, отбывающим уголовное наказание, которые способны нести ответственность и достигать поставленных перед ними уголовно-исполнительным законодательством целей. Необходимы определенные требования для выявления из общей массы такой категории лиц и продолжения работы по их ресоциализации уже в более благоприятных для этого процесса условиях.

Основным механизмом, способствующим идентификации положительно характеризующихся лиц в период уголовного преследования, является прогрессивная система отбывания наказания. Д. В. Горбань дает следующее определение данному понятию: «это перевод осужденных от более строгих к менее строгим формам изоляции с последующим досрочным освобождением от наказания с учетом степени их исправления, согласно установленным критериям» [1, с. 16–17].

Прогрессивная система исполнения наказания тесно связана с ресоциализацией осужденных, так как предполагает разделение процесса отбывания наказания на несколько этапов в зависимости от саморегуляции лица, отбывающего уголовное наказание, и на каждом из них условия содержания становятся ближе к условиям жизни на свободе. Ресоциализация подразумевает под собой привитие осужденным навыков, необходимых для жизни на свободе, законопослушного образа жизни, обеспечивает контакт с внешним миром в целях восстановления и сохранения социально полезных связей.

Для более эффективного применения возможностей прогрессивной системы необходимо создавать условия на каждом этапе уголовного преследования: начиная с уголовного судопроизводства и заканчивая погашением судимости. Согласимся с научной позицией П. М. Малина, который считает, что точкой отсчета в прогрессивной системе должно быть привлечение лица в качестве обвиняемого, а моментом окончания – время погашения судимости [2, с. 37]. В данном случае речь идет о прогрессивной системе ресоциализации лица, совершившего преступление, а не об отбывании наказания.

П. И. Малин считает, что прогрессивную систему можно воплотить в формах реализации уголовной ответственности. Мы назвали бы их не формы, а стадии реализации уголовной ответственности. Как известно, такая ответственность реализуется на различных стадиях: первая выражается в привлечении лица к уголовной ответственности, применении меры пресечения, уголовном судопроизводстве и вынесении обвинительного приговора; вторая стадия – отбывание наказания; последняя – период, связанный с наличием у лица судимости (и в связи с этим возникшие ограничения и дополнительные обязанности). Следует отметить, что субъект на каждой стадии реализации уголовной ответственности будет разным. Конкретное лицо, совершившее преступление (объект), является входным и выходным элементом прогрессивной системы [2, с. 37].

Полагаем, что уже на первой стадии реализации уголовной ответственности необходимо выявлять лиц с положительной направленностью. Работу с положительными объектами с перспективой предоставления благоприятствующих условий следует вести до самой последней стадии. Этот процесс не должен заканчиваться в период уго-

ловного судопроизводства, логично, если он будет длиться на протяжении всех стадий реализации уголовной ответственности.

Следовательно, процесс применения прогрессивной системы в период уголовного преследования целесообразно разделить на три основных этапа: уголовное судопроизводство, отбывание наказания в местах лишения свободы, ограничения и обязанности, связанные с судимостью. Действующее уголовно-процессуальное, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство на каждом таком этапе предусматривает нормы, связанные с прогрессивной системой отбывания наказания для положительно характеризующихся осужденных в зависимости от поведения.

В период уголовного судопроизводства (предначальный этап ресоциализации) элементы прогрессивной системы можно обнаружить в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Во время проведения следствия или дознания уполномоченное лицо вправе избрать одну из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством меру пресечения. Вид данной меры будет зависеть не только от тяжести совершенного преступления и характеризующих личность данных, но и от поведения виновного до совершения преступления и после него. В ст. 97 УПК РФ основаниями назначения меры, в зависимости от отрицательного поведения лица, являются: возможность лица скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; занятие преступной деятельностью; угроза свидетелю, иным участникам судопроизводства, уничтожение доказательств, иное воспрепятствование производству по уголовному делу.

Статья 99 УПК РФ указывает на то, что при решении вопроса об избрании меры пресечения учитываются тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» под другими обстоятельствами понимается поведение лица после совершения преступления: явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда. Кроме того, суд учитывает совершение умышленного преступления ранее (судимость за которое не снята или не погашена); нарушение лицом ранее избранной меры пресечения, не связанной с лишением свободы; уклонение от органов предварительного расследования или суда. Таким образом, мы можем проследить, что поведение лица до момента его осуждения в совокупности с другими обстоятельствами играет немаловажную роль в решении вопроса о его изоляции от общества.

Согласно уголовному законодательству положительное поведение лица может выступать смягчающим обстоятельством в следующих случаях:

1) явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления;

2) оказание медицинской помощи и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (пп. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Результатом такого поведения будет выступать основание для смягчения наказания. Законодатель учитывает позитивное поведение лица и предоставляет определенные льго-

ты, которые существенно отражаются на объеме правового статуса личности. В уголовном законодательстве акцентируется внимание на том, что при наличии таких смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания (ч. 1 ст. 62 УК РФ). Кроме того, поведение виновного в совокупности с другими смягчающими обстоятельствами может выступать основой для назначения наказания ниже низшего предела, замены наказания более мягким, чем предусмотрено статьей УК РФ, или суд может не применять дополнительный вид наказания, который является обязательным (ч. 1 ст. 64 УК РФ). В указанных нормах просматриваются элементы прогрессивной системы ресоциализации, которые оказывают на лицо стимулирующее воздействие.

Рассматривая зарубежную практику организации мероприятий ресоциализирующего характера, заслуживающим внимания на втором этапе отбывания наказания представляется опыт Германии. На земле Северный Рейн-Вестфалия г. Хаген имеется специальное учреждение, в которое помещаются все преступники, осужденные к лишению свободы более чем на два года. Указанное учреждение выступает тюрьмой-распределителем, или вступительным отделением.

В данном учреждении лица содержатся в условиях одиночного заключения. Во вступительном отделении осуществляет работу специальная комиссия, которая в течение шести недель проводит диагностику личности осужденного. В результате такой диагностики разрабатываются рекомендации, учитывающие индивидуальные особенности личности, по дальнейшей работе с осужденными, определяются наиболее подходящие ресоциализационные мероприятия, также определяется подходящее учреждение, где диагностируемое лицо будет отбывать наказание в виде лишения свободы, составляется соответствующая программа. Все это служит отправной основой для прогрессивной системы отбывания наказания в Германии [3, с. 10].

Согласно законодательству Германии об исполнении наказаний в виде лишения свободы программа исправления (ресоциализации) должна содержать, как минимум, следующие исправительные меры в отношении осужденных:

- предварительное заключение в закрытых или открытых учреждениях;
- перевод в социально-терапевтическое учреждение;
- распределение осужденных по определенным группам (группы исправления);
- работа и привитие необходимых навыков;
- участие в учебной деятельности;
- специальные меры по оказанию помощи в исправлении осужденных;
- смягчение условий тюремного заключения;
- принятие необходимых мер при подготовке к освобождению [4].

Подобные программы имеют особую специфику и подразумевают определенные способы их реализации. Они рассчитаны на конкретные группы людей в зависимости от их образования, тяжести и вида совершенного преступления, демографических и гендерных признаков и других особенностей.

К сожалению, в России нет опыта составления программы исправления и ресоциализации лица, виновного в преступлении, после завершения уголовного судопроизводства, хотя на разработку определенной программы работы с осужденными указывают такие международные акты, как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Европейские пенитенциарные правила.

Программа должна исходить из индивидуальных потребностей, способностей, склонностей, состояния духа, близости к родственникам осужденного лица. В международ-

ных стандартах также упоминается, что о будущем осужденного необходимо думать с самого начала отбывания наказания. Акцент делается на то, что осужденному следует помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, способными защитить его интересы и после освобождения содействовать включению осужденного в общество. Так, программа по исправлению и ресоциализации лица является неотъемлемым компонентом прогрессивной системы отбывания наказания, которая должна включать в себя смягчение условий отбывания наказания, предоставление режима благоприятствования в зависимости от саморегуляции поведения осужденных.

Частичному решению данной проблемы уделил внимание Д. В. Горбань, который предложил в рамках досудебной пробации в период уголовного судопроизводства соответствующим должностным лицам составлять социальные доклады и предоставлять их администрации учреждения. Социальный доклад должен содержать рекомендации по назначению наказания. Кроме того, одновременно с социальным докладом должна предоставляться программа воспитательного воздействия, а также предлагаться меры по социальной адаптации и реабилитации лица, преступившего закон [5, с. 319].

В период отбывания наказания от поведения осужденного также зависит, в каких условиях он будет содержаться и какие льготы может предоставить администрация исправительного учреждения. Следует отметить, что согласно уголовно-исполнительному законодательству время перевода в более льготные условия отбывания наказания идет в зачет, начиная с содержания в следственном изоляторе, но с тем условием, если осужденный в период пребывания в следственном изоляторе не допустил нарушений установленного порядка содержания под стражей, за которые к нему применялась мера взыскания в виде водворения в карцер (ч. 1 ст. 120 УИК РФ).

В местах лишения свободы можно выделить следующие группы осужденных, способные воспользоваться прогрессивной системой отбывания наказания:

1) осужденные, которые не имеют взысканий, добросовестно относятся к труду и заслуживают перевода в облегченные условия отбывания наказания;

2) осужденные, находящиеся в облегченных условиях отбывания наказания и заслуживающие перевода в другое исправительное учреждение с более мягким режимом и замены наказания более мягким;

3) осужденные, которые заслуживают условно-досрочное освобождение (УДО).

Указанное разделение на группы положительно характеризующихся осужденных отражает возможности приближения заключенных к условиям свободы и минимизации правоограничений, связанных с режимом.

Следует отметить, что осужденным, освободившимся досрочно из мест лишения свободы, предоставляется возможность доказать свое исправление, находясь вне рамок исправительного учреждения, в связи с этим неверным будет утверждение, что лицо, освободившееся таким образом, доказало свое исправление. При таком освобождении происходит резкая смена социальной атмосферы, и бывший осужденный может не адаптироваться к правильному распорядку жизни, так как во время отбывания наказания не было возможности в свободных условиях «попрактиковаться» вести законопослушный образ жизни, что порождает риск совершения повторного преступления.

В системе исполнения уголовных наказаний Германии имеются тюрьмы открытого типа, которые схожи с российскими колониями-поселениями и выступают промежуточным звеном между заключением и свободой. Кроме того, как подвид открытой тюрьмы имеются так называемые переходные дома, предназначенные для адаптации к свободе для осужденных с длительными сроками отбывания наказания. В такие льготные уч-

реждения направляются за 6–12 месяцев до окончания срока отбывания наказания те, кто заслуживает УДО, то есть положительно характеризующиеся лица [3, с. 11]. Кроме Германии, учреждения с полусвободным режимом также имеются в Великобритании, Франции и других странах с развитой пенитенциарной системой [6, с. 193].

Следует отметить, что одним из недостатков российской прогрессивной системы отбывания наказания является недостаточная проработка института переходного режима от изоляции к полусвободе. Наличие данного элемента призвано обеспечить постепенный переход к вольной жизни, что, в свою очередь, положительно отразится на адаптации осужденного лица к условиям свободного социума. Теоретическая «конструкция», предусматривающая такой элемент, известна как ирландская прогрессивная система. Эта структура «повторяет устройство английских тюрем, за исключением того, что между исправительной стадией и стадией досрочного освобождения есть стадия переходного заключения (заключение в тюрьме с полусвободным режимом, возможность выхода на работу без конвоя, получение отпусков и т. д.)» [7, с. 39].

Российские колонии-поселения, являющиеся учреждениями открытого вида, можно рассматривать как учреждения переходного типа, но в том случае, если положительно характеризующиеся осужденные будут переведены туда в порядке поощрения изИК общего и строгого режимов для дальнейшего отбывания наказания (пп. «в», «г» ч. 2 ст. 78 УИК РФ).

В большинстве случаев осужденные, отбывающие наказание в колониях закрытого типа, освобождаются по УДО непосредственно из самих учреждений, где отбывают наказание. Кроме того, нормами уголовно-исполнительного законодательства предусмотрена категория лиц, которым перевод в колонию-поселение не может быть предоставлен, а досрочное освобождение может. Таким образом, сложившаяся практика и правовая система не предусматривают в полной мере возможность полусвободного режима перед УДО.

Считаем целесообразным лиц, заслуживающих УДО, направлять в исправительные колонии открытого типа за год до его применения. В качестве альтернативы предложенному считаем логичным создать и развивать льготные (предназначенные для совершеннолетних) и открытые условия отбывания наказания, которые предполагали бы полусвободный режим для положительно характеризующихся осужденных. Это обеспечит плавность перехода с постепенным уменьшением правоограничений, связанных с лишением свободы, снабдит исправляемое лицо навыками законопослушного образа жизни, сведет к минимуму рецидивную преступность среди лиц, способных к ресоциализации, а также заставит осужденное лицо пройти по всем ступеням прогрессивной системы ресоциализации.

После отбытия наказания ограничения, связанные с судимостью, не заканчиваются и в большинстве случаев выступают барьером в процессе постпенитенциарной адаптации к жизни на свободе. Законодатель после освобождения лица устанавливает дополнительные обязанности и ограничения в зависимости от тяжести совершенного преступления и криминогенной опасности самой личности, предполагая, что лицо должно доказывать свое исправление после освобождения из мест лишения свободы. На этом акцентирует внимание постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием По-

беды в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан», в котором говорится, что, «устанавливая институт судимости и сроки ее погашения, законодатель заведомо предполагает, что лицо, несмотря на отбытое им наказание, и после него не достигло (более того, не доказало) своего исправления, то есть продолжает считаться общественно опасным, и степень этой опасности презюмируется в зависимости от степени тяжести совершенного преступления, что отражается в сроках действия подобной презумпции».

Однако существуют правовые стимулы и для бывших осужденных. Действующее законодательство предоставляет возможность лицам после освобождения погасить судимость досрочно. Для этого лицо должно характеризоваться безупречным поведением и возместить причиненный ущерб (п. 5 ст. 86 УК РФ). Данная правовая норма – элемент постпенитенциарной прогрессивной системы, дающий возможность в зависимости от саморегуляции поведения улучшить правовое положение бывших заключенных.

На данном этапе считаем логичным ликвидировать все ограничения, связанные с судимостью, только в отношении положительно характеризующихся лиц. Такую группу осужденных должна определять администрация исправительного учреждения. Для них целесообразно снять такие последствия, так как это будет серьезным дополнительным стимулом во время отбывания наказания. Кроме того, указанные новшества дополняют прогрессивную систему ресоциализации, позволят выровнять в правах положительно характеризующихся лиц после освобождения. Одним из последствий судимости для этой категории лиц должно быть только время, учитываемое в случае совершения нового преступления.

Таким образом, в период уголовного судопроизводства и после вступления приговора суда в законную силу уполномоченные лица должны выявлять положительно характеризующихся лиц и составлять программу ресоциализации, учитывая индивидуальные особенности осужденных. Исправительный период должен характеризоваться применением к осужденному предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством средств исправления, а также возможностью уменьшения правоограничений в зависимости от поведения. Переходный период должен обеспечивать возможность для положительно характеризующихся осужденных перемещения в полусвободный режим отбывания наказания. Наконец, заключительный период для такой группы лиц подразумевает освобождение лица из мест лишения свободы с последующим его сопровождением без каких-либо правовых обременений. Такая система должна быть основополагающим началом отбывания наказания, «должна стать своеобразной пенитенциарной идеологией – принципом, который реализовывался бы через институты изменения условий отбывания наказания, подготовки осужденных к освобождению, досрочного освобождения и другие» [8, с. 129].

Библиографический список

1. Горбань Д. В. К понятию прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания // Юрист юга России и Закавказья. 2015. № 3. С. 11–17.
2. Малин П. М. О начале и окончании действия прогрессивной системы исполнения и отбывания уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера // Юрист-Правоведь. 2011. № 6. С. 37–41.
3. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект) : учеб. пособие / Н. А. Андреев [и др.]. М., 2001. 182 с.

---

4. Act concerning the execution of prison sentences and measures of rehabilitation and prevention involving deprivation of liberty (Prison Act). URL : http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stvollzg/englisch_stvollzg.pdf (дата обращения: 19.03.2018).

5. Горбань Д. В. Досудебная пробация как стадия процесса ресоциализации // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 3. С. 317–320.

6. Куркина И. Н. Политические и правовые системы зарубежных стран // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2. С. 190–194.

7. Горкина С. А. Прогрессивные системы исполнения наказаний в пенитенциарных учреждениях иностранных государств // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4. С. 37–41.

8. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы // Lex Russica. 2017. № 2. С. 123–134.

УДК 343.8

ИРИНА НИКОЛАЕВНА КОРОБОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: i-korobova@yandex.ru;

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ХВАН,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: khvan_t_s@mail.ru;

ЕЛИЗАВЕТА БОРИСОВНА ВАСИЛЬЕВА,

курсант 4-го курса юридического факультета,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКЛАДОВ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Коробова, И. Н. Проблемы обеспечения прав и свобод осужденных в исправительных учреждениях России: по материалам докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / И. Н. Коробова, Т. С. Хван, Е. Б. Васильева // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 168–173.

Аннотация. Существует ряд острых проблем в учреждениях уголовно-исполнительной системы, связанных с соблюдением прав и свобод осужденных, такие как: неправомерное применение сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы и специальных средств к осужденным; ненадлежащее медицинское обеспечение осужденных; неудовлетворительные условия содержания в исправительных учреждениях; перевод в исправительное учреждение, расположенное поблизости от места проживания до осуждения или проживания родственников.

В целях недопущения неправомерного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в декабре 2016 г. были внесены существенные изменения в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также вступил в силу в 2017 г. приказ Минюста России «Об утверждении Порядка ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы». Данные нововведения регламентируют достаточно жесткий порядок применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, также обращается внимание на алгоритм и сроки действий после применения таковых.

Для надлежащего медицинского обеспечения и привлечения более широкого круга специалистов по различным профилям в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы апробируется механизм дистанционного лечения.

Внесение изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и введение в действие новых Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений направлено на гуманизацию условий содержания в исправительных учреждениях России с учетом международных стандартов.

Проблемы содержания осужденного в исправительном учреждении, расположенном поблизости от места его проживания до осуждения или проживания его родственников, либо содержание осужденного – иностранного гражданина в исправительном учреждении муниципального образования Российской Федерации, находящегося рядом с дипломатическим представительством и консульским учреждением, ближайшего к границе с государством, гражданином которого он является (в котором постоянно проживал), либо ближайшего к аэропорту, имеющему прямое воздушное сообщение с государством гражданства или постоянного проживания, могут быть решены путем создания во всех субъектах РФ исправительных учреждений гибридного типа с несколькими видами режима, то есть единого учреждения со смешанным режимом отбывания наказания.

Ключевые слова: права и свободы человека, международные стандарты обращения с заключенными, осужденные, обращения, жалобы, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

Существенным условием обеспечения прав и свобод человека и гражданина является создание четко скоординированной системы правовых механизмов и процедур их реализации. Существующая система защиты прав граждан, включающая в себя судебную защиту, оказание юридической помощи, деятельность несудебных государственных учреждений и неправительственных правозащитных организаций, нуждается в развитии и совершенствовании. Более 20 лет назад начал функционировать институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, одним из направлений деятельности которого является надзор за соблюдением прав осужденных и заключенных.

Институты несудебной защиты прав и свобод человека и гражданина призваны дополнить существующий судебный механизм и способствовать комплексному решению этой проблемы.

В соответствии с рекомендациями ООН в последние годы развитию несудебной защиты прав человека уделяется повышенное внимание как на международном, так и на национальном уровне.

В пенитенциарной системе Российской Федерации имеется много нерешенных задач, особенно в части создания приемлемых условий содержания в соответствии с требованиями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и обязательствами, взятыми на себя Россией при вступлении в Совет Европы.

В основном круг поднимаемых заявителями проблем неизменен: нарушение прав на жизнь, личную безопасность, на свободу от пыток, жестокого и унижающего человеческого достоинства обращения, на медицинскую помощь и судебную защиту.

На основе анализа докладов Уполномоченного по правам человека в РФ за последние 5 лет нами был сформирован круг проблемных вопросов, которые выявлены исходя из обращений, заявлений, жалоб осужденных и их представителей. Прослежено, какие шаги для решения указанных проблем уже сделаны в настоящее время и определены направления дальнейшего совершенствования.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждается в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Очевидно, что Уполномоченный по правам человека в РФ является одним из субъектов обеспечения прав осужденных.

Один из способов информирования общества о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ – его ежегодные доклады.

На основании анализа докладов Уполномоченного по правам человека в РФ за последние три года в УИС можно выделить ряд проблем, связанных с соблюдением прав и свобод лиц, отбывающих наказание. Наиболее острые из них следующие:

- 1) неправомерное применение сотрудниками УИС физической силы и специальных средств к осужденным;
- 2) ненадлежащее медицинское обеспечение осужденных;
- 3) неудовлетворительные условия содержания в исправительных учреждениях;
- 4) перевод в исправительное учреждение, расположенное поблизости от места проживания до осуждения или проживания родственников.

В то же время часть вышеперечисленных проблем на сегодняшний день находят свое решение.

Что касается неправомерного применения сотрудниками УИС физической силы и специальных средств к осужденным, то в декабре 2016 г. были внесены изменения в гл. V Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также вступил в силу приказ Минюста России от 30 октября 2017 г. № 215 «Об утверждении Порядка ношения и применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы».

Медицинское обеспечение осужденных также совершенствуется. Так, подследственные московского СИЗО-1 стали участниками пилотного проекта «Телемедицина», когда за полтора месяца гражданские врачи дистанционно дали рекомендации по лечению 24 подследственных. Показательно, что это случилось еще до официального вступления в силу закона, который регламентирует механизм дистанционного лечения в России. До настоящего времени консультации проводились в режиме «врач – врач», однако в дальнейшем предусмотрена возможность для личного общения врачей с заключенными [4]. Диагностика социально значимых заболеваний в ряде случаев организуется при участии специализированных региональных медицинских организаций субъектов Российской Федерации с использованием предоставляемого ими медицинского оборудования (передвижные диагностические комплексы) в рамках заключенных соглашений о взаимодействии и совместных программ профилактики и лечения социально значимых заболеваний. Показатель впервые выявленной заболеваемости среди осужденных за период 2014–2016 гг. снизился на 4,9 %, что свидетельствует о достоверной положительной динамике состояния здоровья. Кроме того, зафиксировано снижение показателя смертности от заболеваний на 12 %.

По условиям содержания в исправительных учреждениях (ИУ) был внесен целый ряд изменений в УК РФ, в том числе введены в действие новые Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений [4]. Так, увеличилось время прогулки для осужденных к пожизненному лишению свободы, к тому же им предоставлено право длительного свидания; осужденным женщинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, а также мужчинам, являющимся единственным родителем ребенка до 14 лет, могут предоставляться дополнительные длительные свидания с ребенком в выходные и праздничные дни вне пределов ИУ, а также дополнительное длительное свидание осужденным, содержащимся в строгих условиях отбывания наказания.

Наиболее остро стоит вопрос о переводе осужденных в исправительное учреждение, расположенное поблизости от места их проживания до осуждения или проживания их родственников. Эта проблема была указана в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ еще в 2015 г., что послужило толчком к поиску ее решения.

Так, в сентябре 2015 г. по инициативе Уполномоченного по правам человека в РФ распоряжением Правительства РФ в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция развития УИС) было включено требование, касающееся выработки алгоритма направления и перевода осужденных к лишению свободы с учетом состояния здоровья и других обстоятельств в исправительные учреждения, расположенные по месту жительства осужденного на момент совершения преступления.

Таким образом, согласно Концепции развития УИС одним из направлений развития УИС является «оптимизация размещения мест отбывания наказания на территории страны, в том числе для сохранения социально полезных связей осужденных, доступности места отбывания наказания для родственников». Однако эта проблема до сих пор не решена.

При этом количество жалоб по данному вопросу в адрес Уполномоченного по правам человека в РФ в 2016 г. увеличилось (если на 2015 г. их было 450, то на 2016 г. – уже 531). К тому же, согласно официальным статистическим данным ФСИН России за 2017 г., одним из основных вопросов является перевод в исправительное учреждение ближе к месту жительства, количество обращений осужденных и лиц, содержащихся под стражей, их родственников составляет 7283 [4].

Международные правовые акты, регулирующие вопросы распределения заключенных по пенитенциарным учреждениям и их последующей реабилитации, устанавливают, что принятие решения о распределении не должно создавать необоснованных трудностей для заключенных и их семей, включая детей заключенных, которые нуждаются в доступе к ним [2]. Все они должны содержаться как можно ближе к месту жительства или иному месту, которое наилучшим образом подходит для их социальной реабилитации.

Анализ правоприменительной деятельности позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на закрепление в российском законодательстве принципа отбывания наказания по месту жительства, имеется ряд нарушений в сфере его реализации. Данные факты порождают массу жалоб как самих осужденных, так и их родственников на неправомерность отбывания наказания в субъектах, отдаленных от места их проживания или осуждения. Отбывание осужденными наказания за несколько тысяч километров от дома нарушает их права и законные интересы, так как практически лишает их возможности свидания с родственниками. Кроме того, в данной ситуации абсолютно не учитываются социально-экономические условия нашей страны, а также уровень жизни основной массы населения.

В наихудшем положении находятся осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства, которые отбывают наказание в виде лишения свободы на всей террито-

рии Российской Федерации, а иногда в достаточной отдаленности от дипломатических представительств и консульских учреждений, муниципального образования Российской Федерации, ближайшего к границе с государством, гражданами которого они являются (в котором постоянно проживали), либо ближайшего к аэропорту, имеющему прямое воздушное сообщение с государством гражданства или постоянного проживания, что отрицательно сказывается на поддержании социально полезных связей с осужденными [6, с. 211]. Одним из решений этого вопроса может стать создание во всех субъектах РФ исправительных учреждений гибридного типа с несколькими видами режима, то есть единого учреждения со смешанным режимом отбывания наказания. Тем более, как отметил В. А. Уткин, ни в одних международных документах не содержатся конкретные модели, стандарты построения тюрем, колоний-поселений, а есть лишь наиболее общие принципы построения и функционирования пенитенциарных учреждений [5, с. 9].

По мнению Д. А. Горбаня, наличие гибридных учреждений позволит:

сократить затраты на строительство в регионах исправительных учреждений различных видов и режимов;

уменьшить затраты по перевозке осужденных и лиц, содержащихся под стражей;

создать условия для сохранения социально полезных связей осужденных, наилучшим образом реализовать права на длительные и краткосрочные свидания;

создать более благоприятные условия для общения и уменьшить расходы родственников;

привлечь родственников и близких к участию в исправлении осужденных и оказанию положительного воздействия на них, особенно на нарушителей условий отбывания наказания;

облегчить ресоциализацию осужденных после освобождения от отбывания наказания [1].

Однако, несмотря на эффективность создания таких учреждений, данный процесс весьма затратный и длительный. В связи с этим в настоящее время для решения проблемы отбывания наказания осужденными по месту жительства родственников, по нашему мнению, необходимо использовать положения уже действующего законодательства, в частности ст. 74 УИК РФ, в которой предусмотрено создание изолированных участков с различными видами режима: изолированных участков, функционирующих как тюрьма (ч. 3 ст. 74 УИК РФ); в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях – колония-поселение (ч. 8 ст. 74 УИК РФ); в воспитательных колониях – колония общего режима (ч. 9 ст. 74 УИК РФ). Названные изолированные участки могут образовываться или ликвидироваться на основании приказа Минюста России от 11 февраля 2015 г. № 33 «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации изолированных участков в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы».

При исправительных учреждениях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные центры (ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ), порядок учреждения которых определен приказом Минюста России от 8 апреля 2014 г. № 67 «Об утверждении Порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры». Осужденные к лишению свободы содержатся в изолированном участке на условиях, соответствующих виду режима исправительного учреждения, назначенному судом [3].

Исправительное учреждение с изолированными участками с различными видами режимов – это не что иное, как мультирежимное (гибридное или комплексное) учреждение. Таким образом, количество материальных затрат на строительство новых учреждений может быть сведено к минимуму.

В течение нескольких последних лет в России отмечается тенденция к сокращению числа исправительных колоний. Так, в 2011 г. было ликвидировано 22 учреждения, в 2012 – 12, 2013 – 19, 2014 – 19, 2015 – 15, в 2016 г. – 3. Это привело к необходимости перемещения осужденных в другие исправительные учреждения, часто находящиеся в других субъектах Российской Федерации.

Кроме того, необходимо предусмотреть в приказе Минюста России от 26 января 2018 г. № 17 «Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое» такое основание перевода осужденных – письменное заявление осужденного и (или) его родственников о переводе по месту жительства родственников, что в конечном счете будет способствовать решению данной проблемы.

В целом рассмотренные направления совершенствования правового положения осужденных полностью отвечают требованиям развития УИС на среднесрочную перспективу, что отражено в разделе IV Концепции развития УИС. В частности, в подразделе «Обеспечение прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей» обозначено, что в целях обеспечения прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, предусматривается:

совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере соблюдения прав, законных интересов и человеческого достоинства лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с учетом международных стандартов, в том числе стандартов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, решений Европейского Суда по правам человека, а также требований Европейских пенитенциарных правил;

создание условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с учетом международных стандартов, в том числе стандартов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, решений Европейского Суда по правам человека, а также требований Европейских пенитенциарных правил;

пересмотр ведомственных нормативных правовых актов с грифом ограничения доступа к документу в целях исключения указанного грифа из актов, затрагивающих права и обязанности осужденных и лиц, содержащихся под стражей, либо исключения этих положений из указанных актов.

Библиографический список

1. Горбань Д. В. Комплексные исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2015. № 1. С. 38–43.
2. Комментарий к тексту Европейских пенитенциарных правил Rec(2006)2. URL : <http://www.refworld.org.ru/docid/55c36e8b4.html> (дата обращения: 17.03.2018).
3. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. А. Крымова; науч. ред. А. П. Скибы. М., 2018. 759 с.
4. Официальный сайт ФСИН России. URL : <http://фсин.рф> (дата обращения: 17.03.2018).
5. Уткин В. А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 7–11.
6. Хван Т. С. Международные стандарты обращения с осужденными – иностранцами гражданами и лицами без гражданства // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 13(1–4). № 2. С. 93–229.

УДК 343.8

ШОНХОР АЛЕКСАНДРОВИЧ АРНЮДАЕВ,
магистрант 2-го курса юридического факультета,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shonkhor@bk.ru

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ДОЛЖНО ЛИ ОНО ОГРАНИЧИВАТЬСЯ?

Для цитирования

Арнюдаев, Ш. А. К вопросу о запрете активного избирательного права осужденных к лишению свободы: должно ли оно ограничиваться? / Ш. А. Арнюдаев // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 174–178.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема ограничения политических прав осужденных к лишению свободы. На данный момент одной из самых актуальных проблем российского уголовно-исполнительного права считается запрет осуществления активного избирательного права осужденными к лишению свободы. В соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, лишены права избирать и быть избранными. Данный вопрос является предметом споров многих правоведов и практиков. Европейский суд по правам человека признал лишение осужденных осуществлять активное избирательное право противоречащим Конвенции о защите прав человека и основных свобод в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», а также в деле «Исаков и другие против Российской Федерации». Однако Конституционный Суд Российской Федерации признал невозможным исполнение постановления Европейского суда по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» в части общих мер, предполагающих внесение изменений в правовую систему Российской Федерации. Ограничение прав осужденных возможно только для соблюдения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства. Ограничения осужденных в активном избирательном праве допускают качественные и количественные погрешности при учете электоральной активности, тем самым делая неполным мнение населения Российской Федерации.

Возможна оптимизация системы уголовных наказаний касательно избирательного права осужденных путем перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав. Россия должна стремиться к идеалам демократии, справедливости, однако вследствие сложной политической ситуации в стране данные изменения могут быть негативно восприняты населением. В связи с этим предлагаются изменения

по оптимизации системы уголовных наказаний посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний.

Ключевые слова: активное избирательное право, осужденные к лишению свободы, Европейский суд по правам человека, уголовно-исполнительное право.

В настоящее время одной из самых актуальных проблем российского уголовно-исполнительного права можно считать проблему ограничения возможности осужденных к лишению свободы обладать активным избирательным правом.

В соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, лишены права избирать и быть избранными. Данный запрет распространяется на всех лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы по приговору суда. Запрет осуществлять активное и пассивное избирательное право касается всего периода отбывания такого наказания вне зависимости от срока назначенного наказания, тяжести и вида совершенного преступления и иных индивидуальных обстоятельств. Это правило не распространяется на заключенных, содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО), так как их вина еще не доказана судом.

Вопрос правомерности и соразмерности недифференцированного ограничения избирательных прав лиц, осужденных к лишению свободы, непосредственно затронул Российскую Федерацию в 2013 г., когда Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал лишение осужденных права избирать и быть избранными противоречащим ст. 10 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в деле «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», а также нарушающим статью 13 Конвенции в деле «Исаков и другие против Российской Федерации». По делу Анчугова и Гладкова, оспаривающих запрет избирательных прав для осужденных к лишению свободы лиц, предварительной позиции Конституционного Суда Российской Федерации не было. Однако в данном случае были прецеденты самого Европейского суда: суд пошел по пути, избранному в деле «Херст против Соединенного Королевства» (2005 г.), а также в деле «Скопполы против Италии» (дело № 3, 2012 г.), и пришел к заключению, что Российская Федерация в данном случае вышла за пределы усмотрения, предоставленные ему в области избирательного права. В деле «Исаков и другие против Российской Федерации» Европейский суд по правам человека вынес соответствующее решение в упрощенном порядке, по аналогии с обстоятельствами ранее рассмотренного дела, а именно «Анчугов и Гладков против Российской Федерации». При этом Европейский суд отклонил требования о присуждении компенсации морального вреда, указав, что установление самого факта нарушения является достаточной и справедливой компенсацией, а также решил, что просьба заявителей о возмещении денежных средств, которые были потрачены на юридическую помощь, не обоснована, так как предмет жалобы не является сложным и не требует профессиональной юридической помощи. В результате Европейский суд присудил только компенсацию почтовых расходов в размере от 8 до 30 евро девятерым из двадцати четырех заявителей.

Во всех четырех случаях (включая дело Исакова и других против Российской Федерации) суд придерживался уже устоявшейся в данных случаях позиции, а именно: «В современном правовом обществе нет места автоматическому лишению прав целых социальных групп населения».

19 апреля 2016 г. Конституционный Суд Российской Федерации определил пределы реализации решения Европейского суда по правам человека об избирательных правах

осужденных, он также признал невозможным исполнение постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» в части общих мер, предполагающих внесение изменений в правовую систему Российской Федерации, которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, так как ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации носит императивный характер и распространяется на всех осужденных. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что федеральный законодатель вправе усовершенствовать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы (например, колонии-поселения) в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы, но не влекущие ограничения избирательных прав.

Дело «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» представляет особый интерес, поскольку Европейский суд по правам человека в данном деле рассматривал не законодательный запрет, а конституционный. Однако Европейский суд в своем решении отвергнул довод властей Российской Федерации об отличии данного дела от всех предыдущих, то, что международному законодательству противоречит не обычный нормативно-правовой акт, а Конституция – Основной Закон Российской Федерации. Довод в том, что для изменений положений гл. 2 Конституции необходимо созывать Конституционное собрание и принимать новую Конституцию, также был отвергнут. Европейский суд по правам человека указал, что имеющееся противоречие между конвенционной нормой международного права и конституционной нормой Российской Федерации может быть разрешено только компетентными органами, а именно Конституционным Судом Российской Федерации. Таким образом, это позволит координировать действия компетентных органов и поможет избежать конфликтов между ними. По мнению Европейского суда по правам человека, это возможно сделать только путем толкования ч. 3 ст. 32 Конституции РФ Конституционным Судом Российской Федерации. Дело Анчугова и Гладкова стало своеобразным камнем преткновения во взаимоотношениях ЕСПЧ и Российской Федерации.

По мнению Л. А. Тереховой, вышеуказанное решение Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует о политизированности данного вопроса, так как, во-первых, инициаторами обращения в Конституционный Суд были не сами граждане, чьи дела легли в основу конфликта, а Министерство юстиции Российской Федерации. Во-вторых, перед Конституционным Судом была изначально поставлена задача конфронтации и ответа на вопрос о приоритете позиции именно Конституционного Суда Российской Федерации как основания для неисполнения постановлений Европейского суда по правам человека [1, с. 97–100].

Выводы Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу не безупречны. Во-первых, международные договоры – это неотъемлемая часть российской правовой системы. Конституционный Суд, настаивая на приоритете Конституции в правовой системе России, тем самым ставит ее выше международных договоров, которые, по логике Конституционного Суда, обязаны подчиниться российской Конституции. Во-вторых, Конституционный Суд вводит процедуру своеобразного «двойного» контроля, так как заявитель ранее обращался в Конституционный Суд и позиция суда известна заявителю. После обращения в ЕСПЧ Европейский суд по данному делу занимает позицию, не совпадающую с мнением Конституционного Суда Российской Федерации. В случае попытки заявителя пересмотреть свое решение в российском суде по новым обстоятельствам он должен иметь в виду, что суд, занимающийся рас-

смотрением данного дела, снова обратится в Конституционный Суд Российской Федерации. Исходя из вышеуказанного можно прийти к выводу, что Конституционный Суд занимается контролем и самого себя (своеобразный самоконтроль) и Европейского суда по правам человека.

Г. Б. Романовский в своей статье, цитируя С. М. Казанцева, прямо указал, что постановление ЕСПЧ могло быть признано исполнимым на территории России: «Следовательно, в случае если бы российский законодатель предоставил части граждан, содержащихся в местах лишения свободы, активное избирательное право, сузив ограничение избирательных прав, закрепленное частью 3 статьи 32 Конституции Российской Федерации, то такое правовое толкование не могло бы быть признано нарушающим Конституцию Российской Федерации» [2].

Однако многие российские правоведы также считают, что лишение осужденных осуществлять свое активное избирательное право законно. Например, А. В. Елинский полагает, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, которая не может быть преодолена никаким международно-правовым актом. Соответственно решение Европейского суда по правам человека не может быть исполнено властями Российской Федерации [3].

В данном вопросе мы солидарны с решением ЕСПЧ. На наш взгляд, Конституционный Суд Российской Федерации должен был руководствоваться ч. 4 ст. 15 Конституции РФ: если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Приоритет норм международного права над внутригосударственным не подлежит обсуждению. Это дает возможность международному правоприменителю критически оценивать систему норм отдельно взятого государства, а также выявлять проблемы, пробелы и противоречия норм внутригосударственного права, сложно различимые национальному законодателю. Статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. также устанавливает, что каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей. Основываясь на вышеуказанном, можно сделать вывод, что любой запрет осуществления гражданами своих избирательных прав неприемлем.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, здоровья, нравственности, прав, свобод и законных интересов других лиц и т. д.

По нашему мнению, ограничение осуществления активного избирательного права возможно только в целях защиты основных конституционных ценностей при соблюдении принципа юридического равенства, основываясь на критериях разумности, необходимости и соразмерности. Необходимо задаться вопросом: какие основные охраняемые конституционные ценности повлекли за собой ограничение законодателем такого, безусловно, важного и неотъемлемого права, как возможность осуществления активного избирательного права?

На наш взгляд, ограничение прав осужденных возможно для соблюдения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства, а также правил внутреннего распорядка исправительных учреждений. Наличие права избирать у осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, никаким образом не идет вразрез с целями уголовно-

исполнительного законодательства и не нарушает внутренний распорядок исправительных учреждений. Государство, ограничивая осужденного в активном избирательном праве, сознательно допускает качественные и количественные погрешности в процессах электоральной активности, тем самым делая неполным мнение населения Российской Федерации.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации можно признать носящим компромиссный характер, но в то же время считаем необходимым отметить, что данное постановление не привнесло каких-либо изменений в ограничении осуществления активного избирательного права осужденными. Формулировка «федеральный законодатель вправе...» не означает, что правовое регулирование касательно изменения законодательства в этом вопросе будет осуществлено.

На наш взгляд, следует оптимизировать систему уголовных наказаний касательно избирательного права осужденных. Поскольку в соответствии с текстом ч. 3 ст. 32 Конституции РФ осужденные лица, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными, нельзя говорить о наделении всех категорий осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, без изменения Конституции Российской Федерации. Однако, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П, возможно изменение уголовно-исполнительной системы посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

В частности, возможно изменить статус колоний-поселений: рассматривать помещение в колонию-поселение не как лишение свободы, а как ограничение свободы осужденного лица. Это позволит осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, осуществлять свое активное избирательное право.

По нашему мнению, Россия должна стремиться к идеалам демократии, справедливости, а также первостепенному обеспечению прав и свобод каждого гражданина в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, поэтому недифференцированное лишение осужденных избирательных прав не представляется соразмерным обеспечению законных целей.

Вместе с тем мы понимаем, что вследствие сложной политической ситуацией в стране данные изменения могут быть негативно восприняты населением. В связи с этим предлагаем реализовать вышеуказанные изменения, озвученные Конституционным Судом Российской Федерации, по оптимизации системы уголовных наказаний посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний. Это позволит, например, осужденным к лишению свободы в колониях-поселениях осуществлять избирательное право. Таким образом, более 35 тыс. осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, смогут иметь возможность реализовать свое активное избирательное право.

Библиографический список

1. Терехова Л. А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве : монография. М., 2017. 144 с.
2. Романовский Г. Б. «Дело Анчугова и Гладкова» и решения Конституционного Суда РФ, органов конституционного контроля зарубежных стран // *Lex russica*. 2017. № 2. С. 135–146.
3. Елинский А. В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // *Уголовное право*. 2011. № 6. С. 106–113.

УДК 343.83

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Фомин, В. В. Особенности правового сознания сотрудников уголовно-исполнительной системы / В. В. Фомин // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 179–183.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового сознания сотрудников уголовно-исполнительной системы как отдельный вид профессионального правосознания – специализированного, что обусловлено спецификой выполняемых служебных задач.

Ключевые слова: правовая регламентация деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, правосознание сотрудников, деформация правосознания.

Уголовно-исполнительная система (УИС) – это относительно самостоятельная подсистема механизма государства, реализующая важную государственную функцию, которую некоторые авторы называют правоисполнительной [1]. Сущность деятельности этой подсистемы заключается в организации и практическом обеспечении процесса государственного принуждения в отношении лиц, совершивших уголовные преступления. Эта деятельность характеризуется наличием собственных целей и задач, субъектным составом, компетенцией субъектов, определенным набором правовых средств и методов.

Уголовно-исполнительная деятельность является стержневым компонентом деятельности УИС и представляет собой разновидность юридической деятельности, осуществляемой в правовых формах. Она связана с реализацией юридической ответственности – с обеспечением «организации» процесса исполнения приговора суда. Другие виды деятельности, осуществляемые в организационных и организационно-правовых формах (воспитательная, хозяйственная, производственная, образовательная, лечебная и др.), носят вспомогательный по отношению к уголовно-исполнительной деятельности характер и призваны обеспечить процесс исполнения наказаний.

Итак, в структуре уголовно-исполнительной системы можно выделить субъекты, выполняющие различные виды деятельности. Все они осуществляются на профессиональной основе, но в юридических формах – только уголовно-исполнительная деятельность.

Следовательно, можно предположить, что носителями профессионального правосознания являются только субъекты уголовно-исполнительной деятельности.

Кроме того, специфика профессионального правового сознания УИС выражается еще и в том, что оно под определенным углом зрения представляет собой идеологическую форму правового опосредования целей, задач, характера и содержания уголовно-исполнительной деятельности.

Особенности профессионального правового сознания сотрудников УИС обусловлены спецификой, присущей содержанию и характеру их деятельности. Последняя характеризуется двойственной социально-юридической природой. С одной стороны, будучи средством достижения социально значимых целей, она позволяет осуществлять позитивные социальные преобразования и относится к такому типу человеческой деятельности, которая подразумевает «обработку людей людьми» [2]; с другой стороны, она урегулирована правом, направлена на достижение правовых целей и связана с использованием правовых средств, непосредственно направлена на исправление лиц, совершивших преступления.

Выполнение сотрудниками УИС функциональных обязанностей связано с повышенной ответственностью за свои действия, недостаточной определенностью ролевых функций, психологическими и физиологическими перегрузками, необходимостью общаться с лицами, преступившими черту закона. Это осужденные за преступления либо обвиняемые в совершении преступлений. Как правило, это носители криминальной субкультуры, криминального менталитета, правосознание которых преимущественно связано с нигилистическим отношением к праву. Все это накладывает отпечаток на личность сотрудника УИС, способствуя в том числе развитию профессиональной деформации.

Деятельность в системе исполнения наказаний предъявляет достаточно серьезные требования не только к профессиональным знаниям, но и личностным качествам сотрудников, осуществляющих сложную работу, включенную в понятие «исполнение наказаний». Сотрудники УИС должны обладать как специальными профессиональными, так и универсальными знаниями и умениями, среди которых С. Х. Шамсунов особо выделяет соблюдение норм служебной, профессиональной этики и правил делового поведения; проявление корректности и внимательности в обращении с гражданами; терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России; недопущение ситуаций, провоцирующих конфликты, способных нанести ущерб репутации и авторитету службы [3].

Нормы уголовно-исполнительного законодательства и последующих федеральных законов ориентируют сотрудников УИС на проведение в жизнь ведущих принципов права – законности, демократизма и гуманизма. Исправить преступника – значит осуществить его глубинную личностную переориентацию, поэтому сотрудник УИС должен видеть в осужденном не только лицо, отбывающее наказание, но и прежде всего человека, волей обстоятельств оказавшегося в сложной жизненной ситуации. Такое понимание сущности и целевых установок деятельности сотрудников УИС формируется, если ведущие принципы права становятся принципами их профессиональной деятельности.

«Соблюдение прав осужденного требует от сотрудника целого понимания комплекса профессионально значимых качеств. Пенитенциарные учреждения сегодня нуждаются в профессионалах, умеющих адекватно реагировать на изменяющуюся общественно-политическую обстановку, грамотно осуществлять на практике мероприятия, направленные на совершенствование системы исполнения наказаний» [3].

В связи с указанными особенностями к сотрудникам УИС предъявляются особые требования. Важнейшим из них является неукоснительное соблюдение законов РФ,

особенно касающихся порядка и условий исполнения уголовных наказаний. Более того, они несут ответственность за обеспечение законности в своей деятельности.

Непременными элементами профессиональных качеств сотрудников УИС является знание Конституции РФ, уголовно-исполнительного, уголовного и иного законодательства, а также актов, регламентирующих их деятельность. Обязательным должно быть и наличие социально-психологической готовности к соблюдению законодательства, умений и навыков правоисполнительной (уголовно-исполнительной) деятельности.

Правовая регламентация деятельности сотрудников УИС – одна из наиболее специфических особенностей профессиональной деятельности в этой сфере. Деятельность сотрудников строго регламентирована правовыми актами (законодательные акты, нормативные документы ФСИН России и т. п.). Эта особенность отличает работу сотрудников УИС от многочисленных отраслей человеческой практики, где выполнение работ определяется общими планами или инструкциями и создает широкую возможность для свободного осуществления своих личных представлений о наиболее эффективной организации труда. Правовая регламентация подчиняет деятельность сотрудника порядку, строго установленному нормами закона. Все это в конечном итоге порождает повышенную ответственность сотрудника за свои решения и действия.

К сожалению, среди сотрудников УИС имеют место нарушения служебной дисциплины, должностные преступления, коррупционные проявления и другие деструктивные формы поведения сотрудников, противоречащие нормам и требованиям служебного поведения работников УИС. Что побуждает сотрудников, представляющих закон, переступить установленную черту?

Проблемные вопросы лежат в сфере правового сознания. Правосознание – это «совокупность знаний, представлений о праве, его оценок и чувств по отношению к нему, а также стратегий поведения в правовых ситуациях и определяющих его мотивов» [4]. Правосознание сотрудников уголовно-исполнительной системы следует рассматривать как отдельный вид профессионального правосознания – специализированного, что обусловлено спецификой выполняемых служебных функций, сложившихся в связи с этим стереотипами в оценках правовой действительности, методами и способами деятельности [5].

Что такое право, мораль, каково их значение в обыденной жизни и в выполнении профессиональных функций? У сотрудников, удовлетворенных своей службой в УИС, профессиональная деятельность регулируется как правовыми, так и нравственными нормами, что позволяет им действовать уверенно, качественно выполняя свои служебные обязанности. В то же время у сотрудников с низкой эффективностью и неудовлетворенных своей работой в УИС в представлениях о регулирующей роли права и морали в профессиональной деятельности наблюдается неопределенность, часто скептический (иногда даже циничский) настрой.

От состояния правосознания сотрудников УИС напрямую зависит качество исполнения или своих должностных функций, то есть реализация государственного принуждения к осужденным, обеспечение их прав, законных интересов, исправление и воспитание.

Поскольку эффективное выполнение профессиональных задач сотрудниками УИС невозможно без высокого уровня правового и нравственного сознания, встает вопрос о профилактике негативных настроений, мнений в отношении закона и нравственности в среде сотрудников.

Основным внешним фактором, негативно влияющим на личность сотрудника УИС, является среда осужденных. Влияние на личность со стороны преступников в условиях лишения свободы представляет собой концентрированное отрицательное явление [6].

Сращивание сотрудников пенитенциарной системы с преступными элементами, перерождение, прямое предательство интересов государства является одним из проявлений деформации правосознания [7].

Деформация правосознания может проявиться у сотрудников в недооценке ценности права, в безответственном, легкомысленном отношении к требованиям закона, в активном неприятии норм права и в сознательном преступном поведении. Дефекты правового сознания являются одной из причин правонарушений и профессиональной деформации сотрудников УИС.

Скрытым резервом правового сознания современной российской личности является развитие ее ответственности, которая превращается в свободу самостоятельного поведения, усиливая чувство уверенности в себе, готовность к преодолению трудностей своими силами, дееспособность личности. На развитие именно таких потенциально существующих качеств личности, как ответственность и самостоятельность, должны быть направлены общественные и индивидуальные усилия, которые должны привести к ослаблению деформации на уровне личности правового сознания [8].

Профессиональное правосознание сотрудника УИС не возникает одновременно с его поступлением на службу. Процесс формирования профессионального правосознания происходит непрерывно в течение всей жизни индивида. Однако если на начальном этапе он представляет собой своеобразный переход от обыденного к профессиональному, то впоследствии формирование происходит в виде дополнения, коррекции (в том числе деформирующей) уже существующего, наличного профессионального правосознания. Однако сами организационные особенности УИС часто негативно влияют на еще не сложившееся профессиональное правосознание сотрудника, способствуя его деформации, поэтому важной является работа, проводимая в следующих направлениях: отбор кандидатов на службу, приведение в соответствие нормативных документов различных уровней, повышение статуса службы в УИС, создание благоприятного социально-психологического климата, целенаправленная нравственно-правовая работа с молодыми сотрудниками и др. Необходимо не только знание нормативных документов сотрудником любого ранга и звания, но и включение правовых и профессионально-этических норм в систему служебных отношений, приобретение ими личностного смысла для каждого.

Исходя из изложенного можно выделить следующие признаки профессионального правосознания сотрудников УИС:

знание правовых актов, регламентирующих служебную деятельность;

солидарность с реализуемыми правовыми предписаниями, осознание того, что как субъект юридической деятельности он преобразует социальную действительность, воздействует на правовой статус осужденных;

постоянная правовая оценка своей деятельности;

умение реализовывать (применять) право в соответствии со своими убеждениями, правовыми установками и ценностями;

наличие готовности к социально активному правомерному поведению [6].

На формирование указанных качеств должно быть направлено правовоспитательное воздействие, осуществляемое в том числе и в системе профессиональной подготовки в УИС. Это, в свою очередь, актуализирует научно-теоретическую разработку проблем, связанных с исследованием правосознания и его деформации у сотрудников УИС.

Принимаемые меры по развитию у сотрудников УИС профессионального правосознания способствуют становлению у них развитого правосознания, признаками которого являются наличие у сотрудника УИС глубоких юридических знаний, умений,

позволяющих воссоздать объективную, неискаженную картину юридически значимой ситуации, преобладание позитивных правовых чувств, настроений, эмоций в восприятии правовой (в том числе пенитенциарной) деятельности, позитивные оценки уголовно-исполнительной политики государства, активная реализация правовых норм, развитая правовая культура [9].

Для того чтобы добиться должного развития правосознания у сотрудников, необходима организованная психологическая работа с личным составом пенитенциарных учреждений.

Библиографический список

1. Коробов С. А. Правоисполнительная деятельность в современном российском обществе: проблемы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 22 с.
2. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. 218 с.
3. Шамсунов С. Х. О задачах профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России // Юридический вестник. 2005. № 1.
4. Гулевич О. А. Социальные представления о преступлениях, жертвах и о работах правовых институтов : дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 264 с.
5. Шерменев М. А. Деформация профессионального правосознания сотрудников УИС (общеправовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 27 с.
6. Ендин А. Б. Духовно-культурные гарантии уголовно-исполнительной законности // Юридический вестник. 2005. № 1.
7. Баранов П. П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава ОВД : монография. Ростов н/Д, 1997. 166 с.
8. Славская А. Н. Правовое сознание личности в условиях современной российской действительности. Развитие психологии в системе комплексного человекознания : сб. науч. тр. М., 2012.
9. Евстафеева Е. А. Личностные детерминанты деформации правосознания сотрудников УИС (теоретический анализ) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2. С. 137–141.

УДК 343.13

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ЕМЕЛЬЯНОВА,
доктор юридических наук, доцент,
декан факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: eev-rusinovo@yandex.ru;
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ЕМЕЛЬЯНОВ,
кандидат юридических наук,
начальник отделения главного оперативного управления,
ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 79265557079@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ КОНФЛИКТОВ ОПЕРАТИВНЫМИ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Емельянова, Е. В. К вопросу о профилактике пенитенциарных конфликтов оперативными сотрудниками уголовно-исполнительной системы / Е. В. Емельянова, Н. С. Емельянов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 184–188.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы решения проблемы предупреждения преступлений в местах лишения свободы на основе профилактики пенитенциарных конфликтов оперативными сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Авторы, опираясь на прикладные исследования, подчеркивают, что деятельность оперативных сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы по предотвращению правонарушений связана с выявлением лиц, имеющих намерение совершить правонарушение, и применением к ним мер превентивного характера с целью недопущения реализации этих намерений (на стадии обнаружения умысла). По результатам изучения конкретных конфликтных ситуаций, которые возникают в местах лишения свободы, делается вывод о том, что работа по профилактике пенитенциарных конфликтов в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы должна быть направлена на нейтрализацию или ликвидацию причин и условий, способствующих их возникновению, с использованием мер воздействия на определенные факторы и лиц с устойчивым противоправным поведением.

Ключевые слова: профилактика, пенитенциарный конфликт, оперативный сотрудник, правонарушения, оперативно-розыскная деятельность, исправительные учреждения.

В современном мире приоритетами государственной политики являются прежде всего обеспечение безопасности жизни, защита прав и свобод человека. Деятельность

правоохранительных органов, к которым относится Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), осуществляется в рамках указанных ориентиров.

Так, согласно Указу Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» основной задачей ФСИН России является обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Если учесть тот факт, что конфликт, в частности, пенитенциарный, как правило, связан с нарушением прав какого-либо лица, то становится очевидным, что работа по профилактике и разрешению подобного конфликта в местах лишения свободы является первоочередной.

Основанием, подчеркивающим роль и значимость сотрудников оперативных подразделений по профилактике и разрешению конфликта, является то, что их основная функция – это борьба с преступностью, которая в том числе предполагает профилактику.

Деятельность оперативных сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) по предотвращению правонарушений связана с выявлением лиц, имеющих намерение совершить правонарушение, и принятием мер превентивного характера с целью недопущения реализации ими этих намерений (на стадии обнаружения умысла). Более того, при выявлении причин правонарушений в учреждениях УИС и выработке мер по их устранению используется информация, полученная оперативными подразделениями (приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы»).

Большинство исследователей признают, что конфликт в местах лишения свободы чаще всего выступает в качестве причины совершения преступления против личности, что характеризует его как криминальный. Если быть точнее, то совершение преступления против личности является одной из возможных форм решения конфликта между осужденными (например, в случае оскорбления осужденный наносит удар обидчику). Это подтверждают проведенные исследования. Так, Г. Ф. Хохряков в своей работе приходит к выводу о том, что «преобладающее число преступлений, совершаемых осужденными, – это применение неформальных санкций за нарушение тюремных законов (73 %)» [1, с. 87].

«Конфликтные ситуации, возникающие по самым незначительным основаниям в местах лишения свободы, чаще всего довольно быстро становятся криминогенными и завершаются новым преступлением» [2, с. 112]. Во многих случаях осужденными совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления, среди них: убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и др. Из 872 зарегистрированных преступлений, совершенных осужденными в местах лишения свободы в 2017 г., 24,8 % составила дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), 1,6 – убийство (ст. 105 УК РФ), 3,3 % – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) [3].

При единстве мнений относительно природы преступлений в местах лишения свободы общая точка зрения по поводу дефиниции «пенитенциарный конфликт» среди ученых отсутствует.

По мнению И. В. Брызгалова, конфликтное поведение осужденных определяет конкретная жизненная ситуация, сложившаяся на почве совместного отбывания наказания в виде лишения свободы [4, с. 13].

А. П. Детков определяет пенитенциарный конфликт как вид социального взаимодействия между осужденными, осужденными и персоналом учреждения, исполняющего наказание, характеризующийся обострением противоречий, лежащих в его основе, направленных на нейтрализацию противодействия одной из сторон, нанесение ей морального, материального и физического вреда [5, с. 18].

В. В. Меркурьев и О. В. Старков под конфликтом с участием осужденных понимают «одноразовое столкновение между субъектами в форме ссоры, драки, скандала и т. п.» [6, с. 870]. При этом они выделяют конфликтную криминогенную ситуацию, которую рассматривают как «длительное, напряженное состояние обостряющихся отношений между субъектами, выражающееся в возрастании степени тяжести повторяющихся неразрешимых конфликтов и в формировании негативно-эмоциональной установки друг к другу» [6, с. 980].

На наш взгляд, наиболее точное определение пенитенциарного конфликта, отражающее суть этого явления, предложил В. Г. Громов: «Пенитенциарный конфликт – это эмоциональное напряжение, возникающее в силу столкновения противоположных импульсов или интересов между субъектами по поводу и в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы» [7, с. 65–69].

Работа по профилактике пенитенциарных конфликтов в местах лишения должна быть направлена на нейтрализацию или ликвидацию причин и условий, способствующих их возникновению, с использованием мер воздействия на определенные факторы и лиц с устойчивым противоправным поведением, причем как среди осужденных (склонных к нападению на представителей администрации), так и среди персонала исправительного учреждения (склонного к деструктивным формам поведения – грубости, нарушениям законности и т. д.).

Согласно ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ОРД) задачами ОРД являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) конкретизирует задачи оперативных подразделений УИС: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Не случайно в настоящее время оперативно-розыскная профилактика выделяется как самостоятельное направление оперативно-розыскной деятельности и является специфической подсистемой социальной профилактики правонарушений.

Методами и средствами, присущими исключительно оперативным подразделениям, выявляются обстоятельства, способствующие созданию конфликтных ситуаций, лица, их создающие, очевидцы. Особый интерес в их деятельности вызывает выявление образований конфликтных ситуаций, причиной возникновения которых может стать, например, продуктовый долг. Не менее важной представляется деятельность по выявлению фактов, свидетельствующих о назревании столкновений между преступными группировками. Значимость работы по этим направлениям обуславливается тем, что выявление конфликтных ситуаций в приведенных сферах нередко лежит в основе предотвращения большинства преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях.

Оперативные отделы исправительных учреждений осуществляют сбор информации, необходимой для разработки мероприятий по предупреждению правонарушений: изучают негативные процессы среди лиц, поставленных на профилактический учет,

обеспечивают за ними оперативный контроль: своевременно доводят до руководства исправительного учреждения информацию об оперативной обстановке, в необходимых случаях – до оперативного дежурного и сотрудников других заинтересованных подразделений исправительного учреждения; выявляют организаторов и активных участников группировок отрицательной направленности, принимают меры по их разобщению, выявляют иных лиц, намеревающихся совершить правонарушения; совместно с другими подразделениями исправительного учреждения принимают меры по пресечению конфликтных ситуаций среди осужденных, проводят работы по склонению к отказу от противоправных намерений и действий осужденных; во взаимодействии с сотрудниками иных правоохранительных органов проводят мероприятия по профилактике правонарушений в исправительном учреждении; с сотрудниками заинтересованных подразделений готовят материалы к рассмотрению на заседаниях комиссии администрации исправительного учреждения по вопросам постановки осужденных на профилактический учет; разрабатывают и реализуют совместно с другими подразделениями профилактические мероприятия с лицами, поставленными на профилактический учет; выявляют возникающие конфликтные ситуации между лицами, поставленными на профилактический учет, и другими осужденными и принимают меры к их разрешению и урегулированию, ежедневно уточняют и обновляют список лиц, поставленных на профилактический учет.

Значительными возможностями располагают оперативно-розыскные аппараты при осуществлении наблюдения, контроля почтовых отправлений, прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических средств связи, оперативного внедрения, оперативного эксперимента и других оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 6). Оперативные аппараты выявляют лиц, создающих и могущих создать конфликтные ситуации, направленные как на разрешение межличностных вопросов, так и на дезорганизацию деятельности исправительного учреждения в целом.

Оперативные сотрудники исправительных учреждений УИС, выполняя свои функциональные обязанности по обеспечению безопасности осужденных и сотрудников, решают в первую очередь социально значимую задачу. Это обусловлено прежде всего тем, что сотрудник, являясь представителем государства, призван охранять закон и порядок, права и свободы человека, то есть обеспечивать охрану правоотношений. Пенитенциарный конфликт, становясь частью уголовно-исполнительных правоотношений, в большей степени несет разрушительные последствия, так как уже вызван определенными нарушениями в правовой плоскости. Более того, пенитенциарный конфликт – явление постоянное и не ограниченное какими-либо рамками, поэтому конфликт необходимо предупредить, бороться с последствиями труднее. Таким образом, в настоящее время назрела потребность (это подтверждает практика и теоретические исследования) в разработке для оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы комплексной системы мер по профилактике конфликтов, что будет являться действенным и эффективным средством по недопущению преступлений в местах лишения свободы.

Библиографический список

1. Хохлаков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы (проблемы, дискуссии, предложения). М., 1991. 224 с.
2. Старков О. В. Криминология : учеб. пособие. М., 2004. 480 с.
3. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России, январь – декабрь 2017 : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018.

4. Брызгалов И. В. Насильственные преступления, совершаемые в исправительно-трудовых колониях и их профилактика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1984.

5. Детков А. П. Методологические парадигмы пенитенциарной конфликтологии: уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 53 с.

6. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 912 с.

7. Громов В. Г. Пенитенциарная преступность // Современное право. 2007. № 9. С. 65–69. URL : <https://studopedia.org/1-126670.html>.

УДК 343.265.2

АЛЕКСАНДРА АНТОНОВНА ШАНИНА,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: alexandra.shanina@gmail.com

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦ,
К КОТОРЫМ ПРИМЕНЯЮТСЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА
В СВЯЗИ С РАССТРОЙСТВОМ
СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ (ПЕДОФИЛИЕЙ),
НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМ ВМЕНЯЕМОСТИ**

Для цитирования

Шанина, А. А. Некоторые вопросы условно-досрочного освобождения лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера в связи с расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаяющим вменяемости / А. А. Шанина // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 189–194.

Аннотация. В целях усиления ответственности за преступления сексуального характера был принят Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», что сделало возможным применение принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступления в возрасте старше 18 лет в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, а также повлекло изменения ряда положений иных федеральных законов, в том числе Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Так, согласно положениям статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации администрация учреждения, исполняющего наказание, после подачи ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания направляет в суд, помимо данного ходатайства, еще и заключение лечащего врача, а также характеристику осужденного, в которой содержатся сведения о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера и его отношении к лечению.

Предметом настоящей статьи является влияние принудительных мер медицинского характера, применяемых к лицу, страдающему педофилией, на условно-досрочное освобождение. С этой целью рассматриваются особенности применения данных принудительных мер наряду с наказанием к лицу, совершившему преступление и страдающему расстройством сексуального предпочтения.

Цели наказания и принудительных мер медицинского характера тесно переплетаются при применении вышеуказанных мер. Сопоставление целей принудительного лечения и целей наказания позволяет показать, что самостоятельный институт принудительных мер медицинского характера может оказывать влияние на реализацию права на условно-досрочное освобождение. Согласно статье 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации условно-досрочное освобождение для лиц, страдающих педофилией, связано с достижением не только исправления данной категории осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений, но и целей, которые стоят перед принудительными мерами медицинского характера.

При решении вопроса об условно-досрочном освобождении требуется повторное освидетельствование всех лиц, указанных в части первой статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации, а не только тех, кто совершил преступление сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, в связи с чем необходимо изложить статью 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в новой редакции.

Ключевые слова: лишение свободы, пожизненное лишение свободы, принудительные меры медицинского характера, расстройство сексуального характера (педофилия), цели принудительных мер медицинского характера, цели наказания, условно-досрочное освобождение.

Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) предусмотрена возможность применения принудительных мер медицинского характера наряду с наказанием к лицу, совершившему преступление, в следующих случаях:

1) если лицо, совершившее преступление, страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости;

2) если это лицо в возрасте старше 18 лет, совершившее преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, и страдающее расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, что стало возможным после вступления в силу Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятого в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних. На прекращение применения таких медицинских мер влияет улучшение психического здоровья лица, характеризующегося подавлением девиантного порочного влечения, что должно быть подтверждено комиссией врачей-психиатров, в соответствии с заключением которой суд сможет прийти к выводу об отсутствии необходимости дальнейшего применения принудительных мер медицинского характера.

Указанным Федеральным законом было предусмотрено ужесточение ответственности для определенной категории лиц, совершивших преступления: стало возможным назначение наказания вплоть до пожизненного лишения свободы за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, а также внесены иные изменения, коснувшиеся Уголовно-процессуального (УПК РФ) и Уголовно-исполнительного (УИК РФ) кодексов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 18 УИК РФ к осужденным к принудительным работам, аресту, лишению свободы, страдающим психическими расстройствами, не исключающими

вменяемости, учреждениями, исполняющими указанные виды наказаний, по решению суда применяются принудительные меры медицинского характера. Если во время отбывания будет установлено, что осужденный страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, которое связано с опасностью для себя или других лиц, администрация учреждения, исполняющего указанные виды наказаний, направляет в суд представление о применении к такому осужденному принудительных мер медицинского характера.

Цели наказания и принудительных мер медицинского характера тесно переплетаются при применении принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания. Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» подчеркивает различие между целями, преследуемыми принудительными мерами медицинского характера, и целями применения наказания, основываясь на положениях ст. 98 УК РФ.

Сопоставление целей применения принудительного лечения и целей наказания позволяет заметить не только существенное различие в их содержании, но и их некоторое сходство, ввиду чего самостоятельный институт принудительных мер медицинского характера может оказывать влияние на срок исполнения наказания, а именно на реализацию права на условно-досрочное освобождение.

Как известно, принудительные меры медицинского характера преследуют как юридические, так и медицинские цели, достижение которых влияет на прекращение либо изменение таких мер. В ст. 98 УК РФ сформулированы медицинские цели – это лечение либо улучшение психического состояния лиц, которым данные меры уголовно-правового характера назначены. К юридическим целям относится предупреждение совершения этими лицами новых общественно опасных деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. При этом медицинские цели являются первостепенными для данного вида мер уголовно-правового характера, что, следовательно, влияет на сроки их применения.

В соответствии с действующим законодательством при отбывании наказания в виде пожизненного лишения свободы или лишения свободы на определенный срок решение вопроса об условно-досрочном освобождении лица, которому принудительные меры медицинского характера были назначены в связи с его расстройством сексуального предпочтения, отчасти попадает в зависимость от психического здоровья такого лица. Так, в соответствии со ст. 175 УИК РФ администрация учреждения, исполняющего наказание, после подачи ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания направляет в суд, помимо данного ходатайства, еще и заключение лечащего врача, а также характеристику осужденного, в которой должны содержаться сведения о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера и его отношении к лечению.

Таким образом, даже при наличии положительной характеристики и при отсутствии злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания со стороны такого лица суд может отказать в условно-досрочном освобождении на основании вышеупомянутого заключения врачей.

Условно-досрочное освобождение от наказания – это прекращение исполнения наказания, связанное с достижением его целей. Однако в данном случае условно-досрочное освобождение связано с достижением не только исправления осужденного и

предупреждения совершения им новых преступлений, но и целей, которые стоят перед принудительными мерами медицинского характера. Безусловно, последние являются неотъемлемым компонентом частной превенции, опосредованно влияя на исправление осужденного. Однако оправданна ли зависимость условно-досрочного освобождения от достижения медицинских целей принудительных мер медицинского характера, в частности, при их реализации в отношении лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией)? Оправданна, если лицо представляет общественную опасность, но само только наличие психического расстройства, например, в форме педофилии без учета опасности лица для окружающих, связанной с заболеванием, не может давать основания для отказа в условно-досрочном освобождении. На данный факт необходимо указать в законодательстве в целях недопущения нарушения прав осужденных и преодоления репрессивного характера применения принудительных мер медицинского характера.

Реализация целей наказания в определенной степени находится в зависимости от реализации целей принудительных мер медицинского характера, но лишь в той, в какой лечение делает возможным исправление лица, влияя на его способность осознавать свои действия, поступки, руководить ими. Невозможно представить исправление без сознательного уважения правил человеческого общежития. Имеет значение результат применения принудительных мер медицинского характера, при котором достигнуто снижение уровня опасности лица для себя и окружающих. Нельзя также не отметить важности отношения осужденного к применяемому к нему лечению, поскольку данный фактор влияет на общую характеристику личности и позволяет сделать вывод о его способности вернуться в общество. Как указывают С. Б. Спасенников, А. М. Смирнов, А. Н. Тихомиров, цели принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, сочетают в себе интересы лица, страдающего психическим расстройством, и интересы общества [2].

Однако принудительные медицинские меры уголовно-правового характера являются самостоятельным институтом, отличным от наказания. Они хоть и имеют общие цели с институтом наказания, все же должны реализовываться вне зависимости от такового. Безусловная зависимость права на условно-досрочное освобождение от результатов применения принудительных мер медицинского характера представляется нам неоправданной, тем более что принудительные меры медицинского характера могут осуществляться и в период условно-досрочного освобождения.

Законодательство допускает, что при назначении лицу пожизненного лишения свободы применение к нему принудительных мер медицинского характера может осуществляться аналогично сроку наказания – пожизненно.

Справедливой представляется точка зрения профессора В. И. Котова, согласно которой активную терапию целесообразно проводить в начале срока наказания. Несмотря на то что соображения его были высказаны относительно принудительного лечения алкогольной зависимости, предусмотренного положениями закона, которые ныне не действуют, они весьма актуальны по отношению к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения. Во время пребывания в исправительном учреждении девиантное влечение, нереализуемое в период отбывания наказания, может быть спровоцировано самим фактом освобождения, ввиду чего следует эффективнее проводить лечение перед освобождением лица. Обоснованны, на наш взгляд, также следующие замечания В. И. Котова: «Если же лечение было проведено и закончено в начале срока, то к его концу достигнутый эффект может угаснуть, и, таким образом, предпринятая

мера теряет смысл. Осуществлять же принудительное лечение на протяжении всего срока наказания, который может превышать 10–15 лет, клинически и организационно неоправданно» [3]. Аналогичной точки зрения по данному вопросу придерживается и А. Н. Батанов, полагая, что принудительное лечение, сопряженное с исполнением наказания в виде лишения свободы, следует производить именно на заключительном этапе его отбывания [1].

Очевидно, с данной целью было внесено еще одно изменение, предусмотренное Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, а именно п. 2.1 ст. 102 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которому «вне зависимости от времени последнего освидетельствования и от принятого решения о прекращении применения принудительных мер медицинского характера суд на основании внесенного не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока исполнения наказания ходатайства администрации учреждения, исполняющего наказание, назначает судебно-психиатрическую экспертизу в отношении лица, указанного в пункте «д» части первой статьи 97 настоящего Кодекса, в целях решения вопроса о необходимости применения к нему принудительных мер медицинского характера в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания. Суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы может назначить принудительную меру медицинского характера, предусмотренную пунктом «а» части первой статьи 99 настоящего Кодекса, или прекратить ее применение».

Однако нельзя не заметить нарушения принципа равенства, обусловленного повышенным недоверием общества и государства к лицам, страдающим педофилией. Если исходить из того, что повторное применение принудительных мер медицинского характера необходимо для «проверки» лица на представляемую им опасность для общества и на предотвращение рецидива, то аналогичное положение должно также распространяться и на лиц, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

Совершенно справедливо отмечают С. Б. Спасенников, А. М. Смирнов, А. Н. Тихомиров, что цель принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, по предупреждению общественно опасной ауто- и гетероагрессии следует понимать как достижение излечения, выздоровления либо достижения такого уровня психического здоровья, при котором лицо перестает быть рецидивоопасным за счет восстановления осознанно-волевой регуляции социально адаптивного поведения [2]. Именно в этом ценность «улучшения» психического состояния лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 УК РФ – в подавлении агрессивного состояния и в восстановлении способности осознавать характер своих действий и руководить ими в той мере, которая не представляет опасности для общества и обеспечивает предотвращение совершения ими новых преступлений.

На наш взгляд, при решении вопроса об условно-досрочном освобождении требуется повторное освидетельствование всех лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, а не только тех, кто совершил преступление в отношении несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста. В связи с этим следует изложить ч. 2 ст. 175 УИК РФ в следующей редакции:

«Администрация учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со статьей 81 настоящего Кодекса, не позднее чем через 15 дней после подачи ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания направляет в суд указанное ходатайство вместе с характеристикой на осужденного. В характеристике должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбы-

вания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, о возмещении причиненного преступлением вреда, а также заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения. В характеристике на лицо, к которому в период отбывания наказания применялись принудительные меры медицинского характера, должны содержаться данные о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера, о его отношении к лечению. Одновременно с ходатайством такого осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в суд направляется заключение его лечащего врача. При наличии в личном деле осужденного копии определения или постановления суда об уведомлении потерпевшего или его законного представителя администрация учреждения, исполняющего наказание, направляет ее в суд, а также сообщает сведения о месте жительства потерпевшего или его законного представителя и иную информацию, обеспечивающую их своевременное извещение, если таковые имеются».

Одновременно с этим, по нашему мнению, должны быть выработаны адекватные критерии удовлетворительного прохождения лицом принудительного лечения в рамках уголовно-правовых мер и определения степени улучшения психического состояния лица, к которому они применяются, в целях рациональной реализации принудительных мер медицинского характера и обеспечения права на условно-досрочное освобождение.

Библиографический список

1. Батанов А. Н. Уголовно-правовые вопросы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией) // Медицинское право. 2017. № 1. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=102331#02483145962419433> (дата обращения: 15.04.2018).
2. Спасенников Б. А., Смирнов А. М., Тихомиров А. Н. Цели принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 3. С. 24–28.
3. Уголовное право России : учеб. для вузов : в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000. 335 с.

УДК 343.8(574)

ТАЛГАТ КУРМАНОВИЧ АКИМЖАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный работник Министерства внутренних дел Республики Казахстан,

директор НИИ права,

профессор кафедры юриспруденции и международного права,

Университет «Туран», г. Алматы, Республика Казахстан,

e-mail: editor62@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Для цитирования

Акимжанов, Т. К. О некоторых проблемах обеспечения пенитенциарной безопасности в Республике Казахстан / Т. К. Акимжанов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 195–203.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения пенитенциарной безопасности, вызванные следующими обстоятельствами:

- 1) политическая сторона;
- 2) правовая сторона;
- 3) распространенность в среде осужденных различного рода насильственных действий;
- 4) недостаточное совершенство системы исполнения наказания в Республике Казахстан;
- 5) уровень и динамика пенитенциарной преступности – показатели качества организации исполнения наказания;
- 6) максимальное обеспечение специализации при исполнении наказания лиц, осужденных за различные уголовные правонарушения.

Ключевые слова: Республика Казахстан, пенитенциарная безопасность, обеспечение безопасности личности.

В статье 1 Конституции Республики Казахстан (РК) государство утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого является человек, его жизнь, права и свободы. Данное положение полностью относится и к категории осужденных за уголовные правонарушения граждан Республики Казахстан.

В настоящее время Казахстаном сделан рывок к мировым стандартам в области гуманизации пенитенциарной системы. Не случайно в подразделе 2.10 раздела 2 «Основные направления развития национального права» Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858, указано, что «в уголовно-исполни-

тельной сфере предусмотрен целый комплекс мероприятий по усилению предупреждения пенитенциарной преступности».

Тенденции развития уголовной политики требуют расширения иных мер уголовно-правового воздействия в рамках развития восстановительного правосудия.

Одним из резервов в данном направлении является противодействие пенитенциарной преступности, то есть преступности лиц, осужденных за совершение уголовных правонарушений (преступлений, уголовных проступков).

Рассмотрим данную проблему с позиции безопасности, поскольку пенитенциарная преступность входит в общую преступность, которая согласно ст. 6 Закона Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26 июля 2016 г.) относится к одному из источников угрозы национальной безопасности государства.

Обеспечение безопасности осужденных в Республике Казахстан имеет очень важное практическое и политическое значение для государства и основано на нормах Конституции РК и принятых на ее основе Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Казахстан.

Как известно, осуждение лица не влечет за собой лишение гражданства и соответственно правового статуса гражданина Республики Казахстан. Речь идет лишь о некоторых ограничениях, предусмотренных уголовным законодательством Республики Казахстан, за исключением смертной казни, для каждого вида уголовного наказания (изоляция от общества, обязательное привлечение к труду по основному месту работы с вычетом денежного взыскания в доход государства; ограничение передвижения; выполнение общественных работ, ограничение свободы и т. д.).

Актуальность проблемы пенитенциарной безопасности вызвана рядом обстоятельств.

Во-первых, политическая сторона. Не секрет, что количество осужденных негативно сказывается на имидже страны. В настоящее время по индексу «тюремного» населения Казахстан при населении в 18 миллионов человек занимает 65-е место в мире. Этот показатель очень высокий, но за период суверенного развития нашей страны было много сделано положительного по снижению численности «тюремного» населения.

Приведем некоторые данные. До 1998 г. Казахстан находился на 3-м месте в мире по численности «тюремного населения», пропустив вперед лишь две сверхдержавы – Соединенные Штаты Америки и Россию.

Как свидетельствует правоприменительная практика последних 15 лет, в результате принятых государством мер (амнистия, условно-досрочное освобождение, гуманизация уголовного законодательства и др.) удалось значительно, почти вдвое, снизить «тюремное» население страны (с 63 тыс. до 35 тыс.). Страна переместилась с 22-го (2010 г.) на 65-е место (2017 г.).

Однако данный показатель намного превышает индикаторы европейских стран и остается самым высоким среди государств Центральной Азии, в том числе членов СНГ (Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан).

Приведем еще один показатель. По данным Комитета уголовно-исполнительной системы (КУИС) МВД РК, за годы суверенного развития нашей страны через систему исправительных учреждений (ИУ) прошло свыше полутора миллиона человек.

Во-вторых, правовая сторона. Так, обеспечение безопасности личности человека в нашем обществе вытекает из содержания ст. 1 Конституции РК, где закреплено, что Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь,

права и свободы. В ст. 2 Уголовного кодекса Республики Казахстан (УК РК) одной из задач уголовного законодательства указана «защита прав, свобод, и законных интересов человека и гражданина». В ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (УИК РК) записано, что Республика Казахстан уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, а также правовую защиту и личную безопасность.

Более того, в УИК РК, как это ни выглядит странным для читателя, а тем более для законодателя, в отличие от УК РК (ст. 46 УК РК: колонии-поселения; исправительные колонии общего, строгого, особого режимов; тюрьма) дано другое название исправительных учреждений. Согласно ст. 89 УИК РК они подразделяются:

- 1) на учреждения минимальной безопасности;
- 2) учреждения средней безопасности;
- 3) учреждения средней безопасности для содержания несовершеннолетних;
- 4) учреждения максимальной безопасности;
- 5) учреждения чрезвычайной безопасности;
- 6) учреждения полной безопасности;
- 7) учреждения смешанной безопасности.

Поскольку законодатель не дал разъяснений по поводу нового названия исправительных учреждений, мы будем исходить из того, что одним из значений, наряду с другими, была заложена личная безопасность осужденных.

Обеспечение безопасности личности в ИУ связано в первую очередь с условиями изоляции и высокой степенью виктимности осужденных. Как показывает практика, пребывание лиц в исправительных учреждениях способствует, как правило, деградации личности осужденного, воздействию на него субкультуры и в целом криминализации общества. Так, по мнению известных ученых, будучи в целом позитивным инструментом воздействия на преступника наказание в виде лишения свободы имеет не только экономические, но и в большей степени социальные негативные последствия, которые практически не зависят от правоохранительных органов, то есть во время пребывания в ИУ происходит разрыв социальных связей осужденного и его отдаление от гражданского общества, а также под влиянием различных факторов серьезная деформация его личности.

По данному поводу очень убедительно высказался известный российский ученый Г. Ф. Хохряков: «Здравый смысл подсказывает, что задача по исправлению и перевоспитанию в условиях изоляции от общества недостижима... Действительно, ставя цель по приспособлению человека к жизни в обществе, его отделяют от этого общества; желая научить его полезному активному поведению, содержат в обстановке, где каждый шаг распisan, что вырабатывает пассивность; думая заменить в сознании человека вредные привычки полезными, его содержат среди себе подобных, что способствует взаимному заражению, и т. п.» [1].

В-третьих, необходимость обеспечения безопасности осужденных связана с распространенностью в их среде различного рода насильственных действий по отношению друг другу и высокой степенью латентности их совершения.

Не случайно, по данным Р. Е. Джансараевой, посягательства на личность в условиях ИУ происходят довольно редко, и от общего числа преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, рассматриваемая группа преступлений составляет небольшой процент (3,1 %) [2].

Характерными преступлениями являются побег, противоправные посягательства на личность, хулиганство, злостное неповиновение администрации в решении

задач по поддержанию дисциплины и правопорядка в исправительных учреждениях. Среди осужденных поддерживаются традиции преступной среды и культивируются неформальные нормы поведения. Между тем в практической деятельности фактически ежечасно возникают проблемы, связанные с отсутствием должного правового и организационного обеспечения процессов профилактики пенитенциарной преступности. Существует также целый ряд научно-теоретических проблем определительного характера, которые, в свою очередь, существенно снижают практическую ценность разрабатываемых в настоящее время профилактических методик.

Пенитенциарная среда, которая сформировалась в исправительных учреждениях, несмотря на благородные цели уголовно-исполнительного законодательства, закрепленные в ч. 1 ст. 4 УИК РК (восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых уголовных правонарушений как осужденными, так и иными лицами), негативно влияет на любую личность. Одних она унижает, опуская их безвозвратно до самого низшего уровня, других ломает, третьих калечит, четвертых убивает, пятых принимает в криминальный мир и делает их уважаемыми личностями к преступному миру, шестых возносит и возвращает в гражданское общество, превращая последних в национальных героев.

В жизни встречаются и иные варианты развития личности в ИУ. Этот механизм негативного воздействия на личность осужденного раскрывает Г. Ф. Хохряков, который отмечает, что заключенный обречен находиться среди себе подобных – тех, кто, как и он, испытывает унижения из-за утраты статуса. Он не может покинуть тюрьму и попытаться на новом месте войти в уважаемую группу и завоевать в ней авторитет, как иногда делают свободные люди, потерпевшие фиаско и начинающие новую жизнь в другом окружении [3].

Примерно такой же позиции придерживается и казахстанский ученый А. А. Ескендеров, по мнению которого основной контингент осужденных представляет собой общество педагогически запущенных людей, у которых представления о чести и достоинстве, дружбе и взаимопомощи выражаются в иной плоскости, резко отличаясь от тех, которые существуют в среде законопослушных граждан [4].

В процессе наших личных наблюдений, общения с сотрудниками исправительных учреждений, бывшими осужденными сложилось такое впечатление, что отдельные категории осужденных вполне могли исправиться без изоляции от общества.

В-четвертых, недостаточное совершенство системы исполнения наказания в Республике Казахстан. В последнее время в средствах массовой информации стали появляться публикации о допустимых пытках и избиениях в отношении осужденных как другими осужденными, так и сотрудниками УИС с летальным исходом осужденных. Встречались примеры избиения и унижения в исправительных учреждениях осужденных, в том числе из числа бывших сотрудников и даже бывших первых руководителей правоохранительных органов.

Так, были опубликованы материалы в средствах массовой информации Республики Казахстан по факту избиения бывшего министра внутренних дел Республики Казахстан, председателя Таможенного комитета РК Баймаганбетова С. Н., осужденного в 2013 г. за получение взятки на 10 лет лишения свободы, бывшим сотрудником уголовно-исполнительной системы МВД РК Русланом Поповьяном (АК 159/6), который 15 сентября 2015 г. был привлечен к уголовной ответственности и осужден на 2,5 года лишения свободы за совершенные противоправные действия.

К числу наиболее типичных обстоятельств, способствующих пенитенциарной преступности, относятся:

- неудовлетворительная организация борьбы с проникновением в исправительные учреждения спиртных напитков и наркотических веществ;
- отсутствие должного надзора за поведением осужденных как в жилых зонах, так и на производственных объектах;
- слабый контроль со стороны администрации ИУ за использованием, хранением, выдачей и списанием рабочего инструмента;
- недостатки в организации выявления и изъятия у осужденных предметов, применяемых ими при совершении умышленных убийств и телесных повреждений;
- недостатки в организации досуга и контроля за соблюдением осужденными распорядка дня в ИУ;
- несвоевременное выявление осужденных, от которых реально можно ожидать совершения посягательств на личность других граждан, отбывающих наказание в ИУ.

Перечисленные обстоятельства должны учитываться в процессе организации деятельности по предупреждению в ИУ умышленных убийств и телесных повреждений.

В целях предупреждения преступлений в ИУ необходимо обеспечение полезной занятости (трудозанятость, обучение) осужденных в свободное время. На данный период реальная трудозанятость осужденных в исправительных учреждениях составляет примерно около 30 %. Осужденные находятся в изоляции, трудом или иной деятельностью не охвачены и, самое главное, не видят своей дальнейшей перспективы. С таким контингентом очень сложно работать администрации учреждений.

Необходимо изучать и повсеместно внедрять в практику положительный зарубежный опыт пенитенциарных учреждений. Следует ввести новые формы обучения осужденных по программам послесреднего и высшего образования, а также предусмотреть подготовку и переподготовку по узким рабочим специальностям. Представьте ситуацию, когда в осужденного государству не потребуются больших дополнительных вложений. На наш взгляд, при современном уровне экономического развития государства и относительно небольшой численности населения это не утопия, а вполне разрешимая задача.

В-пятых, уровень и динамика пенитенциарной преступности являются показателями качества организации исполнения наказания у нас в стране. При стопроцентном достижении целей исполнения наказания не должно быть совершения новых уголовных правонарушений со стороны осужденных.

Так, по данным исследования, проведенного Т. Р. Елешовым, среди опрошенных осужденных 64 % систематически совершали насильственные преступления и правонарушения в период отбывания уголовного наказания, более 57 – чувствовали свое положение в исправительном учреждении безнадежным, беспокоились за свою честь и достоинство, считали себя незащищенными, 89 – указали, что могут стать жертвой насилия, а 75 % – были свидетелями этих действий [5].

Интересные данные своего исследования приводит известный ученый Ю. М. Антонян, который отмечает, что только 42 % опрошенных осужденных чувствуют, что они пользуются уважением других и, следовательно, защищены; 9 – считают свое положение безнадежным, опасаются за свою честь и достоинство, вообще за свое будущее; 22 – полагают, что в случае конфликта их защитят товарищи, а 11 % – надеются на администрацию [6].

Как видим из приведенных данных, только каждый десятый опрошенный осужденный надеется на свою безопасность со стороны администрации ИУ.

Следует отметить, что осужденные хотя и специфическая, но часть общества, и поэтому охрана их личности, жизни и здоровья – такая же задача государства, как и защита всех иных членов социума. Реализация этой задачи, помимо других положений уголовно-исполнительного законодательства, возложена на администрацию ИУ.

В настоящее время уголовно-исполнительная система Республики Казахстан находится в состоянии поиска новых наиболее эффективных форм и методов работы. Так, на базе инспекций исправительных работ КУИС МВД РК была создана служба пробации. 30 декабря 2016 г. был принят Закон Республики Казахстан № 38-VI ЗРК «О пробации».

8 декабря 2016 г. подписан Указ Президента Республики Казахстан № 387 «Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы». В целях реализации данного документа был утвержден План мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы.

Чтобы определить проблемы и перспективы пенитенциарной безопасности рассмотрим само понятие безопасности.

Как известно, понятие безопасности с позиции различных наук трактуется неоднозначно. С точки зрения психологии безопасность представляется как ощущение, восприятие и переживание необходимости в защите жизненных (духовных и материальных) потребностей и интересов людей. Философия и социология рассматривают безопасность как состояние, тенденции развития и условия жизнедеятельности общества, его структур, институтов и порядков, при которых обеспечивается сохранение оптимального соотношения различных категорий и противоположностей. С позиций юридических наук безопасность – это система установления правовых гарантий защищенности личности и общества, обеспечения их нормальной жизнедеятельности, прав и свобод.

Приведем некоторые определения безопасности.

Так, авторами Криминологического словаря безопасность трактуется в нескольких значениях: 1) как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз; 2) система свойств объекта, позволяющих ему развиваться и процветать (вершина развития) в духовной, социальной, политической, экономической, военной, национальной, общественной, экологической сферах при воздействии неблагоприятных факторов и условий (конфликтов, неопределенности, риска); 3) способность объекта нормально функционировать и развиваться при воздействии неблагоприятных факторов, угрожающих его целостности, сущности и предназначению [7, с. 21].

По мнению С. В. Степашина, безопасность есть состояние, тенденции развития (в том числе латентные) и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование [8, с. 23].

М. А. Лесков безопасность рассматривает как явление, тождественное гомеостазису системы, «под которым принято понимать тип динамического равновесия, характерный для сложных саморегулирующихся систем и состояний в поддержании существенно важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах» [9, с. 66].

По мнению В. И. Митрохина, безопасность есть мера защищенности среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом [10].

Обобщая приведенные выше дефиниции безопасности, можно сделать вывод о том, что безопасность есть результат социальной деятельности по обеспечению безопасности личности, общества, государства.

Применительно к нашей теме при определении понятия пенитенциарной безопасности следует исходить из самого определения пенитенциарной преступности, поскольку она (пенитенциарная преступность) не только подразумевает совокупность преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, но и включает в себя преступления, совершаемые осужденными к другим видам уголовных наказаний, не связанных с изоляцией [11, с. 14].

Значит, пенитенциарную безопасность личности следует рассматривать в узком и широком смысле слова: в узком – когда в качестве объекта посягательства выступает конкретная личность осужденного к лишению свободы, в широком – когда в качестве объекта посягательства выступают в целом осужденные ко всем видам уголовных наказаний, предусмотренных ст. 40 УК РК. Тем более что данная норма, как мы уже отмечали выше, закреплена законодательно в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Казахстан.

Успешное предупреждение насилия среди осужденных возможно только при условии целенаправленного и качественного обучения сотрудников исправительных учреждений способам и приемам выявления, изучения и разрешения конфликтов среди преступников.

В-шестых, максимальное обеспечение специализации при исполнении наказания лиц, осужденных за различные уголовные правонарушения. Важность данного положения объясняется многими причинами и в первую очередь влияет на состояние пенитенциарной безопасности. Так, при осуждении лиц к такому виду наказания, как лишение свободы, законодатель при направлении осужденного лица в то или иное исправительное учреждение принимает во внимание лишь категории совершенных преступлений, перечисленные в ст. 11 УК РК (преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления), а что касается видов совершаемых преступлений, то, как правило, они во внимание не берутся. Однако правоприменительная практика, в том числе исполнение наказаний, показывает, что необходимо отдельное содержание различных категорий осужденных, особенно если речь идет об осужденных за террористические и экстремистские преступления. Данная категория лиц негативно влияет на другие категории осужденных, дестабилизируя обстановку и вовлекая в свои ряды других осужденных.

В особом подходе при организации исполнения наказания нуждается категория осужденных за экономические преступления, которая, как правило, может являться объектом посягательства других осужденных за общеуголовные преступления. Кроме того, совместное содержание осужденных за экономические преступления с осужденными за общеуголовные преступления приводит и к произвольной поддержке государством криминального мира, так как последние могут заставить своих «коллег» по «тюремному» цеху перечислять деньги на криминальные цели. Такой же подход следует применять и в отношении осужденных к лишению свободы за преступления террористической и экстремистской направленности, чтобы оградить других осужденных от негативного влияния последних.

В целях предупреждения насилия среди осужденных следовало бы пересмотреть порядок условно-досрочного освобождения осужденных, сократив предусмотренные ст. 72 УК РК обязательные сроки отбытия наказания, установив новые: за преступления небольшой тяжести – до 1 года, средней тяжести – до 2 лет, тяжкие – до 3 лет, особо тяжкие – до 4 лет. Это даст возможность стимулировать осужденных к исправлению и существенно снизить численность «тюремного» населения, а также повысить ответственность сотрудников ИУ, значительно укрепить пенитенциарную безопасность в стране.

Источником угрозы пенитенциарной безопасности могут быть как действия осужденных, злостно нарушающих режим содержания, так и незаконные действия самих работников ИУ, что стало, к сожалению, нередкостью в последнее время, и этот негативный процесс значительно затрудняет обеспечение пенитенциарной безопасности.

Обеспечение пенитенциарной безопасности при исполнении наказания должно не только охватывать личную безопасность осужденных, что является важным и необходимым, но и предусматривать безопасность администрации ИУ, а также нормальное функционирование самого исправительного учреждения.

Необеспечение пенитенциарной безопасности есть невыполнение важной государственной задачи, возложенной на его уполномоченных органов по обеспечению процесса исправления, перевоспитания и возвращения осужденных в общество в качестве его полноправных членов, а не превращая последних в изгоев общества и вечных врагов правосудия.

Тенденции развития уголовной политики требуют расширения иных мер уголовно-правового воздействия в рамках развития восстановительного правосудия, что в первую очередь должно относиться к несовершеннолетним и женщинам с учетом четкой градации степени ответственности за совершение преступлений соответствующей категории тяжести.

Для создания правовых и организационных основ социальной адаптации лиц, содержащихся под стражей и освобожденных из исправительных учреждений, целесообразно:

- разработать государственную целевую программу о социальной адаптации лиц, содержащихся под стражей, в исправительных учреждениях и освобожденных из мест лишения свободы» на среднесрочную перспективу;

- обеспечить: нетрудоспособных осужденных в местах лишения свободы минимальным прожиточным минимумом; достижение ими профессионально-целевых интересов во время отбывания наказания; процесс их социальной адаптации к жизни на свободе;

- усовершенствовать действующее законодательство, регулирующие вопросы социального обеспечения данной категории денежными выплатами и оказания социальных услуг, предоставляемых на основе норм уголовно-исполнительного, пенсионного, трудового и иного законодательства Республики Казахстан;

- для предупреждения рецидива со стороны несовершеннолетних, освобожденных из учреждений УИС, применять меры по социальной адаптации их с момента поступления в исправительные учреждения, внести дополнения и изменения в действующее законодательство по вопросам, регламентирующим данную деятельность;

- отрегулировать процедуру направления к избранному месту жительства лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и проблемы взаимодействия заинтересованных органов по организации эффективного контроля за своевременным прибытием данной категории лиц к месту проживания.

Библиографический список

1. Хохряков Г. Ф. Наказание в виде лишения свободы: оценка эффективности // Советское государство и право. 1989. № 2. С. 65–73.
2. Джансараева Р. Е. Проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях : монография. Алматы, 2006. С. 95.
3. Хохряков Г. Ф. Криминология : учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1999. 511 с.
4. Ескендиров А. А. Проблемы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных : учеб. пособие. Костанай, 2008. С. 70–72.
5. Елешов Т. Р. Профилактика преступного насилия среди осужденных в условиях исправительного учреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2010.
6. Антонян Ю. М. Криминология : учеб. для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 523 с.
7. Криминологический словарь. Астана, 2012. 199 с.
8. Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы) : монография. СПб., 1994.
9. Лесков М. А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность. 1994. № 4(20). С. 66–67.
10. Митрохин В. И. Концептуальные основы стратегии национальной безопасности России // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 22–40.
11. Акимжанов Т. К., Тауова Г. С. Пенитенциарная преступность (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : монография. Алматы, 2015. 184 с.

УДК 341.49:343.841

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ПАВЛЕНКО,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы,
и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы,
Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
г. Томск, Российская Федерация,
e-mail: a.pav@list.ru

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Для цитирования

Павленко, А. А. Одиночное заключение: международно-правовой подход и российская практика / А. А. Павленко // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 204–209.

Аннотация. Изучение положений основных специальных международных стандартов обращения с осужденными к лишению свободы позволило сделать вывод о том, что вопросы одиночного заключения в той или иной степени нашли свое отражение во всех подобных документах. Однако особое место в регламентации одиночного заключения занимают принятые в 2015 г. Правила Нельсона Манделы. Наиболее значимыми новеллами данного документа явились дефиниции понятий «одиночное заключение» и «длительное одиночное заключение». Кроме того, указанные дефициты включены в число мер, равнозначных пытке или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, значимость запрета на которые подтверждается его закреплением в первом основном принципе Правил Нельсона Манделы.

Сравнительный анализ положений международных стандартов в сфере одиночного заключения позволяет выделить ряд элементов, формирующих международно-правовой подход к данному понятию:

- 1) в большинстве международных стандартов одиночное заключение рассматривается как дисциплинарное взыскание;
- 2) форма и продолжительность одиночного заключения должны быть определены в письменной форме в законе или нормативно-правовом акте компетентного административного органа;
- 3) обязательность медицинского заключения о способности осужденного перенести такой вид взыскания и в дальнейшем ежедневный медицинский контроль за состоянием здоровья заключенного;
- 4) продолжительность одиночного заключения не должна превышать 15 суток;
- 5) в период одиночного заключения должны иметь место содержательные контакты с людьми, как минимум, 2 часа в день;

б) законодательством должен быть определен перечень категорий лиц, к которым одиночное заключение не применяется в принципе;

7) помещения для одиночного заключения должны соответствовать установленным санитарным нормам.

В соответствии с российским уголовно-исполнительным законодательством возможны четыре основания перевода осужденных на одиночное размещение. Понятию «одиночное заключение как мера дисциплинарного воздействия» в России наиболее соответствует такой вид взыскания, как водворение осужденного в штрафной изолятор. Основания и порядок применения этого вида взыскания в целом отвечает требованиям международно-правового подхода. Определенные вопросы применительно к условиям содержания в штрафном изоляторе могут вызывать временные рамки, установленные пунктом 44 Правил Нельсона Манделы – 22 часа или более в день без содержательных контактов с людьми, так как осужденные, водворенные в штрафной изолятор без вывода на работу, имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью всего один час.

Представляется, что требования международно-правового подхода к одиночному заключению целесообразно имплементировать в национальное законодательство России путем закрепления в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации как самой дефиниции «одиночное заключение» и его признаков, так и механизма исполнения данной меры дисциплинарного воздействия.

Ключевые слова: одиночное заключение, международные стандарты обращения с заключенными, Правила Нельсона Манделы, применение мер взыскания, жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство виды обращения и наказания, сенсорная депривация, изоляция для обеспечения правопорядка, медицинский контроль за состоянием здоровья заключенного, водворение в штрафной изолятор; обеспечение личной безопасности, реализация международных стандартов обращения с осужденными в России.

Во многих международных документах, регламентирующих обращение с заключенными, большое внимание уделяется ограничению применения одиночного заключения. Данные вопросы в той или иной степени нашли свое отражение во всех специальных стандартах обращения с осужденными к лишению свободы. Так, в принципе 7 Основных принципов ООН обращения с заключенными закреплено, что «следует прилагать и поощрять усилия по отмене одиночного содержания в качестве наказания или по ограничению его применения». Правило 60.5 Европейских пенитенциарных правил (ЕПП) 2006 г. гласит: «Одиночное заключение должно использоваться в качестве наказания только в исключительных случаях и на конкретно установленный срок, который должен быть как можно короче». Еще большие ограничения применения одиночного заключения предусмотрены в стандартах, относящихся к определенным категориям правонарушителей – женщинам и несовершеннолетним. Правило 22 Правил ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), закрепляет запрет применения одиночного содержания или помещения в штрафной изолятор в отношении находящихся в исправительном учреждении беременных женщин, женщин с грудными детьми и кормящих матерей. Правило 67 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, не только запрещает применение одиночного заключения для таких лиц, но и относит этот

вид дисциплинарной меры к жестокому, негуманному или унижающему человеческое достоинство обращению. Данные положения нашли свое развитие в Европейских правилах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера. Правила 95.3-4. этого документа не ограничиваются запретом на водворение несовершеннолетних в одиночную камеру, но вводят альтернативу одиночному заключению – изоляцию как меру дисциплинарного воздействия с раскрытием оснований и условий ее применения.

Особое место в регламентации одиночному заключению занимают принятые в 2015 г. Правила Нельсона Манделы (ПНМ). Значимость проблем одиночного заключения подчеркнута включением данной сферы в число девяти положений Минимальных стандартных правил ООН обращения с заключенными 1955 г., подлежащих обязательному пересмотру, о чем прямо указано в преамбуле ПНМ. Основные рекомендации, относящиеся к одиночному заключению, включены в раздел «Ограничения, дисциплина и меры взыскания» Правил Нельсона Манделы [1]. Наиболее значимыми новеллами данного документа явились дефиниции понятий «одиночное заключение», под которым подразумевается ограничение свободы заключенных в течение 22 часов или более в день без содержательных контактов с людьми, и «длительное одиночное заключение», определяющее начало его исчисления – одиночное заключение, превышающее 15 дней подряд (п. 44). Кроме того, указанные дефиниции в ПНМ включены в число мер, равнозначных пытке или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания (п. 43.1.a, b), значимость запрета на которые подтверждается его закреплением в первом основном принципе Правил Нельсона Манделы. Этот принцип гласит: «Все заключенные должны пользоваться уважительным отношением вследствие присущего им достоинства и их ценности как человеческой личности. Ни один заключенный не должен подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, все заключенные должны быть защищены от них, и никакие обстоятельства не могут служить оправданием для них. Должна постоянно обеспечиваться охрана и безопасность заключенных, персонала, лиц, предоставляющих услуги, и посетителей». Данная норма отражена в ч. 1 ст. 3 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными». Личная безопасность осужденных и персонала закреплена в качестве одного из требований режима, перечисленных в ч. 1 ст. 82 УИК РФ.

В связи с включением Правилами Нельсона Манделы одиночного заключения в перечень мер, равнозначных пытке или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, заслуживает внимания еще одна новелла ПНМ. В разделе «Ограничения, дисциплина и меры взыскания» среди обозначенных аспектов (факторов), которые должны всегда регулироваться законодательством или нормативно-правовыми актами компетентного административного органа, указаны: «Любые меры принудительного отделения от общего контингента заключенных, как, например, одиночное заключение, изоляция, сегрегация, помещение в карцер или ограничение условий содержания, будь то в качестве дисциплинарного взыскания или для поддержания

порядка и безопасности, включая ввод в действие принципов и процедур, регулирующих использование и пересмотр порядка применения и отмены любых мер принудительной изоляции» (п. d) правила 37). Значение этой нормы состоит в уменьшении не урегулированных правовыми нормами алгоритмов действий сотрудников пенитенциарных учреждений. В п. 45.1 Правил Нельсона Манделы изложены условия (в качестве крайней мере в исключительных случаях, в течение как можно более короткого времени, осуществление независимого контроля) и основания применения одиночного заключения (только с санкции компетентного органа, не должно налагаться в силу приговора заключенного), в п. 45.2 перечислены категории заключенных, к которым одиночное заключение запрещено применять: страдающие психическим расстройством или имеющие физические недостатки, если принятие таких мер приведет к ухудшению их состояния; женщины и дети.

Анализ положений указанных выше международных стандартов в сфере одиночного заключения позволяет, по нашему мнению, выделить ряд элементов, формирующих международно-правовой подход к данному понятию:

1) в большинстве международных стандартов одиночное заключение рассматривается как дисциплинарное взыскание. Исключение из этого положения составляют лишь упомянутые выше Европейские правила в отношении несовершеннолетних правонарушителей 2008 г., в которых, кроме изоляции как меры дисциплинарного воздействия, п. 93 предусмотрена «изоляция для обеспечения правопорядка»;

2) форма и продолжительность одиночного заключения должны быть определены в письменной форме в законе или нормативно-правовом акте компетентного административного органа. Уместной формой реализации второго документа считаются правила внутреннего распорядка пенитенциарных учреждений, действующие в большинстве стран мира;

3) обязательность медицинского заключения о способности осужденного перенести такой вид взыскания и в дальнейшем ежедневный медицинский, предпочтительнее врачебный, контроль за состоянием здоровья заключенного (п. 46 ПНМ и п. 43.2-3 ЕПП);

4) продолжительность одиночного заключения не должна превышать 15 суток подряд;

5) в период одиночного заключения должны иметь место содержательные контакты с людьми, как минимум, 2 часа в день;

6) законодательством должен быть определен перечень категорий лиц, к которым одиночное заключение не применяется в принципе;

7) помещения для одиночного заключения должны соответствовать установленным санитарным нормам (пп. 12-17 ПНМ). Данная ремарка связана с имевшимися ранее в европейской пенитенциарной практике случаями так называемой сенсорной депривации. В комментарии к п. 60.5 ЕПП указано, что наиболее жесткой формой одиночного заключения является содержание заключенного в полной изоляции в условиях резкого ограничения сенсорной информации за счет лишения доступа к свету, свежему воздуху или полной звукоизоляции при содержании в карцерах. Подобная форма изоляции никогда не должна использоваться в качестве наказания. Другой формой одиночного заключения является содержание заключенного в одиночной камере, где у него есть доступ к естественному освещению и свежему воздуху и он может слышать, как в соседних камерах перемещаются другие заключенные. Подобная форма наказания должна использоваться только в исключительных обстоятельствах и в течение коротких периодов, во время которых сотрудники пенитенциарного учреждения должны на регулярной основе и разумно часто контактировать с заключенными.

В соответствии с российским уголовно-исполнительным законодательством возможны несколько вариантов одиночного размещения заключенных. Используя в качестве

критерия классификации основания (цели) для перевода на одиночное содержание, можно подразделить всех находящихся там лиц на следующие группы:

– заключенные, отбывающие меру взыскания в виде водворения в карцер, на основании ст. 38 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ «О содержании под стражей»), и в виде водворения в штрафной изолятор (ШИЗО) на основании п. «в» ч. 1 ст. 115 УИК РФ. К этой же группе относятся и осужденные мужчины, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащиеся в исправительных колониях (ИК) особого режима, переведенные в одиночные камеры на срок до шести месяцев;

– осужденные, переведенные в камеры ШИЗО за нарушения режима отбывания наказания в качестве меры дисциплинарного пресечения. К этой категории относятся лица, помещенные в ШИЗО по постановлению дежурных помощников начальников исправительных колоний и тюрем до прихода начальника исправительного учреждения (ИУ), но не более чем на 24 часа, в экстренных случаях при отсутствии начальника учреждения, когда иными мерами пресечь совершаемое преступление или злостное нарушение режима невозможно. Такая изоляция дисциплинарным взысканием не является [примечание к разд. XXIV Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (ПВР ИУ)], утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295. Это связано с тем, что правом применения перечисленных мер взыскания в полном объеме пользуются начальники учреждений или лица, их замещающие (ч. 1 ст. 119 УИК РФ). У дежурного помощника начальника исправительного учреждения соответствующих полномочий нет, и признание осужденного нарушителем, заслуживающим применения мер дисциплинарного воздействия, откладывается до решения начальника ИУ;

– переведенные в одиночные камеры следственных изоляторов (СИЗО) и камеры штрафных изоляторов ИУ в целях обеспечения личной безопасности. В этом случае указанные помещения используются в качестве безопасного места для заключенных (ст. 19, 32, 33 ФЗ «О содержании под стражей») и осужденных (ч. 3 ст. 13 УИК РФ). Несмотря на формальное нахождение в помещениях, специально предназначенных для отбывания мер взыскания, подобный перевод заключенных и осужденных в одиночные камеры и камеры ШИЗО наказанием не является, и ограничения, предусмотренные ст. 40 ФЗ «О содержании под стражей» и ст. 118 УИК РФ, на них не распространяются (пп. 188–189 ПВР ИУ);

– одиночные камеры СИЗО для временной изоляции заключенных, у которых произошел нервный срыв, в целях предотвращения совершения ими членовредительства, самоубийства, нападения на подозреваемых, обвиняемых, осужденных, сотрудников СИЗО и других лиц (ст. 32, 33 ФЗ «О содержании под стражей»).

В российском законодательстве понятие «одиночное заключение как мера дисциплинарного воздействия» наиболее соответствует такой вид взыскания, как водворение осужденного в штрафной изолятор. Необходимо отметить, что данная группа из всех лиц, изолированных от основной массы заключенных, является самой многочисленной. В связи с этим обозначенные выше положения Правил Нельсона Манделы в основном отражены в ст. 115–118 УИК РФ, регламентирующих основания, виды и порядок применения мер взыскания, в том числе связанных с изоляцией от общей массы осужденных. Механизм (алгоритм) применения перечисленных норм УИК РФ на подзаконном уровне детализирован в разд. XXII «Особенности содержания в запираемых помещениях осужденных, отбывающих наказания в строгих условиях» и разд. XXIV «Особенности условий содержания осужденных в СИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камерах» ПВР ИУ.

Так, водворение осужденных в ШИЗО допускается на срок до 15 суток (п. «в» ч. 1 ст. 115 УИК РФ) и соответственно не подпадает под «длительное одиночное заключение», предусмотренное ПНМ; российский порядок применения этой меры и должностные лица, ее применяющие (ст. 117, 119 УИК РФ), соответствуют рекомендациям п. 45.1 Правил Нельсона Манделы.

Требование обязательности медицинского заключения о способности осужденного перенести этот вид взыскания нашло свое законодательное отражение в ч. 4 ст. 117 УИК РФ: «Водворение в штрафные и дисциплинарные изоляторы производится с указанием срока содержания после проведения медицинского осмотра и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в них по состоянию здоровья». Механизм (порядок) реализации этой нормы раскрыт в п. 162 ПВР ИУ и детализирован в отдельном приказе Минюста России 2011 г.

Определенные вопросы применительно к условиям содержания в ШИЗО могут вызывать временные рамки, установленные п. 44 ПНМ – 22 часа, так как осужденные, водворенные в штрафной изолятор, имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью всего один час (ч. 1 ст. 118 УИК РФ). Если эта мера взыскания наложена с выводом осужденного на работу (п. 161 ПВР ИУ) или в камере ШИЗО содержатся несколько человек, то такое содержание не подпадает под признаки одиночного заключения, изложенные в п. 44 Правил Нельсона Манделы. Расхождения ПНМ и российского законодательства отмечаются при одиночном содержании осужденного в камере ШИЗО без вывода на работу. В связи с этим не следует забывать о рекомендательном характере рассматриваемых Правил, прямо указанном в Предварительном замечании № 2.

Относительно категорий лиц, которые не могут быть водворены в ШИЗО, то, по нашему мнению, в ч. 7 ст. 117 УИК РФ их перечень более дифференцирован по сравнению с требованиями п. 45.2 ПНМ – осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет в доме ребенка исправительного учреждения, и осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам (ПНМ – женщины с детьми), а также осужденные, являющиеся инвалидами I группы (ПНМ – страдающие психическим расстройством или имеющие физические недостатки, если принятие таких мер приведет к ухудшению их состояния).

Вместе с тем необходимо отметить, что Федеральным законом от 20 декабря 2017 г. № 410-ФЗ российским законодателем уже предприняты меры к инкорпорации рассматриваемых положений ПНМ в УИК РФ путем увеличения времени прогулок как меры поощрения отдельным категориям лиц, изолированным от основной массы осужденных. К таковым относятся осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях исправительных колоний и в тюрьмах.

Таким образом, представляется, что требования международно-правового подхода к одиночному заключению целесообразно имплементировать в национальное законодательство России путем закрепления в УИК РФ как самой дефиниции «одиночное заключение» и его признаков, так и механизма исполнения данной меры дисциплинарного воздействия.

Библиографический список

1. Павленко А. А. Обеспечение правопорядка в пенитенциарных учреждениях в свете Правил Нельсона Манделы // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4(33). С. 79–88.

УДК 343.26

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Сибирский юридический институт МВД России,
г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: pavlushat@mail.ru

СЛАВЯНСКИЙ ИЛИ СОВЕТСКИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ТИП (В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ)?

Для цитирования

Тепляшин, П. В. Славянский или советский пенитенциарный тип (в контексте теории типологизации европейских пенитенциарных систем)? / П. В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 210–216.

Аннотация. Посредством реализации методов классификации и типологизации осуществляется систематизация европейских пенитенциарных систем на десять типов, среди которых выделяется славянская пенитенциарная система. Обосновывается использование такого наименования, как «славянская пенитенциарная система», в основе которого лежит славянская правовая семья. Однако использование данного термина имеет в определенном смысле условный характер, но использование именно данной категории отражает единство подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения уголовных наказаний, что демонстрирует не формационный, а эволюционный характер ее развития. Тогда как использование термина «советский» приводит не только к идеологическому оттенку функционирования исправительно-трудовой системы соответствующего периода, но и необоснованно занижает значение особенностей развития системы исполнения наказания в досоветский, а также постсоветский периоды. Делается вывод, что выделение среди европейских пенитенциарных систем славянской демонстрирует наличие исторически сложившихся самобытных особенностей ее функционирования.

Ключевые слова: «гибридные» исправительные учреждения, Содружество Независимых Государств, места лишения свободы, модель обращения, осужденный, «пенитенциарная карта», помещения камерного типа, тюрьма.

Анализ состояния и проблем европейской пенологии с позиций сравнительного правоведения позволяет говорить о существовании наряду с «правовой картой» Европы ее «пенитенциарной карты», отражающей определенные теоретические и практические подходы к вопросам исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, в отдельных странах и регионах, что отражает научную логику выде-

ления в правовой доктрине криминального цикла наряду с теориями уголовно-правовой и криминологической систем теорию пенитенциарных систем. Явление правовых систем выступает основой исследования европейских пенитенциарных систем, поэтому использование типологического обобщения и осуществление процесса их классификации формируют системное представление о «европейской пенитенциарной карте». При этом именно метод классификации позволяет обнаружить место каждого элемента пенитенциарной системы в определенной группе при четко очерченной границе между классами. Метод типологизации, имея дело с нечеткими множествами признаков, позволяет систематизировать пенитенциарные системы на типы, сгруппировав их по одному или нескольким теоретически обоснованным и структурированным, связанным с глубинными закономерностями становления и развития пенитенциарных систем критериям: 1) пенитенциарная доктрина и мировоззрение, отражающие правовую культуру общества; 2) пенитенциарная политика, включающая в себя документы программно-стратегического характера (стратегии, концепции, программы и т. п.); 3) система учреждений и органов, исполняющих наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества; 4) соответствующее законодательство; 5) особенности правоприменительной практики, соответствующие средства и методы достижения поставленных перед данной системой целей и задач. Теоретическая типология европейских пенитенциарных систем, показывая идею охвата всего множества признаков пенитенциарной системы, дает возможность выделения следующих их типов: 1) англо-ирландский; 2) восточно-европейский; 3) германский; 4) голландский; 5) иберийский; 6) прибалтийский; 7) скандинавский (североевропейский); 8) славянский; 9) французский; 10) южно-европейский.

Обращая непосредственное внимание на использование такого наименования, как «славянская пенитенциарная система», необходимо отметить следующее. Так, среди многообразия правовых систем (семей) самостоятельное место занимает славянская правовая семья. При этом российская правовая система оказала значительное воздействие на национальные правовые системы многих постсоветских государств. Тесные геополитические, социально-экономические, демографические и культурно-исторические межгосударственные связи России с Белоруссией, Украиной, Молдовой позволяют объединять их в правовую семью «славянского» типа, что, в свою очередь, предопределяет выделение соответствующих правовых систем частного уровня, а именно славянской пенитенциарной системы, которая имеет технико-юридические и культурно-исторические особенности, отражающие более общие свойства правовой системы соответствующих государств: а) социальная организация, предполагающая в качестве основной хозяйственно-социальной ячейки общину, артель, товарищество и др., а не частнособственническое образование (превалирование «отрядно-колонийской» модели размещения осужденных в местах лишения свободы); б) государство является стержнем и фактически создателем гражданского общества, а не его инструментом (традиционно слабые позиции общественного контроля за условиями содержания осужденных); в) такие институты, как «государство», «общество» и «личность», тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, а не автономны и самостоятельны (отсутствие частных тюрем, формирование и существование криминальной субкультуры в местах отбывания уголовных наказаний). Конкретная модель обращения с осужденными в славянской пенитенциарной системе реализуется путем использования совокупности средств исправления, однако исправительному воздействию как самостоятельному публично-правовому институту присущи духовно-идеологические, культурно-цивилизационные и социально-экономические особенности, обусловленные правовой системой, поэтому современное разви-

тие отечественного уголовно-исполнительного права должно отражать юридическую культуру и правосознание граждан, сохранять исторические традиции.

Славянский тип пенитенциарной системы базируется на устойчиво консолидирующей цивилизационно-культурной платформе, элементами которой являются русская культура с определенными чертами общей исторической ментальности, русский язык, Русская православная церковь и русско-украинско-белорусская диаспора. В основе данной культуры находится, как отмечает Т. И. Демченко, понимание особенностей «духовности, православия, соборности, праведного правления, обязательности труда, совести, ответственности. Она дала русскую идею, основанную на специфическом мировоззрении, целостном религиозно-нравственном восприятии духовного и материального мира, характеризующемся единством знания и веры, чутьем правды» [1, с. 126]. Например, относительно России и Украины криминологами указывается, что эти государства «имеют богатую событиями и непростую историю совместного существования. Несмотря на то что в настоящее время Россия и Украина – независимые государства, их связывают тесные экономические, политические, культурно-исторические, демографические отношения» [2, с. 4].

Необходимо также отметить наличие, начиная с аннексирования Российской империей Бессарабии от Османской империи, глубоких социально-исторических, культурных и государственных молдавско-российских связей. При этом обнаруживается значительная типичность и схожесть молдавско-российской пенитенциарной доктрины и мировоззрения, организации функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания, законодательства и правоприменительной практики (что не свойственно для других, за исключением Белоруссии и Украины, бывших республик СССР), поэтому особого значения для интеграции молдавской сферы исполнения уголовных наказаний в славянский пенитенциарный тип принадлежность Молдавии к романским народам не имеет. Не случайно В. Н. Синюков указывает, что «славянский правовой тип... не сводится к этнически-славянскому национальному элементу... Самобытность славянской правовой семьи... обусловлена... глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни славянских и неславянских народов» [3, с. 215].

С государственно-правовых позиций объединяющим фактором выступает такое уникальное для современного мира международно-правовое образование, как Содружество Независимых Государств (СНГ). Пенитенциарная система славянского типа до сих пор характеризующаяся слабым системным характером взаимодействия на межгосударственном уровне (например, в Белоруссии Департамент исполнения наказания подведомствен МВД, тогда как в России Федеральная служба исполнения наказаний и в Молдавии Департамент пенитенциарных учреждений – Министерству юстиции, Государственная пенитенциарная служба Украины является независимым государственным органом исполнительной власти, подотчетным главе Правительства и лишь координируется Кабинетом министров Украины через министра юстиции), обладает исторически сложившимся и во многом незаменимым механизмом многоаспектного межнационального сотрудничества на постсоветском пространстве, значительным и долгосрочным латентным потенциалом сохранения культурно-правового суверенитета входящих в него пенитенциарных моделей. Совпадение интересов обеспечения совместной безопасности, в том числе за счет единообразных подходов в пенитенциарной практике, объективно обусловлено достигнутым существенным уровнем взаимной экономической, национальной, политической, международно-правовой, военно-стратегической, культурно-правовой интеграции государств – членов СНГ.

Можно резюмировать, что охват славянским типом пенитенциарных систем сферы исполнения уголовных наказаний только четырех указанных государств является авторской гносеологической позицией, которая, безусловно, не претендует на «истину в последней инстанции» и, возможно, заслуживает конструктивной критики, но призвана обратить внимание научной общественности на перспективы исследования уголовно-исполнительной системы России именно в данном методологическом ракурсе. При этом использование термина «славянский» имеет в определенном смысле условный характер. Однако использование именно данной категории отражает единство подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения уголовных наказаний, что демонстрирует не формационный, а эволюционный характер ее развития. Так, использование термина «советский» приводит не только к идеологическому оттенку функционирования исправительно-трудовой системы соответствующего периода, но и необоснованно занижает значение особенностей развития системы исполнения наказания в досоветский (в частности, активное использование каторжного труда как дешевой рабочей силы [4, с. 5–13], артельный и «вариативный» подходы к размещению осужденных [5, с. 31–34; 6, с. 110–111]), а также постсоветский (в частности, постепенное формирование «гибридных» исправительных учреждений с мультирежимными особенностями, развитие в них «тюремных начал» [7, с. 7–11; 8, с. 9–18], значительное усиление безопасности уголовно-исполнительной системы [9, с. 539–543; 10, с. 30–35]) период, тогда как категория «славянский» позволяет воедино охватить данные периоды, тем самым показывая не временный, а эволюционный характер самобытности становления, формирования и дальнейшего развития указанного типа пенитенциарной системы. Именно такой подход показывает наметившийся вектор развития отечественной системы исполнения уголовных наказаний от советской к пенитенциарной системе нового типа. Безусловно, советская исправительно-трудовая система во многом обладала мобилизационным характером и высокой экономической рентабельностью. Так, Б. З. Маликов справедливо пишет: «Система исправительных учреждений, сформированная в советский период, представляла собой на протяжении ряда десятилетий материальную основу, материализованный фактор и результат исправительно-трудовой политики. Она целые десятилетия составляла градообразующую и индустриальную основу социального функционирования многих населенных пунктов и целых регионов Сибири, Урала, Дальнего Востока, Севера» [11, с. 377]. В свою очередь, О. В. Филимонов указывает, что превалирование исправительных колоний связано с тем, что они «изначально создавались в целях массового привлечения осужденных к коллективному общественно полезному труду» [12, с. 33]. Определенный интерес представляет мнение А. Б. Ретиша, который, исследуя советскую пенитенциарную реформу 1917–1925 гг., приходит к выводу о том, что «русские революционные реформы в тюрьмах отличались от других стран двумя важными моментами. Во-первых, Советское государство первым предоставило каторжной тюрьме его естественного союзника – бессознательный пролетариат, которым необходимо было руководить и трансформировать... Во-вторых, революция и социальные потрясения Гражданской войны подорвали те самые реформы, которые государство поощряло. В то время как реформаторы мечтали о тюремной школе, реабилитированных заключенных, усваивающих социалистические идеалы, отсутствие ресурсов, негодность тюремных помещений, административные споры и социальный кризис превратили многие советские места заключения в полную противоположность того, что из них надеялись сделать – инсти-

туты наказания» [13]. Более того, Л. Пьячентини и Дж. Слейд отмечают, что «социальное и физическое структурирование коллективизма и пенитенциарного самоуправления остаются устойчивыми в постсоветский период... стойкие архитектурные формы и культурная привязанность к коллективизму составляют основу этой устойчивости» [14].

В определенной степени советская исправительно-трудовая система до сих пор сохраняет свою привлекательность, но уже имеет лишь инертное влияние на трансформацию современной сферы исполнения уголовных наказаний. В советский период она была значительно интегрирована в плановую экономику государства. Однако в условиях рыночных отношений уголовно-исполнительная система в большинстве своем уже не является действенным инструментом решения экономических задач государства. Соответственно снижается ценность отрядного способа размещения осужденных, но повышается важность усиления режимных требований к соблюдению осужденными обязанностей и запретов (в частности, за счет расширения практики использования помещений камерного типа, единых помещений камерного типа и т. п.). Это обстоятельство значительным образом воздействует на особенности архитектуры исправительных учреждений, размещения осужденных, правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, дисциплинарную практику, общественное воздействие и воспитательную работу, а также иные сегменты функционирования уголовно-исполнительной системы. Таким образом, термин «славянский» имеет некоторую условность его использования. Однако он указывает не просто на переходный характер пенитенциарной системы, а на ее цивилизованность, самобытность становления, формирования и дальнейшего развития.

Объединяющим фактором славянского типа пенитенциарной системы выступает наличие системообразующих правовых актов, в частности, Модельного уголовного кодекса и Модельного уголовно-исполнительного кодекса. Проводивший исследование теоретико-правовых основ унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России А. А. Захаров отмечает важность унификации путем взаимной интеграции отдельных правовых институтов в уголовно-исполнительные кодексы обоих государств [15, с. 11]. В свою очередь, О. С. Епифанов обоснованно указывает, что «для такой унификации имеются как объективные основания – многолетний опыт работы правоохранительных органов (в том числе учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания) республик СССР, а ныне суверенных государств, входящих в СНГ; наличие в прошлом единой правовой системы, включая почти тождественное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное (исправительно-трудовое) законодательство; так и субъективные – психологическая совместимость работников правоохранительных органов стран СНГ, в том числе персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, общность их правосознания и правоприменительной деятельности и т. п.» [16, с. 18]. На этом основании можно утверждать, что славянская пенитенциарная система является самостоятельным типом теории и практики воздействия на осужденное лицо, в котором система исполнения наказаний базируется на евразийской концепции, предполагающей органичное сочетание Западного и Восточного векторов развития пенитенциарной практики, складывающейся веками на протяжении всей истории России и тесно связанных с ней стран.

Таким образом, исследование европейских пенитенциарных систем способствует лучшему пониманию отечественных традиций в этой сфере, правового уклада и перспектив развития национального законодательства. Выделение среди европейских пенитенциарных систем славянской, объединяющей системы исполнения уголовных

наказаний России, Белоруссии, Украины и Молдовы, демонстрирует наличие исторически сложившихся самобытных особенностей ее функционирования, позволяет даже в условиях политически ангажированных попыток вывести из славянской правовой семьи Украину и Молдову, определить интегративные особенности данного типа, определяющие вектор его дальнейшего развития. При этом использование термина «славянский», имея в определенном смысле условный характер, отражает единство национально-географического подхода к основанию типологизации европейских пенитенциарных систем и позволяет хронометрически охватить до- и постсоветский периоды существования системы исполнения уголовных наказаний, показывая тем самым не формационный с идеологической подоплекой функционирования, а эволюционный характер ее развития.

Библиографический список

1. Демченко Т. И. Этнический, территориальный и темпоральный аспекты образования славяно-русского народа // *Lex Russica*. 2016. № 2. С. 122–146.
2. Олькова О. А. Криминологический и уголовно-правовой сравнительный анализ преступности в России и Украине в советский и постсоветский периоды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 24 с.
3. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010. 672 с.
4. Дорофеев Н. К., Дорофеев И. Н. Историческая эволюция использования труда осужденных в пенитенциарных учреждениях царской России // *Историко-экономические исследования*. 2009. Т. 10. № 1. С. 5–13.
5. Новиков Е. Е. Проблемы становления и развития регулирования размещения осужденных в местах лишения свободы в период формирования и реформирования пенитенциарной системы царской России // *Уголовно-исполнительное право*. 2010. № 1. С. 31–34.
6. Смирнов Л. Б. Особенности и проблемы развития пенитенциарной модели России // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2016. № 2(31). С. 110–115.
7. Уткин В. А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // *Уголовно-исполнительное право*. 2014. № 2. С. 7–11.
8. Уткин В. А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // *Вестник Кузбасского института*. 2014. № 4(21). С. 9–18.
9. Щербаков А. В. Безопасность уголовно-исполнительной системы: основные понятия и сущность // *Человек: преступление и наказание*. 2017. Т. 25. № 4. С. 539–543.
10. Усеев Р. З. Перспективы развития системы гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2017. № 4(179). С. 30–35.
11. Маликов Б. З. Становление уголовно-исполнительной политики в дореволюционной и советской России // *Уголовно-исполнительное право*. 2017. Т. 12(1–4). № 4. С. 374–379.
12. Филимонов О. В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // *Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития* : сб. материалов круглого стола, посвященного памяти Олега Вадимовича Филимонова (Москва, 31 мая 2013 г.) / вступ. слово Ю. И. Калинина ; под науч. ред. В. И. Селиверстова и В. А. Уткина. М., 2014. С. 19–35.
13. Retish A. B. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia. *Historical Research*, vol. 90, iss. 247, pp. 134–150.

14. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*, 2015, vol. 19 (2), pp. 179–197.

15. Захаров А. А. Теоретико-правовые основы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России : автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002. 24 с.

16. Епифанов О. С. Понятие и некоторые проблемы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств – участников СНГ // *Уголовно-исполнительное право*. 2007. № 4. С. 17–19.

УДК 343.241(479.24)

МУСА ГУМБАТ-ОГЛЫ ГУМБАТОВ,
заместитель начальника службы пробации Министерства юстиции
Азербайджанской Республики,
г. Баку, Азербайджанская Республика,
e-mail: qumbatovmusa@mail.ru

НОВЕЛЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, СВЯЗАННЫЕ С УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЕМ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Для цитирования

Гумбатов, М. Г. Новеллы в законодательстве Азербайджанской Республики, связанные с уголовным наказанием в виде общественных работ / М. Г. Гумбатов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 217–221.

Аннотация. Рассматриваются изменения, внесенные в законодательство Азербайджанской Республики в конце 2017 г., связанные с уголовным наказанием в виде общественных работ. Принятые новеллы создали благоприятные условия для устранения недостатков, решения ряда имеющихся проблем и совершенствования механизма исполнения наказаний в виде общественных работ. С целью повышения эффективности наказания в виде общественных работ и его исполнения, решения других проблем, встречающихся в практике, предлагается ряд изменений действующего законодательства Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: наказание в виде общественных работ, служба пробации, Азербайджанская Республика.

В связи с необходимостью продолжения мер по модернизации системы государственного управления в судебно-правовой системе, построения деятельности государства, связанной с исполнением наказаний, в соответствии с современными требованиями организации эффективной деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание, устранения имеющих место недостатков, полного обеспечения условий, исключающих коррупцию в области уголовного преследования и исполнения наказаний, а также применения новых технических средств и гуманизации карательной политики Президент Азербайджанской Республики 10 февраля 2017 г. подписал распоряжение «Об усовершенствовании деятельности в пенитенциарной сфере, гуманизации политики назначения наказания, расширении применения альтернативных мер наказаний и процессуального принуждения, не связанных с изоляцией от общества» [1]. В распоряжении наряду с другими вопросами были подчеркнуты и имеющиеся трудности в процессе исполнения наказания в виде общественных работ. В связи с этим соответствующим органам было поручено принять меры для полной регистрации указанных лиц по месту их работы, ве-

дения точного учета, отработанного осужденными времени и пресечения случаев уклонения их от общественных работ, а также установления ответственности должностных лиц за реализацию этого вида наказания. Для обеспечения эффективного контроля за исполнением общественных работ и других видов наказаний, не связанных с лишением свободы, в структуре Министерства юстиции Азербайджанской Республики была создана служба пробации, которая стала официально функционировать с 1 декабря 2017 г.

Исходя из вышеизложенного законодательным органом страны – Милли Меджлисом законами от 17 октября и 1 декабря 2017 г. были внесены существенные изменения в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы, а также в кодексы по административным правонарушениям и по исполнению наказаний Азербайджанской Республики. Этими изменениями были декриминализованы некоторые составы преступлений, в частности по экономическим преступлениям, сокращены пределы лишения свободы некоторых статей Уголовного кодекса, в систему наказаний было возвращено наказание в виде ограничения свободы, но уже с новым содержанием. Одновременно был совершенствован институт применения с потерпевшим, ужесточены требования к мере пресечения в виде заключения под стражу, расширены основы применения альтернатив к нему, в том числе условия применения электронных устройств контроля.

Значительные изменения коснулись и наказания в виде общественных работ, порядка его исполнения. При этом были учтены рекомендации Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), от 14 декабря 1990 г. а также опыт ряда европейских стран. Следует отметить, что вопросы, касающиеся истории возникновения, применения и исполнения наказания в виде общественных работ в Азербайджанской Республике, нами ранее были исследованы [2, с. 49–54].

Согласно изменениям, внесенным в ст. 47 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, во-первых, был расширен круг лиц, которым не назначаются общественные работы. Ими стали мужчины, самостоятельно воспитывающие детей до трехлетнего возраста и курсанты образовательных учреждений специального назначения, занимающиеся подготовкой военнослужащих. Во-вторых, в целях расширения применения общественных работ женщинам, имеющим на иждивении детей, возраст последних был снижен с восьми до трех лет.

Произошли изменения с заменой общественных работ другим видом наказания. Так, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания общественные работы сейчас можно заменить не только лишением свободы на определенный срок, но и ограничением свободы. При этом срок выполнения осужденным общественных работ учитывается при определении наказания в виде лишения свободы на определенный срок из расчета один день ограничения свободы – четыре часа или один день лишения свободы – восемь часов общественных работ.

Изменился и порядок исполнения общественных работ. В соответствии с новой ст. 34-1 Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики местные органы исполнительной власти соответствующей административной единицы до начала каждого нового месяца должны направить в Министерство юстиции республики список мест проведения и количество лиц, необходимых для осуществления общественных работ. До изменения закона чиновник-исполнитель службы пробации был обязан каждый раз согласовывать с органами местной исполнительной власти конкретные места работы для привлечения к общественным работам осужденных. В настоящее время в соответствии с Кодексом по исполнению наказаний Азербайджанской Республики чиновник-

исполнитель службы пробации направляет осужденного на работу согласно списку мест проведения общественных работ. При необходимости получения или уточнения необходимой информации о местах проведения общественных работ чиновник-исполнитель службы пробации может направить запрос в местную исполнительную власть, на которую последний должен ответить в течение пяти рабочих дней.

В целях усиления контроля за исполнением наказания в виде общественных работ в ст. 34 Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики была включена новая норма, которая обязала чиновника-исполнителя службы пробации не менее двух раз в месяц посещать места проведения общественных работ и по результатам составлять соответствующий протокол. Одновременно на чиновника-исполнителя службы пробации возложена другая обязанность. В соответствии со ст. 15-1 данного Кодекса, которая ввела понятие пробации и установила круг лиц, за которыми должен осуществляться пробационный контроль, при неустановлении места нахождения привлеченного к общественным работам осужденного свыше десяти дней чиновник-исполнитель службы пробации должен принять постановление о розыске и направить копию в местные органы полиции и одновременно ходатайствовать перед прокуратурой для направления представления в суд о его задержании.

Изменены и обязанности работодателя. Согласно новой редакции ст. 37 Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики работодатель кроме осуществления контроля за выполнением работ, ведения учета отработанных часов, информирования об уклонении осужденного от выполнения общественных работ должен также сообщать местному органу исполнительной власти о наличии мест для проведения общественных работ, составлять график выполнения соответствующих работ каждым осужденным и не позднее трех дней направлять его чиновнику-исполнителю службы пробации.

Необходимо отметить, что согласно вышеуказанному распоряжению главы государства Кабинетом министров страны постановлением от 17 октября 2017 г. № 438 были утверждены Правила определения мест и виды общественных работ, к которым должны привлекаться осужденные. В соответствии с этими Правилами осужденные могут быть привлечены к общественным работам в нижеуказанных местах и выполнять следующие виды работ:

- благоустройство и уборка территорий городов, районов, парков, площадей, дорог, в том числе осуществление их озеленения, ликвидация последствий снега и дождевых вод;
- сбор, сортировка, перевозка, размещение, использование, обработка, утилизация, обезвреживание и захоронение бытовых отходов, а также вещей, веществ, материалов, скопившихся в результате жизнедеятельности населения в местах их проживания;
- строительство и ремонт мест жительства граждан, больниц, школ, дошкольных образовательных учреждений, общежитий, пансионатов, учреждений социального обслуживания, а также других объектов социальной сферы;
- оказание помощи сельскохозяйственным учреждениям;
- ликвидация результатов природных катастроф;
- другие работы, имеющие общественное значение.

Согласно постановлению при исполнении наказания в виде общественных работ должны обеспечиваться права осужденных, связанные с нормами и принципами охраны труда, предусмотренными трудовым законодательством. Ответственность за соблюдение норм охраны труда и техники безопасности, а также за рациональное использо-

вание труда осужденных привлеченных к общественным работам несет руководство учреждений, где они трудятся.

Негосударственные юридические лица, функционирующие на территории соответствующей административной единицы, могут также обращаться в местные органы исполнительной власти для включения их в соответствующий список, определяющий места привлечения к общественным работам.

В соответствии с вышеуказанными Правилами при привлечении осужденных к общественным работам необходимо учитывать их возраст, опыт, профессиональные навыки, а также соответствие режима работы и необходимых условий состоянию здоровья. Предпочтение необходимо отдавать работам в коллективной форме и на открытом воздухе. При выборе мест и видов общественных работ для несовершеннолетних следует учитывать их пол, образование, место их основной работы, физическое здоровье и психологические особенности, а также взгляды по восприятию жизни. При этом нужно отдавать предпочтение тем местам и работам, за которыми затруднено свободное наблюдение со стороны, а также невозможно ведение фото- и видеосъемок.

Кроме вышеуказанных изменений, Кодекс по административным правонарушениям Азербайджанской Республики был дополнен ст. 528-1, которая установила ответственность должностных лиц за невыполнение обязанностей по исполнению наказания или административного взыскания в виде общественных работ. Согласно этой новой норме все субъекты, ответственные за организацию и проведение общественных работ, то есть должностные лица местной исполнительной власти, работодатель и чиновник-исполнитель службы пробации, за неисполнение возложенных на них обязанностей привлекаются к административной ответственности, и судом в отношении их может применяться взыскание в виде денежного штрафа. В соответствии с законодательством протокол об административном правонарушении в отношении должностных лиц местной исполнительной власти и работодателя составляет чиновник-исполнитель службы пробации, а в отношении последнего – прокурор соответствующего района (города).

Предполагаем, что указанные новеллы в законодательстве создали благоприятные условия для устранения недостатков, решения имеющихся ряда проблем, совершенствования механизма исполнения наказания в виде общественных работ, которые в ближайшем будущем могут выступить в качестве одной из главных альтернатив наказанию в виде лишения свободы в Азербайджанской Республике. Одновременно для повышения эффективности наказания в виде общественных работ и его исполнения, решения проблем, встречающихся в практике, требуется дальнейшее совершенствование законодательства. Во-первых, к субъекту, составляющему список мест общественных работ, то есть органам местной исполнительной власти, было бы целесообразно добавить и органы местного самоуправления. Принятие этого предложения могло бы существенно расширить возможности привлечения осужденных к общественным работам, в частности, в сельских местностях.

Во-вторых, в случае злостного уклонения осужденного от выполнения общественных работ предлагаем заменить ему наказание не только лишением свободы и ограничением свободы, но и исправительными работами. При этом замену можно было бы производить из расчета 30 часов общественных работ – один месяц исправительных работ.

В-третьих, предлагаем наделить чиновника-исполнителя службы пробации правом принятия решения по принудительному приводу осужденного, который уклоняется пройти регистрацию и получить направление на общественные работы. Это ускорило бы

процесс исполнения наказания, а также освободило бы прокурора и судью от принятия вышеуказанного решения в судебном порядке.

В-четвертых, в целях создания стимула для осужденных следует рассмотреть возможность применения условно-досрочного освобождения от отбывания общественных работ при добросовестном выполнении ими не менее половины установленных часов, а также при исключительных жизненных обстоятельствах (тяжелая болезнь, инвалидность, достижение пенсионного возраста, беременность или рождение ребенка).

Для реализации вышеуказанных предложений необходимо внести изменения в ст. 47, 69, 76 Уголовного кодекса и в ст. 34 Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики.

Наконец, последнее. Несмотря на возложение ответственности на руководителя учреждения за соблюдение норм защиты труда и техники безопасности, где трудятся осужденные, привлеченные к общественным работам, необходимо конкретизировать в соответствующих законодательных актах, в первую очередь в законах Азербайджанской Республики «О социальном страховании» и «О медицинском страховании», вопросы, связанные с возмещением ущерба при наступлении страховых случаев (болезнь, получение травм, инвалидность и т. д.). Это позволит существенно сократить время для получения соответствующих выплат и избежать необходимых судебных процедур, которые могут возникать между работодателем и осужденным.

Библиографический список

1. Азербайджан. 2017. 10 февр.
2. Гумбатов М. Г. Наказание в виде общественных работ в Азербайджанской Республике // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 49–54.

УДК 343.24

НИНА ЮРЬЕВНА СКРИПЧЕНКО,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация,
e-mail: n.skripchenko@narfu.ru

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ИЛИ ДЕКЛАРИРУЕМАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Для цитирования

Скрипченко, Н. Ю. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? / Н. Ю. Скрипченко // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 222–226.

Аннотация. Широкую поддержку в юридической науке находит идея снижения репрессивности уголовного закона, заложенная в проекте федерального закона, одобренном Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 31 октября 2017 г., предлагающем введение в законодательство категории «уголовный проступок».

Проведенный анализ законопроекта показал, что закрепление уголовного проступка обеспечивает более глубокую дифференциацию преступлений, обособляя те общественно опасные деяния, санкция за совершение которых не предусматривает наказание в виде лишения свободы. Учитывая, что к лицам, совершившим впервые уголовный проступок либо преступления небольшой или средней тяжести, предложено применять наряду с судебным штрафом иные меры, сходные (и по названию, и по характеру правоограничений) с такими видами наказаний, как обязательные и исправительные работы, нивелируется сама идея дифференциации уголовной ответственности, которая и положена в основу законопроекта.

Предложение о закреплении нового основания освобождения от уголовной ответственности как императивного и условного приводит к тому, что лицо, совершившее уголовный проступок, по сути наименьшее по степени опасности из числа уголовно наказуемых, не может быть освобождено от уголовной ответственности по другим основаниям, которые носят безусловный характер и не влекут применения мер государственного принуждения.

Не отрицая идеи более глубокой дифференциации преступлений и снижения репрессивности уголовного закона, следует отметить, что ее реализация требует не формальной корректировки названий, а дифференциации мер уголовно-правового характера, включая особенности их исполнения, что повлечет за собой пересмотр значительного количества нормативных актов материального и процессуального права.

Ключевые слова: уголовный проступок, преступление, категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности, иная мера уголовно-правового характера, гуманизация уголовного законодательства.

Идея законодательного закрепления уголовного проступка обсуждалась в уголовно-правовой доктрине начиная с 1970-х годов, найдя свое воплощение в теоретической модели уголовного законодательства, разработанной в 1987 г. [1] Статья 18 теоретической модели предусматривала разделение преступлений на четыре категории: 1) особо тяжкие; 2) тяжкие; 3) менее тяжкие; 4) не представляющие большой общественной опасности (уголовные проступки). Однако ни в указанный период, ни в 1990-е годы, когда разрабатывался и принимался действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), данная идея не вызывала интереса у законодателя. По прошествии 30 лет предложение о закреплении уголовного проступка не только стало предметом научных дискуссий [2, 3], но и было заявлено Председателем Верховного Суда РФ в качестве элемента новой концепции уголовно-правовой политики России. Выступая на IX Всероссийском съезде судей, В. М. Лебедев отметил, что, несмотря на ряд принятых мер, по-прежнему сохраняются достаточные правовые условия для дальнейшей гуманизации уголовного законодательства. Определяя уголовный проступок как самостоятельный вид нарушения закона, который не влечет за собой наказания в виде лишения свободы, Председатель Верховного Суда РФ акцентировал внимание на том, что главное его отличие заключается в юридических последствиях применения мер государственного принуждения, которые не влекут за собой судимости, затрудняющей социальную адаптацию осужденного, что «поможет не калечить судьбу человека, который может еще исправиться» [4].

Пленум Верховного Суда РФ поддержал озвученную идею, внося в парламент проект федерального закона, содержащего ряд изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации в связи с введением уголовного проступка. Сегодня есть основания полагать, что означенный элемент новой концепции уголовно-правовой политики получит законодательное закрепление, что обусловлено не столько изменившимися (с момента разработки теоретической модели уголовного законодательства) социально-экономическими и политическими условиями, сколько доводами, положенными в основу предлагаемых реформ (дальнейшая гуманизация уголовного законодательства), а также авторитетом лиц, их продвигающих.

Именно идея снижения репрессивности уголовного закона, выступающая лейтмотивом законодательных новелл, находит широкое одобрение в юридической науке. Так, по мнению А. Безверхова и А. Денисовой, начало законодательного оформления института уголовных проступков было положено уже в 2016 г., когда УК РФ был дополнен новым видом освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ), расширен перечень мер уголовно-правового характера (ст. 104.4, 104.5 УК РФ), декриминализованы ряд преступных деяний и криминализовано их повторное совершение [5, с. 27].

Разделяя предложение о введении уголовного проступка в отечественный УК РФ, А. Кибальник считает, что данное решение не только снизит репрессивность уголовно-правовой реакции на мелкую преступность, но и обеспечит новое качественное наполнение законодательной дифференциации уголовной ответственности; даст стимул к развитию мер уголовно-правовой реакции, не связанных с наказанием; внесет ясность в разделение «зон ответственности» уголовного и административно-деликатного права [6, с. 65].

Исходя из того, что действующее уголовное законодательство перенасыщено уголовно-правовыми запретами, через механизм уголовной ответственности в

2012–2015 гг. ежегодно «проходило» порядка 900 тыс. взрослого населения страны, а криминологическая характеристика преступлений небольшой тяжести и лиц, виновных в их совершении, свидетельствует о невысокой общественной опасности этих преступлений и виновных лиц, а также об отсутствии устойчивой антиобщественной ориентации личности. Б. Я. Гаврилов и Е. В. Рогова считают, что имеются социально-правовые аспекты законодательного закрепления уголовных проступков [7, с. 4–5]. По мнению ученых, реализация указанного предложения не только создаст предпосылки для положительных изменений в социальной структуре общества за счет значительного сокращения лиц, имеющих судимость, но и обеспечит более реалистичную картину преступности, так как наметившаяся в последние годы негативная тенденция снижения уровня процессуального реагирования на сообщения о преступлении влечет за собой недостоверность показателей уголовно-правовой статистики.

Отмечая, что «сама по себе репрессивность уголовного закона – это имманентно присущее ему качество; уголовный закон не может быть никаким другим, в противном случае – это не уголовный закон», Н. А. Лопашенко справедливо указывает, что «действующее российское уголовное законодательство давно забыло необходимую и достаточную меру репрессивности, перейдя черту нормы» [8, с. 84]. И то, что об этом говорит уже Председатель Верховного Суда РФ, по мнению Н. А. Лопашенко, есть безусловный прогресс, помня многие небесспорные инициативы криминализации последних лет (мошенничество прежде всего), рожденные именно в Верховном Суде РФ [8, с. 84].

Указанное актуализирует анализ изменений и дополнений, грядущих в УК РФ, в связи с введением уголовного проступка.

Изучение соответствующего законопроекта позволят сделать вывод о том, что не все ожидания нашли отражение в нем. Вопреки прогнозам отнесения к уголовным проступкам не только преступлений небольшой тяжести [2, 5, 7], но и отдельных преступлений средней тяжести Верховный Суд РФ отказался от радикальных изменений в систематизации преступлений по категориям, предложив дополнить ч. 2 ст. 15 УК РФ предложением следующего содержания: «Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком».

Предложенная редакция действительно обеспечивает более глубокую дифференциацию преступлений, обособляя те общественно опасные деяния, санкция за совершение которых не предусматривает наказание в виде лишения свободы. Однако влечет ли такая дифференциация гуманизацию уголовного законодательства? На первый взгляд ответ положительный, так как проект федерального закона предусматривает ряд серьезных изменений и дополнений:

– сокращение сроков давности привлечения к уголовной ответственности – один год после совершения уголовного проступка (ст. 78 УК РФ);

– сокращение фактических сроков наказания, которое должен отбыть осужденный, претендующий на условно-досрочное освобождение от наказания, – одна четвертая срока наказания (ст. 79 УК РФ);

– сокращение сроков давности обвинительного приговора суда – один год после совершения уголовного проступка (ст. 83 УК РФ);

– лица, впервые совершившие уголовный проступок (равно как преступление небольшой и средней тяжести), могут быть освобождены от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера (ст. 76.2 УК РФ).

Анализ указанных положений позволяет усомниться в либеральном характере заявленных реформ. В частности, предлагаемое новое основание прекращения уголовного преследования (ст. 76.2 УК РФ) носит императивный и условный характер (так как в случае злостного уклонения виновного от исполнения назначенных ему иных мер последние отменяются судом, а виновный привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ). Следовательно, лицо, совершившее уголовный проступок, по сути наименьшее по степени опасности из числа уголовно наказуемых, не может быть освобождено от уголовной ответственности по другим основаниям (ст. 75, 76 УК РФ), которые носят безусловный характер и не влекут применение мер государственного принуждения.

Обращает на себя внимание предложенный в законопроекте перечень иных мер, которые могут быть назначены лицу, совершившему уголовный проступок: судебный штраф, обязательные работы, исправительные работы. На наш взгляд, по своей правовой природе иные меры, выступая альтернативной наказанием, должны отличаться от него [1, с. 8]. В проекте же закона единственное их отличие носит формальный характер (срок и размер, который по сравнению с наказанием сокращен вдвое), в остальном они дублируют уголовные наказания (причем и по названию, и по характеру правоограничений). В этом случае нивелируется сама идея дифференциации уголовной ответственности, которая, по мнению субъекта законодательной инициативы, и положена в основу законопроекта. Закрепленное в проекте разграничение уголовного проступка от иных преступлений не на основе юридически значимых признаков состава преступления, а исходя из размеров и сроков наказаний, предусмотренных санкцией соответствующей нормы, явно нарушает систему права и не обеспечивает возможности понимания социального значения охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Следовательно, теряется смысл предложенной дифференциации преступлений на фоне применения одних и тех же иных мер в отношении лиц, впервые совершивших уголовный проступок, преступление небольшой или средней тяжести.

Кроме того, закрепление предложенного Верховным Судом РФ основания освобождения от уголовной ответственности как условного (так как злостное уклонение от отбывания (исполнения) иных мер влечет за собой их отмену и привлечение виновного к уголовной ответственности) актуализирует вопрос о том, какие меры уголовно-правового характера могут быть назначены обвиняемому в случае их отмены. Учитывая, что санкция за уголовный проступок не предусматривает лишения свободы, единственной альтернативой может выступать наказание в виде ограничения свободы. Или назначать все те же меры – штраф, обязательные и исправительные работы, но уже как наказание будут ли они эффективными в этом случае?

Не отрицая идеи более глубокой дифференциации преступлений и снижения репрессивности уголовного закона, следует отметить, что ее реализация требует не формальной корректировки названий и «подгона» содержания, а дифференциации мер уголовно-правового характера, включая особенности их исполнения, что повлечет за собой пересмотр значительного количества нормативных актов материального и процессуального права. Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, идея, направленная на гуманизацию уголовного законодательства, – работа кропотливая и очень тонкая, чувствительная для всех уголовно-правовых институтов [8, с. 93].

Библиографический список

1. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987. 276 с
2. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с.
3. Головкин Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции criminal matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 51–52.
4. Выступление В. М. Лебедева на IX Всероссийском съезде судей // Официальный интернет-сайт Президента Российской Федерации. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 05.04.2018).
5. Безверхов А. Г., Денисова А. В. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 25–29.
6. Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65–68.
7. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.
8. Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84–99.

УДК 343.83:343.9

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ МИЛЮКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК КРАСНИКОВОЙ Е. В.
«КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИИ
В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ»**

Для цитирования

Милюков, С. Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Красниковой Е. В. «Криминологическая характеристика и предупреждение коррупции в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы» / С. Ф. Милюков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14(1–4), № 2. – С. 227–231.

Аннотация. Обосновывается актуальность диссертационного исследования, отмечаются достоинства работы, а также некоторые упущения автора исследования. Делается вывод о том, что автор диссертационного исследования заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08.

Ключевые слова: диссертация, соискатель, предупреждение коррупции, лишение свободы, преступления.

Пораженность коррупцией всех сфер и этажей российского общества и государства – непреложный факт. На фоне грандиозной по своим масштабам коррупционной деятельности Улюкаева, Хорошавина, Гайзера, Белых, полковника Захарченко и генерала Реймера более мелкие взяточники кажутся безобидными делинквентами, не заслуживающими острой репрессивной реакции государственной машины. На самом же деле именно массовая коррупция наиболее пагубно сказывается на повседневной жизнедеятельности народонаселения, сводит на нет все стратегические установки руководства страны, подрывает национальную безопасность России в целом и каждого законопослушного гражданина в частности.

В полной мере изложенное относится к взаимосвязанным процессам исполнения и отбывания лишения свободы как наиболее чувствительного (не считая смертной

казни) наказания для опасных и особо опасных преступников. Следует полностью согласиться с соискателем в том, что в «условиях коррумпированности должностных лиц пенитенциарной системы [...] аннулируются [...] все предыдущие усилия правоохранительных органов, связанные с выявлением, раскрытием и расследованием преступлений» (с. 4).

Автору без особого труда удалось обеспечить существенную научную новизну полученным им результатам, поскольку диссертация представляет собой первое монографическое исследование коррупции в рассматриваемой области государственной деятельности.

Суждения соискателя базируются на разнообразной эмпирической базе, включающей в себя результаты лично проведенного социологического исследования, в ходе которого проинтервьюированы 56 лиц, отбывающих лишение свободы, 335 экспертов из числа прокурорских работников и 98 сотрудников ФСИН России (с. 9 и далее по тексту).

Несомненной заслугой автора является выявление форм коррупционного поведения, остающихся пока за рамками правового регулирования. К таковым относятся «отношения подкупа-продажности, основанные на злоупотреблении влиянием на администрацию исправительных учреждений лидеров организованных объединений осужденных, распространение коррупционной идеологии в пенитенциарной среде, поддержание субъектами отбывания наказания связей с криминальными авторитетами в коррупционных целях, незаконное вмешательство лиц, обладающих соответствующим влиянием, в управление процессами исполнения и отбывания наказания» (с. 11).

Столь же убедительны и значимы другие положения, непосредственно выносимые на защиту, и прежде всего 4, 7, 8-е и 9-е (с. 12–15).

Положения и выводы диссертации в достаточной мере апробированы на представленных научно-практических конференциях, в том числе в ведущем профильном вузе – Академии ФСИН России (с. 16–17), а также отражены в одиннадцати публикациях, пять из которых размещены в ведущих рецензируемых журналах, указанных в перечне ВАК при Минобрнауки России (с. 31–33 автореферата). К сожалению, было опущено название статьи, опубликованной в журнале «Безопасность бизнеса» в 2016 г. (с. 32 автореферата).

Диссертация и ее автореферат написаны хорошим литературным языком, аккуратно оформлены и почти лишены опечаток и прочих технических дефектов (за исключением вышеуказанного).

Говоря более конкретно о достоинствах анализируемого сочинения, следует отметить следующее.

В диссертации обнародованы ранее закрытые статистические данные о состоянии, структуре и динамике коррупции в местах лишения свободы (с. 5–7, 76–77), хотя, как резонно отмечает ее автор, и они «не позволяют в полной мере оценить ситуацию» (с. 75) ввиду чрезвычайно высокой латентности соответствующих посягательств (с. 87–88).

Заслуживает поддержки предложение соискателя рекриминализировать по примеру ст. 188⁴ УК РСФСР 1960 г. и законодательства ряда сопредельных государств передачу запрещенных предметов и вещей лицам, отбывающим лишение свободы (с. 96). Прежде всего это касается мобильных средств связи (с. 46–47, 51, 57), поскольку наличие таковых у осужденных обеспечивает продолжение их активной преступной деятельности, дискредитирует основное режимное средство индивидуальной профилактики – изоляцию опасных преступников от общества. Отнюдь не случайно в работе приводится пример получения взятки в размере 300 тыс. рублей заместителем Волго-

градского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях и помощником такового «всего» лишь «за непринятие мер реагирования [...] в связи с использованием [...] запрещенного предмета – сотового телефона (с. 59).

Соискатель смело вскрывает детерминанты коррупции в пенитенциарной системе России. При этом не только воспроизводятся уничижительные оценки морально-нравственного состояния постсоветского общества, данные в работах В. В. Лунеева и Н. М. Римашевской (с. 104–105), но и указывается на провоцирующую роль рейтинговой оценки работы территориальных органов и учреждений УИС, которая толкает их руководителей на перманентное сокрытие от учета различного рода правонарушений и преступлений (с. 109–110, 151).

Отмечен также вопиющий факт наличия среди сотрудников УФСИН России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре не только лиц с конфликтом интересов и не имеющих требуемого образования, но и иностранцев, а также ранее судимых (!) (с. 157). Однако результатом прокурорского реагирования на эти должностные злоупотребления явилось почему-то лишь *дисциплинарная* ответственность виновных (с. 158).

Автор столь же смело вступает в полемику с известными правоведами и криминологами, подвергая, скажем, аргументированной критике профессора Н. А. Лопашенко за апологию совершенно криминологически необоснованного решения законодателя изъять конфискацию имущества из отечественной системы наказаний (с. 176–177) вопреки протестам ряда неангажированных ученых и широких слоев российского общества.

Вполне убедительным выглядит предложение диссертанта расширить объем отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ (с. 177–178), который в нынешней редакции противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и мешает адекватной оценке общественной опасности коррупционной деятельности в сфере исполнения наказаний (с. 177–178).

Внимание законодателя заслуживает и рекомендация дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьей 321.1 («Использование действительного или предполагаемого влияния лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы») (с. 178–179, 198–199).

Вместе с тем анализируемая диссертация имеет некоторые упущения и недостаточно обоснованные положения. Укажем на основные из них.

Диссертант утверждает, что к лишению свободы ежегодно осуждается «более 30 тыс. человек» (с. 4). И это нельзя считать опиской, поскольку на той же странице данная величина конкретизирована как 35 483 лица в 2013 г. и 35 416 лиц в 2014 г. Между тем только за кражу при отягчающих обстоятельствах (ч. 2, 3 ст. 158 УК РФ) и только за шесть месяцев 2016 г. к реальному лишению свободы было приговорено 24 308 чел.

Не меньшее удивление вызывает авторское определение лишения свободы в виде «изоляции осужденного [...] от общества на срок от 2 месяцев до 20 лет» (с. 26). Достаточно заглянуть в закон (ст. 56, 57 УК РФ), чтобы убедиться, что таковая изоляция может достигать 25, 30 и даже 35 лет, не говоря уже о пожизненном лишении свободы. И это немаловажно в ракурсе рассматриваемой темы, поскольку длительные и сверхдлительные сроки заключения могут стимулировать повышенную коррупционную активность субъектов пенитенциарных отношений.

Использованная в работе нормативная база изрядно устарела. УК РФ, УИК РФ, УПК РФ и КоАП РФ приводятся в первоначальных редакциях (с. 203–204), что практически исключает возможность оперировать их текстами (за исключением историко-правовых сравнений).

Печально, что этот изъян относится и к основополагающим федеральным законам – «О противодействии коррупции» (с. 21), который менялся тринадцатью федеральными законами; «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с. 27–28), реконструировавшийся двадцатью четырьмя федеральными законами; «О прокуратуре Российской Федерации» (с. 71), который редактировался законодателем не один десяток раз.

Аналогично состояние использованных соискателем подзаконных нормативных актов – Указа Президента РФ «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (с. 28), который видоизменялся главой государства 18 раз; постановления Правительства РФ «Об утверждении перечня видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему» (с. 28) и Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений 2005 г. (с. 92–93, 115).

Отмеченные недостатки можно было бы списать на чисто технические огрехи, характерные для большинства кандидатских и даже докторских диссертаций по юридическим специальностям, если бы не еще более значимый пробел – в диссертации даже не упоминается (!) Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ, кардинально реконструировавший систему норм, обеспечивающих репрессивное воздействие на само ядро коррупционных посягательств – взяточничество. В связи с этим достаточно указать на появление в УК РФ статьи 291.2 («Мелкое взяточничество»), поскольку не кто иной, как автор рассматриваемой диссертации, говорит о большом распространении мелких поборов со стороны сотрудников исправительных учреждений (с. 90–91).

Аналогичная судьба постигла и принятый 23 июня 2016 г. Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», анализ которого, безусловно, обогатил бы главу 3 данной диссертации (с. 140–192).

Диссонирует с рядом развиваемых автором идей криминологически наивное суждение о наличии якобы положительной тенденции «снижения уровня коррупционной преступности в стране» (с. 141). Столь же примитивным выглядит объяснение прироста выявленных УСБ ФСИН России преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками УИС (с. 149).

Более трезво, на наш взгляд, оценивают обстановку в местах лишения свободы опрошенные соискателем прокуроры и сотрудники ФСИН России, которые в своем подавляющем большинстве отмечают недостаточную эффективность борьбы с коррупцией (с. 150). Проще говоря, любое мало-мальски значимое усилие контролирующих органов вызывает всплеск регистрации коррупционных проявлений, а угасание таковой активности статистически выражается в «стабилизации» или даже «улучшении» коррупционного климата в местах заключения (как, впрочем, и на свободе, о чем свидетельствуют сенсационные разоблачения крупных и сверхкрупных взяточников в 2016 г.).

Выше мы поддержали введение уголовной ответственности за «торговлю» влиянием на администрацию учреждения или органа УИС. Однако просто обойтись банальным увеличением срока лишения свободы в отношении таковых «торговцев» представляется явно недостаточным. Назрела необходимость создания исправительных колоний *специального* режима для изоляции в них не только от общества, но и от основной массы осужденных так называемых преступных «авторитетов», продолжающих свою злонамеренную деятельность в местах изоляции.

Полезным будет и использование советского опыта запрета на условно-досрочное освобождение особо опасных преступников.

Выявленные недостатки несколько снижают научную и прикладную ценность рассмотренной работы, однако они не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Криминологическая характеристика и предупреждение коррупции в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы» является законченным научно-квалификационным исследованием актуальной и недостаточно изученной криминологической проблемы, в целом соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней (в редакции постановления Правительства РФ от 2 августа 2016 г. № 748), а Екатерина Всеволодовна Красникова, как ее автор, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата юридических наук.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

NIKOLAY ALEKSEEVICH STRUCHKOV AND MIKHAIL PETROVICH MELENTIEV DEDICATED

Andrey Petrovich Skiba, Grand Doctor of Law, Associated Professor, head of Penal law department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: apskiba@mail.ru;

Irina Nikolaevna Korobova, PhD (Law), Associated Professor, vice head of Penal law department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: i-korobova@yandex.ru

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE “ACTUAL PROBLEMS OF PENAL LAW AND EXECUTION OF PUNISHMENTS” DEDICATED TO THE MEMORY OF ROFESSORS N. A. STRUCHKOV AND M. P. MELENTIEV (20 APRIL, 2018)

Recommended citation

Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2018, ‘All-Russian scientific-practical conference “Actual problems of Penal law and execution of punishments” dedicated to the memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentiev (20 April 2018)’, *Penal Law*, vol. 14 (1–4), iss. 2, pp. 112–115.

Abstract. On April 20, 2018 Penal law department of the Academy of Federal Penal Service of Russia together with the scientific and educational center “Problems of Penal law” of the law department of Moscow state university named After M. V. Lomonosov within the framework of the project “brand identity” held the all-Russian scientific and practical conference “Actual problems of Penal law and execution of sentences” dedicated to the memory of Struchkov N. A. and Melentyev M. P. During this scientific event the movie about the penal law department of the Academy of the Federal Penal Service of Russia was demonstrated, video messages to the participants of the conference from the representatives of Altay state university and the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus were shown and presentation of educational publications were demonstrated, including the Commentary to the Penal code of the Russian Federation of the team of authors included the staff of the Academy of FPS of Russia.

Keywords: All-Russian scientific-practical conference, brand identity, professor Melentiev M. P., professor H. A. Struchkov N. A., development of the punishment execution theory, modern condition and problems of liberty deprivation execution, alternative measures of punishment.

References

Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2017, ‘All-Russian scientific-practical conference “Vital problems of penal law & punishment execution” dedicated to the memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentiev’, *Penal Law*, vol. 12, iss. 2, pp. 99–102.

THE THEORY OF PENAL LAW

Aidarkan Baydekovich Skakov, Grand Doctor of Law, Professor of the criminal law disciplines department, Eurasian national university named after L. N. Gumilev, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: editor62@yandex.ru

ON THE IMPRISONED CONVICTS BEHAVIOR

Recommended citation

Skakov, A. B. 2018, 'On the imprisoned convicts behavior', *Penal Law*, vol. 14 (1–4), iss. 2, pp. 116–123.

Abstract. Ensuring human rights and legitimate interests in Kazakhstan and Russia is a prior activity of the state. One of the most effective ways to encourage law-abiding behavior of convicts is to implement a progressive system of serving sentences. Unfortunately, the term “progressive system” is not used in the current Kazakh and Russian legislation. It is much more common in the literature than in normative legal acts.

The article presents the author's understanding of the progressive system and proposes its definition taking into account the positions of various scientists. The importance of effective implementation of the institutions of the progressive system for crime prevention both in isolation from society and after the release from punishment is considered.

The key point in the application of progressive system institutions is to determine the degree of convicts' correction. The generally recognized classification of convicts is given: positive convicts (those who have embarked on the path of correction, who have firmly embarked on the path of correction and proved their correction) and negative ones (those who have not embarked on the path of correction and petty violators of the regime). In this regard the author offers the idea of the criteria for correction of the convicts, classification of degrees of correction. Three classification groups are analyzed (those that have embarked on the path of correction, those that have firmly embarked on the path of correction, and those that have proved their correction). On the basis of this analysis the conclusion is made about the insufficiency of these criteria in modern conditions, that is, the need to differentiate the degree of correction of a large number of categories of convicts.

Keywords: penal legislation, convicts, progressive system, convicts reformation.

References

Avanesov, G. A. & Struchkov, N. A. (eds) 1970, *Progressive system of serving deprivation of liberty*, Moscow.

Astemirov, Z. A. 1966, 'On the nature & criteria of correction of convicts', *Problems of Correction & Re-education of Prisoners*, Rostov-on-Don, pp. 20–26.

Bazhanov, O. I. 1981, *Progressive system of execution of punishment*, Minsk.

Belyaev, N. A. 1963, *Objectives of punishment and means of achieving them in correctional labor institutions*, Leningrad.

Brilliantov, A. V. 1997, *Differentiation of punishment & the degree of correction of persons sentenced to deprivation of liberty: monograph*, Moscow.

Vasilyev, A. I. 1982, *Legal basis for the application of measures of encouragement & punishment of prisoners*, Ryazan.

Mikhlin, A. S. & Struchkov, N. A. 1983, 'Controversial issues of the replacement of the unserved part of punishment for more lenient penalty', *Problems of Release of Condemned Per-*

sons from Punishment: Proceedings of All-Russia Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, no. 67, pp. 30–35.

Zamaldinov, M. 2002, 'Purpose of penal legislation of the Republic of Kazakhstan require a fundamental change', *Femida*, no. 12, pp. 30–34.

Sinichkin, A. A. 2003, *Assessment of correction degree of sentenced to imprisonment: PhD (Law) thesis*, Kazan.

Sungurov, F. R. 1976, *Socio-psychological & legal aspects of correction and rehabilitation of offenders*, Kazan.

Tkachevsky, Yu. M. 1965, *Release from sentence according to presentsoviet Criminal law: PhD (Law) thesis*, Moscow.

Chukmaitov, D. S. 1999, *Theoretical foundations of the system of execution of penalties under the legislation of the Republic of Kazakhstan: monograph*. Almaty.

Vyacheslav Yefimovich Yuzhanin, Grand Doctor of Law, Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education, Professor of Criminal law and procedure department, Ryazan state university named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

FICTION NORMS IN THE INSTITUTE OF EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Recommended citation

Yuzhanin, V. Ye. 2018, 'Fiction norms in the institute of execution of punishment in the form of deprivation of liberty', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 124–129.

Abstract. Penal Code of the Russian Federation includes the number of fiction norms which are aimed at the results desired by the legislators, but because of the lack of organizational and psychological conditions coming from the executor of law they are never applied or rarely applied.

In particular, they are contained in part 1 article 1 – defined goal is the correction of convicts which means the development of their respect to a person, society, labor, norms and rules of human coexistence (part 1 article 9 of the Penal code of the Russian Federation).

To achieve such a goal in closed from society correctional institutions is impossible. This was confirmed by the conducted research: the majority (60 %) of correctional officers defined as the main not the correction of convicts, but ensuring compliance with the rules of the regime by convicts; also, the majority of convicts (81 %) replied that they didn't repeat crimes not due to the educational system, but because of the fear of a new conviction; part 2 article 2 - assistance to convicts in social adaptation. In reality such assistance can be provided only in conditions of freedom, and the norms of the legislation "do not reach" this sphere of social relations, as they are aimed only on the execution of punishment and preparation of convicts for release.

In conditions of freedom there is no service that would treat the released persons, so it is proposed to replace the purpose of the penal legislation i.e. the correction of convicts for their re-socialization, which is associated with the social adaptation of the released; Article 97 which provides for the departure of convicted persons from the correctional institution. This possibility is provided very rarely, and in some subjects of the Russian Federation it is not provided at all.

It is proposed to include such departures in the rules of the Penal code of the Russian Federation establishing the conditions of serving sentences for each type of regime of correctional colonies, along with the provision of visits, receiving parcels, etc.; part 1 of Article 89 which provides the possibility of convicts to have long visits outside the correctional institution. In most of the subjects of the Russian Federation these visits are not provided at all because of the fear of the correctional institution administration that they will violate the rules or commit new crimes. It is proposed to include the long-term visits as an element of the conditions of punishment in each type of correctional colonies; Article 182 which establishes the right of convicts to work and live in a household. This right is declared, since the law does not provide the obligatory law for the state, but only requires the notification of the employment service and local public authorities to assist released persons to find the work and accommodation.

Keywords: impossibility to correct the convicts, resocialization of convicts, maintain the regime in a correctional institution, assistance to convicts in social adaptation, departure of convicts outside the correctional institution, long visits with living outside a correctional institution, conditions of serving a sentence, labor and household assistance of the released.

References

Gorban, D. V. & Yuzhni, V. Ye. 2016, *Accommodation of convicts outside the correctional institution as the stage progressive system прогрессивной of deprivation of liberty: theoretical problems of theory & practice: monograph*, Tomsk.

Dendeber, S. N. 2012, *Institution of departure of convicts outside the correctional institution: PhD (Law) thesis*, Ryazan.

Yulia Aleksandrovna Golovastova, PhD (Law), head of legal disciplines and humanities department, private educational institution of higher education Moscow University named after S. Yu. Vitte, Ryazan, Russian Federation, e-mail: UGolovastova@yandex.ru

ON THE QUESTION OF EXECUTION OF OTHER MEASURES OF CRIMINAL LEGAL NATURE

Recommended citation

Golovastova, Yu. A. 2018, 'On the question of execution of other measures of criminal legal nature', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 130–139.

Abstract. In the article the author analyzes the implementation of other measures under the penal law in the context of penal law structure revision.

The subject of the research is a set of rules of penal law regulating social relations concerning the execution of other measures under criminal law, as well as materials of judicial and law enforcement activities.

The purpose of the research is a comprehensive analysis of the modern condition of criminal law as a branch of law, the revision of its internal structure; the separation of additional penal law sphere – relations after release from penitentiary.

It is proposed to include after-penitentiary relations resulting from the replacement of the criminal penalty in the form of imprisonment for other measures of criminal legal nature in the subject of the penal law.

In the article the author considers the controversial issues of legal regulation of the process of execution of criminal law measures which are not the forms of criminal responsibility. It is emphasized that post-penitentiary relations being a kind of penal law relations have a different modified nature from the typical penal law relations because the emphasis is made not on the punitive, but on the controlling purpose on the part of penal institutions and bodies; there is obvious specific character in the combination of field methods of legal regulation.

It is concluded that after-penitentiary law is not a sub-branch of the penal law, but there is background for its development in future years: general provisions on the execution of other measures under criminal law, differentiated penal institutions which are the forms of implementation of criminal liability and application of corrective and preventive measures to convicted persons.

The author proves the suggestions on scientific issues on penal law improvement.

Keywords: penal law as the branch of Russian law, penal law subject, after-care law (after penitentiary), penal law norm, penal law institution, penal law structure, penal law, penal law relations, criminal liability.

References

Biktemerov, E. L. 2009, *Other measures under Criminal law & their role in implementation of Russian penal law: PhD (Law) thesis*, Saratov.

Borovikov, S. A. 2009, *Educational measures of compulsion as an alternative to juveniles' punishment*, Moscow.

Golovastova, Yu. A. 2017 & Seliverstov, V. I. 2017, *Penal law as the branch of Russian law: modern view: monograph*, Moscow.

Zvecharovsky, I. E. 2007, 'Measures of Criminal Law', *Legality*, no. 1, pp. 19–21.

Zvecharovsky, I. E. 2007, 'Some problems of criminal law norms incoherence (in the aspect of RF Criminal Code tasks)', *Criminal Law*, no.1, pp. 20–24.

Kelina, S.G. 2007, 'Other measures of criminal character as the institute of Criminal law', *Criminal law: development strategy in XXI century: Proceedings of the 4th International Scientific & Practical Conference (Moscow 25–26 January, 2007)*, Moscow, pp. 283–288.

Karpov, V. S. 2013, 'On the problem of definition of criminal measure & its regulation in the Criminal Code of the Russian Federation', *Prolog: Law Journal*, no. 3(3), pp. 30–34.

Kurganov, S. I. 2007, 'Measures of criminal legal character', *Criminal Law*, no. 2, pp. 59–63.

Lavrov, V. V. 2007, 'Measures of criminal law in the modern system of law enforcement (problems and prospects)', *Russian Investigator*, no. 4, pp. 18–21.

Lopashenko, N. A. 2012, *Confiscation of property: monograph*, Moscow.

Minyazeva, T. F. 2007, 'Purposes of punishment and other measures of criminal law and means of achieving in modern criminal law', *Laws of Russia: Experience, Analysis*, no. 5, pp. 81–87.

Nepomnyaschaya, T. V. 2017, 'The problem of purpose and execution of property confiscation as alternative measure of criminal legal character', *Omsk University Bulletin. Series: Right*, no. 2 (51), pp. 145–150.

Seliverstov, V. I. (ed.) 2017, *General part of the new Penal code of the Russian Federation: results of theoretical modeling*, Moscow.

Kostiuk, M. F. (et al.) 2011, *Concept and types of other criminal law measures: study book*, Moscow.

Prozumentov, L. M. & Kornilov, V. A. 2008, 'Regulations modifying punishment & other measures of criminal legal character in the process of execution of a sentence & their classification', *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law*, vol. 4, iss. 2, pp. 41–45.

Santshlov, A. L. 2006, *Execution of deprivation of liberty against juveniles: issues of legislative technique and differentiation: PhD (Law) thesis*, Yaroslavl.

Filimonov, V. D. 2008, *Criminal liability under Russian law*. Moscow.

Shishkov, S. N. 2002, 'Enforcement of compulsory medical measures as an integral part of the penal activity', *Bulletin of the Ministry of justice of the Russian Federation*, no. 11, pp. 115–119.

Yani, P. S. 2006, 'Confiscation of property & criminal liability', *Criminal Law*, no. 6, pp. 131–135.

PENAL POLICY

Feodor Vladimirovich Grushin, PhD (Law), Professor penal law department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: fedor062@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF PENAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Grushin, F. V. 2018, 'Implementation of penal policy of the Russian Federation', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 140–145.

Abstract. The article deals with the main issues related to the implementation of the penal policy of the Russian Federation by the relevant subjects under the influence of different factors system. In this aspect legal and directive form of the establishment of penal policy is taken into account, as well as the existing system of factors. The following activities are considered as subjects of implementation: the President of the Russian Federation; the Federal Assembly of the Russian Federation; the Government of the Russian Federation; the Ministry of Justice of the Russian Federation; the Federal Penal Service; institutions and bodies that carry out criminal law measures; the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation; mass media; non-profit and commercial organizations, including international ones; citizens; convicted persons and other subjects.

Some features of implementation of penal policy by its subjects while executing criminal punishments and other measures of criminal and legal character taking into account the existing criminal and penal legislations are revealed. On the basis of the analysis taking into account the activities of the subjects, as well as the existing system of factors, the author proposes the definition of the stage of implementation of the penal policy.

Keywords: penal policy, penal legislation, system of factors, convicts, execution of criminal punishments.

References

Grushin, F. V. & Seliverstov, V. I. 2017, *Influence of the system of factors on the development of the penal policy and penal legislation of the Russian Federation: monograph*, Moscow.

THE PURPOSES OF THE PENAL LEGISLATION AND THEIR ACHIEVEMENT

Boris Zufarovich Malikov, Garand Doctor of Law, Professor of criminal law and criminology department, Ufa law institute of the Ministry of Justice of Russia, Ufa, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru

SOCIAL INFLUENCE AS A MEANS OF CORRECTION OF CONVICTS AND THE ROLE RELIGIOUS ASPECT IN IT

Recommended citation

Malikov, B. Z. 2018, 'Social influence as a means of correction of convicts and the role of religious aspect in it', *Penal Law*, vol. 14(1–4), pss. 2, pp. 146–151.

Abstract. The author considers theoretical, legal and organizational problems of public influence realization as a means of convicts' correction. The article is focused on the issues of interaction between the institutions of the penal system and religious associations, as well as on the guarantees of the right to freedom of thought and confession of religious prisoners.

Keywords: social influence on convicts, religious associations, religious prisoners, interaction between the institutions of the penal system and religious associations, moral care of souls, priest, correctional and preventive impact, individual spiritual continuum of a convict.

References

Zubev, S. M. 2010, *Penal law*, Moscow, viewed on 23 March, 2018, <http://be5.biz/pravo/u005/7.html> (accestd: 23.03.2018).

Antonyan, Ye. A., Eminov, V. Ye. (eds) 2012, *Course of Russian penal law: students' book in 2 vols, General part*, Moscow.

Rybak, M. S. & Anisimkov, V. M. 2001, *Penal law: corse of lectures*, Saratov.

Popova, Ye. E. 2013, 'Social influence in the structure of correction system of convicts', *Worldwide Discoveries Journal*, viewed on 22 March, 2018, <http://naukarus.com/obschestvennoe-vozdeystvie-v-strukture-sredstv-ispravleniya-osuzhdyonnyh>.

Popova, Ye. E. 2014, 'Social influence in the structure of correction system of convicts', *Juridical Science & Practice: Collection of Scientific Papers of Samara Juridical Institute of the Federal Penal Service of Russia*, Samara, pp. 212–214.

Seliverstov, V. I. 2016, 'Scientific theoretical model of the Penal of the Russian Federation', *Problems of legality & Order Strengthening: Science, Practice, Tendency*, vol. 2, no. 9, pp. 235–242, viewed on 20 March, 2018.

Malikov, B. Z. 2016, 'Peculiarities of social environment in the places of confinement of convicts & problems of realization of their right for freedom of thought, conscience and religion', *Penal System on the Modern Stage of Development of Science & Practice: Proceedings of International Scientific & Practical Conference*, Samara.

Influence in the structure of correction system of convicts, viewed on 25 March, 2018, <http://rud.exdat.com/docs2/index-52601.html?page=62>.

Leonid Borisovich Smirnov, Grand Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal law department, Russian state pedagogy university named after A. I. Gertsen, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: lbs1958@yandex.ru

PENALTY IN THE FORM OF DEPRIVATION OF LIBERTY WITHIN THE CONTEXT OF PENAL LAW AND PENITENTIARY PRACTICE

Recommended citation

Smirnov, L. B. 2018, 'Penalty in the form of deprivation of liberty within the context of penal law and penitentiary practice', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 152–159.

Abstract. The penalty in the form of deprivation of liberty is the most universal and effective means of preventing crimes in comparison with other types of criminal penalties. The social aim of deprivation of liberty reflects the goals set by the society and the law.

Deprivation of liberty is one of the central elements of the penitentiary system which performs preventive and socializing functions. As the most severe punishment it leads to restriction and temporary suspension of a number of fundamental rights of the individual which is provided by the purposes of punishment. Restriction of rights and freedoms in connection with deprivation of liberty is forced, since without it it is impossible to use the means of corrective action and punishment.

The execution of deprivation of liberty is a complex punitive process which includes a set of legal and organizational institutions, forms, means, ways to ensure the isolation of convicts from the outside world and related restrictive measures, coercive measures, security and corrective measures.

The legislator does not give a clear definition of correction degree of convicts, does not make their gradation and does not speak about the ways of their application while determining convicts' treatability. The situation presents a serious gap in the legislation. The degree of convicts' correction in ascending order should be confirmed and captured in legislation and the requirements for each of them should be formulated, and the procedure for their determination should be fixed.

The Penal code of the Russian Federation contains the system of progressive elements of serving a sentence which includes changing conditions of serving a sentence, replacing a sentence with a more lenient sentence, and parole. The promotion in the progressive system of serving sentences should correspond to certain degrees of correction. According to the degree of correction, the grounds for changing the conditions of serving a sentence and for parole should be determined. Modern penal legislation has abandoned this idea, although it has fixed some requirements in separate norms.

Keywords: punishment, penalty, deprivation of liberty, correction, prevention.

References

- Dostoyevsky, F. M. 1984, *The Notes from the dead house*, Moscow.
- Shmarov, I. V. 1963, 'Efficiency of criminal punishment', *Soviet State & Law*, no. 6, pp. 53–68.
- Durkgame, E. 1996, 'Norm & pathology', *Social Background of Criminality*, Moscow, pp. 33–49.

Ivan Andreyevich Smirnov, graduated student of academic and teaching staff training department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: vanosmirnovivan@rambler.ru

POSITIVELY CHARACTERIZED CONVICTS IN THE PROGRESSIVE RESOCIALIZATION PROGRAM

Recommended citation

Smirnov, I. A. 2018, 'Positively characterized convicts in the progressive resocialization program', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 160–167.

Abstract. The article deals with the stages of the progressive system of resocialization in the process of criminal prosecution: criminal proceedings, serving sentences and consequences of conviction. The existing norms of criminal law, criminal procedural law and penal law provide for elements of progressive resocialization system. The effect of these norms depends on the behavior of prosecuted persons and it provides an incentive to observe the established laws.

During the criminal proceedings the criminal law norms and procedural regulations are analyzed. It is noted that some norms are presented as elements of progressive system of the initial stage of resocialization. It is important that at the end of the criminal procedure the legislator should focus on the development of a program aimed at correction and implementation of a set of re-socialization measures of criminals.

The foreign practice concerning the organization of convicts' correction at the initial stage of serving a sentence is analyzed. The article considers the experience of entrance sections in Germany where convicts are admitted to prison for a comprehensive examination by field specialists. Its purpose is to determine the type of a correctional institution and the development of an appropriate program for resocialization and correction taking into account individual characteristics.

The emphasis is made on the fact that in Russia the institute of semi-free regime as a transitional phase from isolation to freedom and on that ground it is proposed to transfer positively characterized convicts to a colony settlement the year before parole. In addition, it is interesting to create preferential (for adults) and open conditions for serving sentences in places of deprivation of liberty which would involve a semi-free regime.

At the final stage of resocialization a proposal is put forward to eliminate additional duties and restrictions on positively characterized convicts which, in turn, minimizes moral psychological barrier and eliminates the legal consequences associated with a criminal record.

Keywords: stages of criminal responsibility, progressive system of resocialization, positively characterized convicts, entrance sections, semi free regime.

References

Gorban, D. V. 2015, 'On the question of the progressive system of execution a punishment & serving a sentence', *Lawyer of the South of Russia & Trans-Caucasian Region*, no. 3, pp. 11–17.

Malinin, P. M. 2011, 'On the beginning & end of the influence progressive system of execution a punishment & serving a criminal sentences & criminal law measures', *Laywer & Legal Expert*, no. 6, pp. 37–41.

Andreyev, N. A. (et al.) 2001, *Resocialization of convicts in penitentiaries in the Federal Republic of Germany: students' book*, Moscow.

Act concerning the execution of prison sentences and measures of rehabilitation and prevention involving deprivation of liberty (Prison Act), viewed on 19 March 2018, http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stvollzg/englisch_stvollzg.pdf.

Gorban, D. V. 2017, 'Pretrial probation as the stage of resocialization process', *Penal Law*, no. 3, pp. 317–320.

Kurkina, I. N. 2011, 'Political & legal systems of foreign states', *Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 2, pp. 190–194.

Gorkina, S. A. 2016, 'Progressive systems of execution of punishments in foreign states', *Bulletin of Kuzbass Institute*, no. 4, pp. 37–41.

Yuzhanin, V. Ye. & Gorban, D. V. 2017, 'Principle of progressive system of serving a sentence in the form of deprivation of liberty', *Lex Russica*, no. 2, pp. 123–134.

THE LEGAL STATUS OF CONVICTED PERSONS

Irina Nikolaevna Korobova, PhD (Law), Associate Professor, vice head of penal law department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: i-korobova@yandex.ru;

Tatyana Sergeevna Khvan, graduated student of academic and teaching staff training department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: khvan_t_s@mail.ru;

Yelizaveta Borisovna Vasilieva, 4th year student of the Law department, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CONVICTED PERSONS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA: PROCEEDINGS OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONER OF RUSSIA

Recommended citation

Korobova, I. N. & Khvan, T. S. & Vasilieva, Ye. B. 2018, 'Problems of ensuring the rights and freedoms of convicted persons in correctional institutions of Russia: proceedings of the Human Rights Commissioner of Russia', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 168–173.

Abstract. There are a number of urgent problems in penal system institutions related to the observance of the rights and freedoms of convicted persons, such as: illegal use of physical force and special means by penal system staff; inadequate medical care of convicted persons; unsatisfactory conditions of detention in correctional institutions; transfer to a correctional institutions located near the place of residence of a convict or residence of his relatives.

In order to prevent the illegal use of physical force, special means and firearms in December 2016 they have made significant changes in federal law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties of imprisonment" and in 2017 res judicata order of the Ministry of Justice of Russia "On approval of the procedure for the carrying and use of firearms by the penal system staff". These innovations regulate a rather strict procedure for the

use of physical force, special means and firearms by the penal institution, and the authors also pay attention to the algorithm and terms of actions after the use of these means.

To provide adequate medical care and to attract a wider range of specialists in various fields in correctional institutions the mechanism of remote treatment is being tested in the penal system.

The amendments to the Penal code of the Russian Federation and the introduction of new internal regulations of correctional institutions are aimed at humanization of detention conditions in correctional institutions of Russia in accordance with international standards.

Problems of detention of a convicted person in a correctional institution located near the place of his residence before the conviction or the residence of his relatives, or detention of a foreign convicted person in a correctional institution of the Russian Federation located near the diplomatic mission and the consular office not far from the border with his native state, or not far from the airport having a direct air communication with the state of citizenship or permanent residence of a convict, can be solved by creating of correctional institutions of a hybrid type with several types of regime in all subjects of the Russian Federation, that is a single institution with a mixed regime of punishment.

Keywords: human rights and freedoms, international standards of prisoners' treatment, convicts, claims, requests, the Human Rights Commissioner of Russia, foreign citizens or apatrides.

References

Gorban, D. V. 2015, 'Complex correctional institutions in the penitentiary system of Russia at the present stage of its reform', *Topical Issues of Crime Prevention*, no. 1, pp. 38–43.

Comments on the text of the European prison rules Rec(2006)2, viewed 17 March 2018, <http://www.refworld.org.ru/docid/55c36e8b4.html>.

Krimov, A. A. & Skiba, A. P. 2018, *Comments on the Penal code of the Russian Federation*, Moscow.

Official website of the Federal Penal Service of Russia, viewed 17 March 2018, <http://фсин.рф>.

Utkin, V. A. 2014, 'Hybrid correctional institutions & international standards', *Penal Law*, no. 2, pp. 7–11.

Khvan, T. S. 2017, 'International standards of treatment of foreign convicts & stateless apatrides', *Penal Law*, vol. 13 (1–4), iss. 2, pp. 93–229.

Shokhnor Akeksandrovitch Arnyudaev, graduate student of the law faculty (2nd grade), Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: shonkhor@bk.ru

THE PROHIBITION OF CONVICTS' SUFFRAGE: SHOULD IT BE RESTRICTED?

Recommended citation

Arnyudayev, S. A. 2018, 'The prohibition of convicts' suffrage: should it be restricted?'. *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 174–178.

Abstract. The article presents the issue of convicts' political rights restriction. For the present one of the most topical issues of Russian penal law system is the prohibition of suffrage for the convicts. In accordance with Paragraph 2 of Article 37 of the Russian Constitution, per-

sons are kept in detention facilities by a court verdict are deprived of the right to vote and to be elected. This issue is under discussion between jurists. The European Court of Human Rights has recognized the deprivation of suffrage for the convicts inconsistent with the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the case of “Anchugov and Gladkov against Russia”, as well as in the case of “Isakov and others against Russia”. However, the Constitutional Court of the Russian Federation has recognized it impossible to fulfill the decision of the European Court in the case of “Anchugov and Gladkov against Russia” in terms of general measures involving changes in the legal system of the Russian Federation. Restriction of the convicts’ rights is possible only in order to complete objectives of the penal enforcement legislation. Restrictions of convicts in active electoral law consider qualitative and quantitative errors in accounting electoral activity, thereby making the opinion of the population of the Russian Federation incomplete.

The system of punishments optimization within the suffrage of convicts is possible by transferring certain regimes of imprisonment to alternative types of punishment, although related to the restricted confinement of convicts, but without entailing restrictions on their voting rights. Russia should strive for ideals of democracy and justice, but due to the difficult political situation in the country, these changes can be negatively perceived by the population. Changes to optimize the system of criminal penalties by transferring individual regimes of serving imprisonment in alternative types of punishment are proposed.

Keywords: suffrage, sentenced to imprisonment, European Court of Human Rights, penal law.

References

Terekhova, L. A. 2017, *New and newly discovered circumstances in civil and administrative proceedings: monograph*, Moscow.

Romanovskiy, G. B. 2017, “‘The Case of Anchugov and Gladkov’ and the judgement of Constitutional Court of the Russian Federation, body for constitutional supervision of foreign states’, *Lex Russica*, no. 2. pp. 135–146.

Yelinskiy, A. V., 2011 ‘General legal consequences of criminal conviction: constitutionally permissible limits’ *Penal Law*, no. 6, pp. 106–113.

PENAL INSTITUTIONS AND BODIES AND THEIR LEGAL ACTIVITY

Vasily Vasilievich Fomin, PhD (Law), Associated Professor, leading scientific worker of the scientific research department of scientific center, Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

FEATURES OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF PENAL SYSTEM STAFF

Recommended citation

Fomin, V. V. 2018, ‘Features of legal consciousness of penal system staff’, *Penal Law*, vol. 14 (1–4), iss. 2, pp. 179–183.

Abstract. The article considers the features of the legal consciousness of the penal system staff as a separate type of professional legal specialized consciousness which is due to the specifics of the service tasks.

Keywords: legal regulation of the activities of penal system officers, legal consciousness of the staff, deformation of legal consciousness.

References

Korobov, S. A. 2006, *Law-enforcement activity in modern Russian society: problems of theory: PhD (Law) thesis*, Vladimir.

Kartashov, V. N. 1989, *Legal activity: concept, structure, value*, Saratov.

Samsonov, S. H. 2005, 'On the tasks of professional training of employees of the Federal Penal Service of Russia', *Legal Newspaper*, no. 1.

Gulevich, O. A. 1999, *Social concepts of crimes, victims & workers of legal institutions: PhD (Law) thesis*, Moscow.

Shermenev, M. A. 2006, *Deformation of professional legal consciousness of the staff of penal system (general legal analysis): PhD (Law) thesis*, Vladimir.

Endin, A. B. 2005, 'Spiritual & cultural guarantees of the penal law', *Legal Bulletin*, no. 1.

Baranov, P. P. 1997, *Systems theory & system analysis of legal consciousness of the personnel of the internal affairs department: monograph*, Rostov-on-Don.

Slavskaya, A. N. 2012, 'Legal consciousness of an individual in the conditions of modern Russian reality', *Development of Psychology in the System of Complex Human Knowledge: Scientific Proceedings*, Moscow.

Evstafieva, Ye. A. 2013, 'Personal determinants of legal consciousness deformation of the employees of the penal system (theoretical analysis)', *Historical & Socio-educational Thought*, no. 2, pp. 137–141.

THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES ASSOCIATED CUSTODIAL

Elena Vladimirovna Yemelyanova, Grand Doctor of Law, Associate Professor, head of academic and teaching staff training department, Saint Petersburg academy of Investigation committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: eev-rusino@yandex.ru;

Nikita Sergejevich Emelyanov, PhD (Law), head of chief operations department, Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: 79265557079@yandex.ru

ON THE QUESTION OF PREVENTION AND CONTROL OF THE PRISON CONFLICTS BY OPERATIONAL STAFF OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Yemelyanova, Y. V. & Emelyanov, N. S. 2018, 'On the question of prevention and control of the prison conflicts by operational staff of the penal system', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 184–188.

Abstract. The article deals with solving the problem of crime prevention in places of confinement on the basis of prison conflicts prevention by the operational staff of the penal system. Relying on applied research the authors emphasize that preventive activities of the institutional operational staff of the penal system is connected with identification of offence-prone persons, and the application of preventive measure to suppress these intentions (at the stage of intent detection). As the result of specific conflict situations research in places of confinement, it is concluded that prevention of penitentiary conflicts in correctional institutions of the penal system should be aimed at neutralizing or eliminating the causes and conditions that contribute to their occurrence, with the use of enforcement actions aimed at certain factors and individuals with sustainable delinquent behavior.

Keywords: prevention, penitentiary conflict, operative staff, offences, operational detective activities, corrections (correctional institutions).

References

- Khokhryakov, G. F. 1991, *Paradoxes of prisons (issues, discussions, suggestions)*, Moscow.
- Starkov, O. V. 2004, *Criminology: students' book*, Moscow.
- Main indicators of penal system activity of the Federal Penal Service of Russia, January – December 2017: collection of research and analytic papers*, 2018, Tver.
- Bryzgalov, I. V. 1984, *Violent crimes committed in corrective-labor colonies and their prevention: PhD (Law) thesis*, Kiev.
- Detkov, A. P. 2013, *Methodological paradigm of the penitentiary conflict resolution studies: criminal law aspect, penal & criminological aspects: PhD (Law) thesis*, Ekaterinburg.
- Dolgova, A. I. (ed.) 2005, *Criminology: students' book for universities*, 3rd edn, Moscow.
- Gromov, V. G. 2007, 'Penitentiary crime', *Modern Law*, no. 9, pp. 65–69.

EARLY RELEASE FROM PUNISHMENT

Aleksandra Antonovna Shanina, graduate student of Criminal law and Criminology department, Law department of Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation, e-mail: alexandra.shanina@gmail.com

SOME QUESTIONS OF PAROLE OF PERSONS SUBJECT TO COMPULSORY MEASURES OF MEDICAL NATURE IN CONNECTION WITH DISORDERS OF SEXUAL PREFERENCE (PEDOPHILIA) INCLUDING SANITY

Recommended citation

Shanina, A. A. 2018, 'Some questions of parole of persons subject to compulsory measures of medical nature in connection with disorders of sexual preference (pedophilia) including sanity', *Penal Law*, vol. 14 (1–4), iss. 2, pp. 189–194.

Abstract. In order to enhance criminal liability for sexual offences, Federal law no. 14-f of 29 February 2012 was adopted "On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and certain

legislative acts of the Russian Federation”. This has made possible the application of compulsory medical measures to persons who have committed crimes at the age of 18 years against sexual integrity of juveniles who don't reach 14 years old, and also has brought changes to a number of other federal laws including the Penal code of the Russian Federation. So, according to the provisions of article 175 of the Penal code of the Russian Federation the penitentiary authorities after petition application by a convict concerning the parole sent to the court, in addition to the petition, the report of the attending physician, as well as characteristics of the convicted person which contains information about the applied forced measures of medical character and his relation to treatment.

The subject of this article is the impact of compulsory medical measures applied to a person suffering from pedophilia on his parole. In this regard the features of the use of these coercive measures are considered, along with punishment of a person who has committed a crime and suffers from a disorder of sexual preference.

The purposes of punishment and compulsory medical measures are closely intertwined in the application of the above measures. A comparison of the purposes of compulsory treatment and the purposes of punishment allows us to demonstrate that an independent institution of compulsory medical measures can have an impact on the right to parole. According to article 175 of the Penal code of the Russian Federation parole for persons suffering from pedophilia is associated with the achievement not only of correction of this category of convicts and prevention of committing new crimes, but also the goals that compulsory medical measures should achieve.

When deciding the question of parole re-examination of all persons referred to in part 1 of article 97 of the Criminal code of the Russian Federation is required, not only those who have committed sexual crime against a minor, and therefore it is necessary to present article 175 of the Penal code of the Russian Federation in the new edition.

Keywords: deprivation of liberty, life imprisonment, compulsory medical measures, sexual disorder (pedophilia), goals of compulsory medical measures, purposes of punishment, parole.

References

Batanov, A. N. 2107, 'Criminal law issues of application of compulsory medical measures to persons suffering from sexual preference disorder (pedophilia)', *Medical Law*, no. 1, viewed 14 April 2108, <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=C-JI&n=102331#02483145962419433>.

Spasennikov, B. A., Smirnov, A. M. & Tikhomirov, A. N. 2014, 'Purposes of compulsory measures of medical character connected with execution of punishment', *Penal System: Law, Economics, Management*, no. 3, pp. 24–28.

Ignatov, A. N. & Krasikov, Yu. A. 2000, *Criminal law of Russia: students' book for universities*, 2 vols, vol. 1, *General part*, Moscow.

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF CRIMINAL PUNISHMENT EXECUTION

Talat Kurmanovich Akimzhanov, Grand Doctor of Law, Professor, Honorary Figure of the Ministry of Internal Affairs of Republic of Kazakhstan, director of scientific research institute of law, University “Turan”, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: editor62@yandex.ru

ON SOME PROBLEMS OF PENITENTIARY SECURITY ENSURANCE IN REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Recommended citation

Akimzhanov, T. K. 2018, 'On some problems of penitentiary security ensurance in Republic of Kazakhstan', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 195–203.

Abstract. The article deals with the problems of prison security caused by the following circumstances:

- 1) political;
- 2) legal;
- 3) great number of various kinds of violent actions among convicts;
- 4) insufficient provision of the system of execution of punishment in the Republic of Kazakhstan;
- 5) level and dynamics of penitentiary - crime-indicators of quality of the organization of execution of punishment;
- 6) maximum provision of specialization in the execution of punishment of persons convicted for various criminal offenses.

Keywords: Republic of Kazakhstan, penitentiary security, personal security ensurance.

Reference

- Khohryakov, G. F. 1989, 'Punishment in the form of deprivation of liberty: effience effectiveness', *Soviet state & Law*, no. 2, pp. 65–73.
- Dzhansaraeva, R. E. 2006, *Problems of fighting crime in correctional institutions: monograph*, Almaty,
- Khokhryakov, G. F. & Kudryavtsev, V. N. (ed.) 1999, *Criminology: students' book*, Moscow.
- Yeskendirov, A. A. 2008, *Problems of execution of punishments in respect of juvenile convicts: students' book*, Kostanay.
- Yeleshov, T. R. 2010, *Prevention of criminal violence among prisoners in the conditions of correctional institutions: PhD (Law) thesis*, Almaty.
- Antonyan, Yu. M. 2013, *Criminology: students' book for bachelors*, 2nd edn, Moscow.
- Criminological dictionary 2012*, Astana.
- Stepashin, S. V. 1994, *Security of a person & society (political and legal questions): monograph*, St. Petersburg.
- Leskov, M. A. 1994, 'Homeostatic processes & security theory', *Securyty*, no. 4 (20), pp. 66–67.
- Mitrokhin, V. I. 1995, 'Concept of the national security strategy of Russia', *Socio-political Journal*, no. 6, pp. 22–40.
- Akimzhanov, T. K., & Tauova, G. S. 2015, *Penitentiary crime (criminological & criminal legal aspects): monograph*, Almaty.

Andrey Anatilievich Pavlenko, PhD (Law), Associate Professor of the department of execution of non- non-custodial sentences and legal support of the activities of the penal system, Federal state institution of continuing professional education Tomsk institute of advanced training of employees of Federal Penal Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, e-mail: a.pav@list.ru

SOLITARY CONFINEMENT: INTERNATIONAL LEGAL APPROACH AND RUSSIAN PRACTICE

Recommended citation

Pavlenko, A. A. 2018, 'Solitary confinement: international legal approach and Russian practice', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 204–209.

Abstract. The study of the provisions of the main special international standards for the treatment of persons sentenced to deprivation of liberty has led to the conclusion that the issues of solitary confinement have been reflected to some extent in all documents of this kind. However, a special place in the regulation of solitary confinement is occupied by the UN rules of Nelson Mandela adopted in 2015. The most significant innovations in this document were the definitions of the concepts of “solitary confinement” and “long-term solitary confinement”. In addition, these notions are included in the number of measures equivalent to torture or other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, the importance of the prohibition of them is confirmed by its establishment in the first basic principle of the Nelson Mandela Rules.

The comparative analysis of the provisions of international standards in the field of solitary confinement allows us to identify a number of elements that form an international legal approach to this concept:

- 1) in most international standards solitary confinement is regarded as a disciplinary sanction;
- 2) the form and duration of solitary confinement shall be determined in writing in the law or by a legal act of the competent administrative authority;
- 3) the obligation of the medical report concerning the ability of a convict to bear this type of penalty and in the future daily medical monitoring of prisoner's health;
- 4) the duration of solitary confinement shall not exceed 15 days;
- 5) during the period of solitary confinement meaningful contact with people should be made at least 2 hours a day;
- 6) the law should establish a list of categories of persons to whom solitary confinement cannot be applied at all;
- 7) solitary confinement must comply with established sanitary standards.

In accordance with the Russian penal legislation four grounds for transfer of sentenced persons on a solitary confinement are possible. The concept of “solitary confinement” as a measure of disciplinary action in Russia is mostly consistent with such type of penalty as the placement of a convict in a punishment cell. The grounds and procedure for applying this type of penalty generally meet the requirements of the international legal approach. Certain problems with regard to the conditions of detention in the punishment cell may lead to the time frame set out in paragraph 44 of the Nelson Mandela Rules – 22 hours or more per day without meaningful contact with people since the convicts who are placed in the punishment cell without leaving work have the right to use a daily 1-hour walk.

It seems that the requirements of the international legal approach to solitary confinement should be implemented in the national legislation of Russia by fixing in the Penal code of the Russian Federation both the definition of “solitary confinement” and its features, and the mechanism of execution of this disciplinary measure.

Keywords: solitary confinement, international standards of convicts treatment, Nelson Mandela Rules, disciplinary measures application, cruel, inhuman or degrading treatment and punishment types, sensor deprivation, isolation to keep legal order, medical control of convict

health, transfer to penalty isolator; personal security insurance, implementation of international standards of convicts treatment in Russia.

References

Pavlenko, A. A. 2017, 'Legal order provision in penitentiaries according to Nelson Mandela Rules', *Bulletin of Kuzbass Institute*, no. 4(33), pp. 79–88.

Pavel Vladimirovich Teplyashin, PhD (Law), Associate Professor of the Criminal law and Criminology department, Siberia Law University of the Ministry of Justice of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: pavlushat@mail.ru

SLAVIC OR SOVIET PRISON TYPE (IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF TYPOLOGY OF EUROPEAN PRISON SYSTEMS)?

Recommended citation

Teplyashin P. V. 2018, 'Slavic or Soviet prison type (in the context of the theory of typology of European prison system)?', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 210–216.

Abstract. By means of the implementation of classification and typology methods the European prison systems are systematized into ten types among which the Slavic prison system is distinguished. The author proves the use of such name as "Slavic prison system" which is based on the Slavic law family. However, the use of this term is in a certain sense nominal, but the use of this category reflects the unity of the approach to the European prison systems typology and allows to include chronometrically the pre - and post-Soviet periods of existence of the system of execution of criminal penalties which demonstrates not the progressive nature of its development.

While the use of the term "Soviet" leads not only to the ideological essence of correctional labor the system of this period, but also unreasonably underestimates the importance of development features of the system of execution of punishment in the pre-Soviet and post-Soviet periods. It is concluded that the separation of Slavic tendencies among the European prison systems demonstrates the presence of historically developed distinctive features of its functioning.

Keywords: "hybrid" corrections, Commonwealth of Independent States, places of confinement, treatment model, convict, "penitentiary card", ward-type rooms, prisons.

References

Demchenko, T. I. 2016, 'Ethnic, territorial and temporal aspects of formation of the Slavic-Russian people', *Lex Russica*, no. 2, pp. 122–146.

Olkov, O. A. 2015, *Criminological and criminal legal comparative analysis of crime in Russia & Ukraine in the Soviet and post-Soviet periods: PhD (Law) thesis*, Yekaterinburg.

Sinyukov, V. N. 2010, *Russian legal system. Introduction to the general theory*, 2nd edn, Moscow.

Dorofeyev, N. K. & Dorofeyev, I. N. 2009, 'Historical evolution of the use of convicts' labor in the penitentiary institutions of tsarist Russia', *Historical & Economic Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 5–13.

Novikov, Ye. Ye. 2010, 'Problems of formation & development of regulation of convicts' placement in detention during the development & reform of the penitentiary system of tsarist Russia', *Penal Law*, no. 1, pp. 31–34.

Smirnov, L. B. 2016, 'Peculiarities and problems of development of the penitentiary model in Russia', *Bulletin of Saint-Petersburg Law Academy*, no. 2(31), pp. 110–115.

Utkin, V. A. 2014, 'Hybrid correctional institutions & international standards', *Penal Law*, no. 2, pp. 7–11.

Utkin, V. A. 2014, "Multi-regime" correctional institutions: reality and prospects', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, no. 4(21), pp. 9–18.

Shcherbakov, A. V. 2017, 'Security of the penal system: basic concepts and essence', *Man: crime and punishment*, vol. 25(1–4), iss. 4, pp. 539–543.

Useyev, R. Z. 2017, 'Prospects of development of the hybrid correctional institutions system in the aspect of the penitentiary system security', *Statements of the Penitentiary System*, no. 4(179), pp. 30–35.

Malikov, B. Z. 2017, 'Formation of penal policy in pre-revolutionary & Soviet Russia', *Penal Law*, vol. 12 (1–4), iss. 4, pp. 374–379.

Filimonov, O. V., Seliverstov, V. I. & Utkin, V. A. 2014, 'On conceptual issues of development of the Russian penal system', *Penal Policy, Legislation & Law: Current State & Prospects of Development: Proceedings of the Round Table Devoted to the Memory of Filimonov O. V. (Moscow, May 31, 2013)*, pp. 19–35.

Retish, A. B. 'Breaking free from the prison walls: penal reforms and prison life in revolutionary Russia', *Historical Research*, vol. 90, iss. 247, pp. 134–150.

Piacentini, L. & Slade, G. 2015, 'Architecture and attachment: carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia', *Theoretical Criminology*, vol. 19(2), pp. 179–197.

Zakharov, A. A. 2002, *Theoretical & legal basis of unification of the penal legislation of the states-members of the Union of Belarus & Russia: PhD (Law) thesis*, Moscow.

Epifanov, O. S. 2007, 'Concept & some problems of unification of the penal legislation of the CIS member-states', *Penal Law*, iss. 4, pp. 17–19.

Musa Gumbat-Ogly Gumbatov, vice head of probation service of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaidzhan, Baku, Republic of Azerbaidzhan, e-mail: qumbatovmusa@mail.ru

NOVELS IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF AZERBAIDZHAN CONNECTED WITH CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF COMMUNITY SERVICE

Recommended citation

Gumbatov, M. G. 2018, 'Novels in the legislation of the Republic of Azerbaidzhan connected with criminal punishment in the form of community service', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 217–221.

Abstract. The changes in the legislation of the Republic of Azerbaidzhan at the end of 2017 related to the criminal punishment in the form of community service are considered in the article. The adopted innovations created favorable conditions for the elimination of shortcomings, the solution of a number of existing problems and the improvement of the mechanism of execution of penalties in the form of community labor. In order to improve the efficiency of punishment in the form of community works and its execution, and to solve other problems encountered in practice, a number of changes in the current legislation of the Republic of Azerbaijan are proposed.

Keywords: punishment in the form of community service, probation service, Republic of Azerbaidzhan.

References

Azerbaidzhan 2017, 10 February.

Gumbatov, M. G. 2017, 'Punishment in the form of community service in the Republic of Azerbaidzhan', *Man: crime & punishment*, vol. 25(1–4), iss. 1, pp. 49–54.

INTERSECTORAL ASPECTS OF ENFORCEMENT OF CRIMINAL SANCTIONS

Nina Yurievna Skripchenko, PhD (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Procedure and Penal Law department, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: n.skripchenko@narfu.ru

MISDEMEANOR OFFENSE: OBJECTIVE DEMAND OR PROCLAIMED NECESSITY?

Recommended citation

Skripchenko, N. Yu. 2018, 'Misdemeanor offense: objective demand or proclaimed necessity?', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 222–226.

Abstract. The decrease of penal law repressiveness, expressed in the draft federal law, adopted by the Russian Supreme Court Plenum on 31th October, 2017, has a widespread approval in law science. The introduction of a category of "misdemeanor offense" is proposed.

According to the draft analysis, "misdemeanor offense" coming into force provides deeper diversification of crimes, segregating socially dangerous acts, for which imprisonment is not applied. Considering that persons who committed criminal offenses for the first time or crimes of low or medium gravity were offered to apply, along with a judicial penalty, other measures that are similar (with respect to the name and nature of legal restrictions) with such punishments as compulsory and correctional labor, the idea of differentiation of criminal liability, on which the draft is based.

The proposal to consolidate the new grounds for exemption from criminal liability as imperative and conditional leads to the fact that the person who committed a criminal offense, the smallest classified among the criminally punishable, cannot be released from criminal liability on other grounds that are unconditional and do not attract the use of measures of state enforcement.

Without denying the idea of a deeper differentiation of crimes and reducing the repressiveness of the penal law, it should be noted that its implementation will require the differentiation of measures of the criminal principles, including the features of their execution, which entails the revision of a significant number of normative acts of substantive and procedural law.

Keywords: misdemeanor offense, crime, grade of offense, relief from criminal responsibility, another criminal sanction, penal law humanization.

References

Kudriavtsev, V. N. & Kelina, S. G. (eds) 1987, *Penal law. Theoretical modeling experience*, Moscow.

Rogova, E. V. 2014, *Criminal liability differentiation study: Phd (Law) thesis*, Moscow.

Golovko, L. V. 2013, 'Criminal offense and administrative offense correlation in the criminal matter concept', *International Justice*, no. 1, pp. 51–52.

V. M. Lebedev's speech at the IX all-Russian congress of judges, official website of the President of the Russian Federation, viewed 5 April 2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/53419>.

Bezverkhov, A. G., Denisova, A. V. 2017, 'On the establishment of the institution of criminal offense in the Russian penal law system', *Penal Law*, iss. 4, pp. 25–29.

Kibalnik, A. G. 2017, 'Misdemeanor offense and its legal consequences', *Penal Law*, iss. 4, pp. 65–68.

Gavrilov, B. Ya., Rogova, E. V. 2016, 'Misdemeanor offense in the context of the reformation of the Russian criminal legislation', *Russian Justice*, no. 11, pp. 2–5.

Lopashenko, N. A. 2017, 'Decrease of penal law repressiveness: proposed measures and its assessment', *Penal Law*, iss. 4, pp. 84–99.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

Sergey Feodorovich Milyukov, Grand Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal law department, Russian state pedagogical university named after A. I. Gertsen, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

A REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ON PHD (LAW) THESIS KRASNIKOVA YE. V. "CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND CORRUPTION PREVENTION IN THE SPHERE OF EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT"

Recommended citation

Milyukov, S. A. 2018, 'A review of the official opponent on PhD (Law) thesis Krasnikov Ye. V. "Criminological characteristics and corruption prevention in the sphere of execution of criminal punishment in the sphere of execution of criminal punishment in the form of imprisonment"', *Penal Law*, vol. 14(1–4), iss. 2, pp. 227–231.

Abstract. The author proves the significance of the thesis research, notes the advantage of the work, as well as some shortcomings of the author of the study. It is concluded that the author of the research deserves the award of the required scientific degree of PhD of Law, specialty 12.00.08.

Keywords: thesis, graduate student, corruption prevention, deprivation of liberty, crimes.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов.

Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество (для статей на русском языке обязательна транслитерация ФИО авторов) приводятся полностью, без сокращений. Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО во всех статьях автора. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

ORCID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ORCID.

ResearcherID. Указывается индивидуальный номер каждого автора в системе ResearcherID.

Контактная информация (обеспечивает связь любого желающего с автором): e-mail – публикуется в журнале; мобильный телефон – для связи редакции с автором, не публикуется, третьим лицам не передается.

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов (2000–4000 печатных знаков с пробелами), определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Не допускаются нерасшифрованные аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний (не более чем из 3 слов). Перечень основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы. Должен отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами.

Структура. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction) – актуальность

темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановка проблемы, формулирование цели и задач исследования; методы (Materials and Methods) – детальное описание методов и материалов исследования, схем экспериментов, а также информационной и теоретической базы исследования; результаты (Results) – фактические результаты исследования (текст, таблицы, графики, диаграммы, фотографии, рисунки); обсуждение (Discussion) – интерпретация полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; обобщение результатов исследования; предложения по практическому применению результатов исследования и т. д. Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Интервал – 1,5 (полуторный). Выравнивание текста – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру. Выделения в тексте – курсив.

Рисунки, графики, схемы, диаграммы, фотографии располагаются по тексту, нумеруются и подписываются (Рис. 1. Название), на них обязательно делаются ссылки в тексте (рис. 1). Исполняются в черно-белом цвете, должны быть контрастными и четкими (разрешение изображений не менее 300 dpi). Если иллюстрации не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Таблицы создаются в текстовом редакторе MS Word. Должны быть озаглавлены и пронумерованы. В тексте обязательны ссылки на таблицы (табл. 1). Если таблицы не авторские, следует сделать ссылку на источник, откуда они скопированы.

Формулы выполняются при помощи редактора формул MS Equation. Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках. Единственная в статье формула не нумеруется.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Не допускается избыточное и необоснованное цитирование. Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление:

для статей на английском языке – Гарвардский стиль цитирования (Harvard Referencing Style);

для статей на русском языке – по ГОСТ Р 7.05-2008.

Образец для статей на русском языке:

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2017. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2017).

Источники приводятся в порядке их цитирования в тексте (не по алфавиту) и не повторяются. У научных статей и частей из книг обязательно указывается интервал страниц (С. 54–59), а у монографий, учебников и пр. – общее количество страниц в издании (542 с.).

Научное издание

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал

Редактор *Т. Н. Русакова, А. Ю. Пертли*

Корректор *А. Ю. Пертли*

Перевод *С. А. Сильянов*

Компьютерная верстка *Г. Н. Смирнова, Т. А. Ключникова*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.06.2018. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 9,63. Усл. печ. л. 8,96. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1